

Кристина Скопинцева

БЕЗЫМЯННЫЙ РОМАН
(«Сильф»)

Тамбов 2021

УДК 82-31

ББК 84

С 44

Скопинцева К.

Роман: Скопинцева Кристина; – Тамбов: Студия печати Галины Золотовой, 2021. – 214с.

Трагический, талантливый, неоконченный безымянный роман Кристины Скопинцевой в виде развёрнутой метафоры открывает важнейший для молодой души времён свободной России вопрос. Быть живым или взрослым? Убить успех или сердце? Сломать себя или своих близких? Два варианта выбора, на первый взгляд такие разные, могут привести к одной точке, в которой герои окажутся перед отражением в кривом зеркале и, может быть, узнают себя в том, чего надеялись избежать.

Кристина Скопинцева

Часть 1

Она летела вниз, снова ощущая всё сразу: страх, свободу, восторг и изумляющий ужас. Она смотрела в небо с нереальными розово-оранжевыми облаками, потрясающе сочетающимися с сочной голубизной, и летела вниз с огромной высоты. Совсем недалеко пролетела птица. Она заглянула ей в глаза своим чёрным, пронизательным, сочувствующим взглядом и полетела прочь, вверх. А она вниз. Она летела быстро, но то ли высота была непомерна, то ли время остановилось, чтобы позволить ей насладиться этими мгновениями ни на что не похожего полёта. Сердце, казалось, тоже остановилось и также, замерев, впитывает в себя эти новые божественные ощущения.

Чувств в душе было так много, что она задыхалась. И ей нравилась эта сладкая боль, эта сладкая мука, этот сладкий страх... Ещё совсем недавно, несколько минут назад она стояла на краю обрыва, ощущая на своих плечах всю тяжесть её ужасной жизни, которая клонила её к земле, а сейчас она уже летела, освободившись от всего, что её так тяготило. Она оставила всё на земле и ушла налегке. Она стала свободна, как птица, которую она только что видела. Здесь не было чёрных красок, здесь не было отчаяния, здесь небо и пространство, это не земля, здесь свобода. И даже сознание того, что это лишь сладкое мгновение, её не пугало. Одно мгновение, но сладкое и неземное, оно стоит всех жизней.

Она опустила глаза, через растрёпанную ветром чёлку увидела бескрайний океан, сине-зелёную прекрасную бездну, поджидавшую её, обещавшую принять её со всей своей нежностью. Это оказалось избавлением от непосильных земных мук, а значит, это нежность. Волны

разверзлись и проглотили её, сомкнувшись над головой и окутав ледяным одеялом.

А она всё ещё видела небо, только уже через синевато-зелёную пелену...

– Юля! Юля! – услышала она издали доносившийся голос. – Юлечка, проснись! Юля!

Она с трудом открыла глаза, прикоснулась рукой к щеке и почувствовала влагу. Проснувшись и вытерев щеки, она упулилась в потолок, всё ещё ощущая себя во сне и думая, что на щеках были капли океана.

– Что, опять это снилось? – встревоженно спросила её подружка Света.

– Да, – безжизненно ответила Юля.

– Я бы давно свихнулась с этим сном.

– Он мне почему-то нравится, – всё ещё находясь в трансе, ответила Юля.

– Нравится? – сделала ошалелые глаза Света.

– Ты не представляешь, какие чувства я испытываю, когда лечу вниз. Это ни с чем не сравнимо. Ничего лучше я не чувствовала.

– Ты больная, – сделала вывод Света.

– Все мы больные, – вздохнула Юля. – Назови мне хоть одного здорового человека из нашей компании.

– Я, – удивилась Света.

– Ты это серьёзно? – в свою очередь удивилась Юля. – А не ты ли на недавней гулянке на даче просила, чтобы твоё пианино привезли в поле? – напомнила она. «Мне хочется поиграть на лугу. Привезите, пожалуйста!» – передразнила она подругу. И что самое интересное – ведь привезли.

Света вспомнила это и смущённо почесала нос, хитро улыбнувшись.

– Так я ж пьяная была в дым, – попробовала оправдаться она. – Как и мы все.

– Да мы и по-трезвому не лучше, – ответила Юля и встала с постели. Она подошла к распахнутому окну и спросила: – А кстати, где мой милый Паша?

Юля облокотилась на подоконник и глянула вниз со второго этажа. Её милый Паша сидел в компании остальных друзей за столом на улице под ветвями вишни, которые всем мешались, маяча перед глазами. Вид у всех был измученный и помятый – все страдали от похмельного синдрома. Антон сидел, обнявшись с двухлитровой бутылкой воды, и пил из неё с перерывом в минуту; его чёлка висела сосульками, так как он ещё и также с небольшим перерывом умывался. Марина, привалившись к его плечу, недовольно наблюдала за веткой с вишенкой, которая качалась перед её носом. Женя нетвёрдо сидел на скамейке в гусиных перьях и соломой в растрёпанных волосах. Все опасались, что он вскоре с этой скамейки рухнет. Паша поднял голову, посмотрел на Юлю и в очередной раз восхитился: её карие глаза в лучах яркого солнца приобрели золотистый оттенок, а её взгляд стал ещё более космическим. Лицо обрамляли русые волосы до плеч, которые также сверкали на солнце золотистым цветом. Юля вся светилась...

– Ну, что, братцы-кролики, хреново? – подколола она.

Друзья заторможенно подняли лица с огромными синяками под глазами к окну, поморщились одновременно и вздохнули. Юля опустилась к ним, и, сев к своему любимому на колени, с наигранным беспокойством предложила:

– Может, кофе?

– С водочкой, желательно, – хмуро пробурчал Антон. – Вот скажи, почему у тебя голова никогда не болит?

– Потому что она умная и не мешает всё подряд,

как вы, – ответила Юля и погладила Пашу по голове, пытаясь пригладить его чёрные жёсткие волосы, упрямо торчавшие во все стороны.

– Это не даёт тебе права над нами прикалываться, – сказала Марина, сорвала вишню, до смерти ей надоевшую, и засунула её в рот.

– Вы меня лучше не злите, – предупредила Юля и резко встала. Она зашла в дом, а вышла с двумя бутылками пива и с торжественной улыбкой остановилась на пороге. Глаза у всех увеличились в два раза. Все стали восторженно кричать и прыгать по клубнике, которой уже ничего не было страшно. Ночью на ней повалились все, всю потоптали и раздавили. После чего все ходили вымазанные в ягоде, снимали друг с друга кусочки и ели. Друзья налетели на Юлю и стали обнимать их спасительницу.

– Ты просто супер! – сказал Антон, чмокнул её в нос и, взяв обе бутылки, поставил их на стол.

Выпив «живительный нектар», все повеселели. Дальше началась самая интересная глава послепраздничного действия – воспоминания о прошедшей ночи, которые оказывались обычно смешнее самой гулянки. Постепенно открывались самые неожиданные подробности. Таким образом, Света ночевала, оказывается, на соседней даче, а Женя, например, спал почти в пруду, а точнее, на берегу. Но под утро все опять же каким-то чудесным способом оказались в одном доме.

– А кто меня поцеловал, когда я лежал на полу кухни? – вдруг встрепенулся Алик, которого почему-то называли Сильф – самый младший человек в компании – шестнадцати лет. Учился он на третьем курсе по классу гитары в отличие от всех остальных – пианистов, играл в тамбовской рок-группе. Но его настоящего возраста ему никто никогда не давал. Сильф иногда выдавал такие фи-

лософски-мудрые вещи, что невольно становилось страшно, откуда у шестнадцатилетнего пацана такие мысли и знания. Детство в нём осталось лишь в виде легкомыслия, взбалмошности и непоседливости. Он всегда относился неравнодушно к женскому полу и, несмотря на свой небольшой возраст, девушек он сменил уже предостаточно. В настоящий момент беспорядочные недолгие встречи с ними ему надоели. Он понял, что ему требуется гораздо больше, чем отношения на неделю, основанные лишь на симпатии и сексе, он устал от этого. Ему захотелось встретить близкого человека, хорошего и понимающего, захотелось любви. Поэтому вот уже около месяца он ни с кем не встречался, ожидая настоящего чувства. Пока не везло, но Сильф, как и все в компании, принимал всё как есть, считая, что «всё бывает, как бывает, а не так, как хочешь, чтобы было». И он терпеливо ждал. И сейчас ему было очень интересно, кто же его поцеловал.

– Когда? – встрепенулся в свою очередь Женя.

– Я лежал на полу...

– Когда Маринка кричала: «Снимите с меня лягушку!»? – испуганно уточнил Женя.

– Ну, да, точно!

– В губы поцеловал? – ещё испуганней спросил Женя.

– В губы, конечно. Да ещё так страстно, – улыбнулся Сильф, вспомнив испытанное удовольствие.

– А там не Света лежала? – на Жене уже лица не было. По цепочке встрепенулась Света...

Все вдруг начали понимать и истерично вздрагивать, пытаясь не расхохотаться.

– Так это... – глаза Сильфа стали увеличиваться.

Парень, видно, тоже начал понимать ужас Жени.

– Ты что не сказал, что это ты? – вдруг заорал Женя.

– Это действительно ты был? – тоже начал орать Алик.

– Ну, я же не видел, что это не Света!

– А ты считаешь, что, кто бы ни лежал, это Света?!

– Ну, я просто почувствовал, что это Света! Она же моя девушка и моё сердце не могло меня так жестоко обмануть...

– Тебе просто без разницы, с кем целоваться, когда ты пьяный в «раз-ду-ду». Света, извини, – обратился он к Свете.

Сама Света уже размазывалась по скамейке от смеха. Да и все остальные, как ни сдерживались, хохотали, держась за животы.

– А ты что, не почувствовал, что тебя целует парень? – заразившись смехом, спросил Женя. Сильфу было не до смеха.

– Извини, меня парни ещё не целовали, – недовольно буркнул он. – В отличие от некоторых.

– Сильф, ну хватит уже прошлое вспоминать, – напомнила Марина, – мы же договорились.

– Извини, – попросил он Женю.

– Всё нормально, – ответил тот с покаянным видом и, изобразив на лице грусть, спросил: – Тебе хоть понравилось?

Сильфа словно током ударило. Его глаза увеличились. Он не спеша затушил сигарету и предупредил: – Женёк, ты попал.

После этого Сильф и Женя устроили гонки по грядкам...

– Вот прикол! – хохотала Юлия. – А ты, Паша, нико-го случайно не перепутал?

– Да нет. Я только с тобой целовался на веранде. – Уверенно ответил Паша и закурил.

Юля замерла:

– Я вообще на веранду не выходила. Там комары и холодно.

Паша тоже замер и поперхнулся дымом.

– Как? – оторопело спросил он.

– Я танцевала всё время... на диване.

Все бешено засмеялись.

– Прошлой ночью хоть кто-нибудь целовался с кем надо? – не выдержала Света.

– Мы с Маринкой спали под яблоней, – оправдался Антон. Тем временем Марина пыталась застегнуть колечко в его ухе. Эту серьгу он ночью потерял. Утром они с Мариной исползали весь огород и всё-таки её нашли.

– Значит, никто, потому что вы спали, – поняла Света. – Так чья была идея веселиться без света?

– Слушайте, что за беспредел у вас творится? – поморщилась Марина.

– А тебе это не нравится? – подловил Паша.

– У нас это уже давным-давно норма, – кивнул возвратившийся Сильф, который только что сбросил Женю в пруд. – Пора бы уже привыкнуть.

– Беспредел не у нас, – добавила Юля, наблюдая за тем, как из пруда вылезает Женя.

– У всех остальных, – заключила Света.

– Ну, мы ведь больные, – не унималась Марина.

– Музыканты не могут быть здоровыми, – напомнил подошедший мокрый Женя. – Они становятся больными с того момента, когда садятся за инструмент в первом классе музыкальной школы. Не всех цепляет, но если зацепило – ты попал. Человек учится жить по-другому, вернее, начинает жить по-другому, он становится в своём роде наркоманом. Потому что, узнав однажды, что такое музыка, вы становитесь её рабом. А потом не только за

инструментом, но и в жизни мы начинаем чувствовать всё так остро, что... просто беда! – махнул рукой Женя.

– Я вспомнил высказывание по этому поводу, – сказал Паша. – «Все впечатления от жизни, думы, помыслы и чувства, всё то, что остаётся в душе творческого человека как общий смысл жизненных явлений, – превращается у такого человека в краски, линии, скульптурные формы, поэтические строфы, музыкальные и музыкально-исполнительские образы.» Казалось бы, происходят самые обычные ситуации, но мы делаем из них самые неожиданные выводы. Мы видим лужу и она нам кажется чудом природы. Мы на всё смотрим душой.

– Да, вот, например, экономисты, юристы, – продолжил мысль Антон. – Что им нужно для учёбы, работы? Ум, логика. Они всё чувствуют разумом, первым делом. Это потом переносится на жизнь. У них всё по полочкам, всё разумно и правильно и они уверены, что делают меньше ошибок. У нас же логика очень часто совершенно отсутствует. Мы поступаем как-то неожиданно, и, возможно, неправильно, но мы так чувствуем. Какие качества нам нужны в нашем деле? Способность воспламениться от взволновавшего образа, чувствительность, энергия, искренность, способность всякую идею, всякую мысль переживать эмоционально. Отсюда и определённое мировоззрение, и определённые ценности, и определённая философия жизни.

– Большая ранимость, большая чувствительность, болезненное воображение, – продолжила Юля. – Вот следствия музыки. Но не только музыки, конечно.

– Всё это понятно, но это губительно, – поникла головой Марина. – Вы же не будете этого отрицать.

– Разве? – удивился Паша и посмотрел на неё своими тёмными мудрыми глазами. – А не это ли помогло нам

стать такими, какие мы есть сейчас? Да и потом, мы сами выбрали этот путь, - потом помолчал и добавил: – И я не жалею.

– Я тоже, – поддержала Юля.

– Я тоже, – сказал Женя. – А кто-то жалеет? – спросил он, глядя на Марину, как будто не слышал её реплики.

– Никто, – улыбнувшись, ответила она. – Мне безумно нравится наша жизнь. Она ярче, – сказала Марина и вылила себе на голову кофе, потом вскочила и с криком побежала: – Купаться!

Все с визгом бросились за ней в направлении пруда. Юля с Пашей не спеша пошли за ними. Наплескавшись вдоволь, все вернулись и завалились спать. На втором этаже спали Юля с Пашей и Сильф, внизу все остальные – Света, Женя, Марина и Антон. Спали запросто, на полу, на нескольких одеялах.

Первым проснулся Женя и решил, пробравшись через всех спящих на полу, взять со стола сигареты. И сделать это так, чтобы никого не разбудить. И хоть он перешагивал через всех осторожно, на цыпочках, ему удалось наступить на руку Марины, споткнуться об Антона, удариться лбом о висящую лампу, произведя при этом звонкий звук, и свалить со стола железную кастрюлю, таким образом перебудив всех.

– Неслышно, на цыпочках, крадётся слон в посудную лавку, – недовольно прокомментировал Антон, наблюдая за передвижениями Жени.

– Тс-с! Все спят! – шёпотом ответил тот, приложив палец к губам и схватив наконец долгожданные сигареты.

– Ты думаешь? – с сомнением спросил Антон.

И действительно, все почему-то уже сонно и смешно моргали и с неудовольствием позёвывали от прерванного сладкого сна. И тут же послышались сонные прось-

бы: «И мне дай сигаретку», «И мне...», «И мне...».

– Мы вернулись! – крикнула Юля друзьям на первом этаже, услышав оттуда голоса.

– Откуда? – поинтересовалась Света.

– Из снов.

– Мы тоже. Мы же вместе летали. Ты что, забыла?

– О-ей, – измученно протянул Сильф. Тема полётов у друзей была одной из главных, после темы музыки.

– Спускайтесь к нам! – позвал Антон. – Нам холодно!

Друзья спустились и легли все вместе на полу.

– На полу, но вместе, – с удовольствием заметила

Марина.

– На полу, но тепло, – добавила Света.

– Вместе нам тепло везде, – отозвался Антон.

Юля дотянулась до микрофона и включила Линду. Около двух часов они лежали в полном молчании в полумраке и слушали любимую музыку, под которую они просто улетали. Улетали высоко-высоко, во что-то очень хорошее и тёплое, где всё было хорошо. А главное – все вместе. Обычно люди летают во сне, но эти люди научились летать и наяву. Для этого не нужно было очень много. Нужно лишь иметь «воздушную» душу и обострённую чувствительность, которая в общем-то действительно губительна, но она даёт возможность летать наяву. А эти люди согласны ради этого погибнуть. Тишину нарушила Юля:

– Вы знаете, у меня ощущение, что мы прожили уже целую жизнь. Многие люди за всю свою жизнь не испытывают столько, сколько испытали мы.

Такие моменты обычно мыслями возвращали Юлю к её постоянно повторяющемуся сну, к философским мыслям о реальной и потусторонней жизни, к воспоминаниям

о прошлом и её нереальным мечтам. Она мечтала увидеть океан, а точнее бушующий океан с ветром, громадными волнами и чёрными тучами над ним. Властная, неукротимая стихия, ураган, вспышки молний – всё это казалось Юле невероятно красивым и очень её притягивало. Юля мечтала летать. Она больше любила небо, чем землю. Нет, землю она любила, любила людей, но её угнетало то, что там, где ей приходилось жить, осело очень много грязи и гадости. Ещё Юля мечтала, и это было её главной мечтой, навсегда остаться со своими друзьями, просто никогда не расставаться. Она знала, что произойти может всё, что угодно, её мнения никто и не спросит, когда кто-то задумает разлучить её с друзьями, она не боялась этого, зная, насколько бесполезно бояться, а просто мечтала о том, что ужасающей разлуки не произойдёт. Самой реальной мечтой Юля считала мечту – увидеть море на фоне заката, когда половинка огненного шара на горизонте протягивается через море бордовую тень, небо приобретает непонятный, нереальный, красивый цвет, когда море совершенно спокойно, оно как бы замирает в это мгновение, стараясь не испортить, не спугнуть божественной красоты, когда на фоне солнца, словно чёрточки, медленно плывут облака и величественно кружат чайки.

– Это что-то значит, – сказал Паша, – то, что мы испытали очень много. Напрашивается вопрос – а что дальше?

– Страшно, – вздохнула Света.

– А что страшного-то? – удивилась Юля. – Если бы пришлось уйти туда сейчас, – она посмотрела вверх, – я бы ни о чём ни жалела. – Юле было жутко интересно, что происходит с человеком, с его душой после смерти, есть ли вообще смерть. Она в неё не верила, но не могла же она с уверенностью сказать, что она права. Оставалось толь-

ко мечтать и фантазировать о полётах души после смерти тела.

– Я тоже, – согласился Женя. – Я не хочу дожидаться старости. Зачем?

– Вот будут у тебя дети, ты заговоришь по-другому, – предсказала Света.

– Если они будут относиться к нам, как мы к своим родителям, я тем более не хочу старости.

– Да, бедные наши родители, – вздохнула Юлия.

– Они уже давно должны были сойти с ума, – сказал Паша.

– Некоторые родители относятся к своим детям намного хуже, чем мы – к своим родителям... – с отсутствующим видом пробормотала Марина. Она ткнула Свету в бок, чтобы та помогла как-то отвлечь от больной темы. Света ахнула и испуганно вскочила:

– Сколько дней мы уже здесь?

– А какое сегодня вообще число? Мне кажется, мы тут уже вечность, – присоединилась к ней Марина.

Сильф посмотрел на свои часы и ответил:

– Сегодня 12 августа, и мы здесь уже восемь дней.

– Я маме сказала, я на три дня, – с огромными глазами пробормотала Света и обречённо добавила, сев на колени: – Очередной Песец!

– Да ладно тебе, Светик, они уже привыкли, – попробовал утешить Паша.

– Я, наверно, уже в розыске. Ой, ладно. Убьют, так убьют, – махнула рукой Света и улыбнулась: – Я ведь тоже смерти не боюсь.

– Ну, что вы всё о смерти? – не выдержал Сильф. – Какая смерть?! Мы же потом жить будем. Только в другом облике. И, вот увидите, мы обязательно встретимся в следующей жизни, несмотря на совершенно иную внеш-

ность, иной город, иной возраст, возможно, иной пол, мы узнаем друг друга. Потому что притяжение наших душ ох, как велико!

Все согласно протянули:

– Да-а-а, – улеглись обратно на пол и пролежали ещё два часа, обдумывая всё сказанное.

– Знаете, как мне это представляется? – мечтательно спросила Юля.

– Это, в смысле, секс? – уточнил Сильф.

– Кто про что, а Сильф – про секс, – вздохнула Юля и объяснила: – Нет, я – про так называемую смерть. Мы засыпаем, тело остаётся лежать, как ненужная тряпка, а самое главное – наша неосязаемая сущность – получает безграничную свободу, вырывается из оков душевной оболочки и грязной земли. Это её звёздный час. И она летит ввысь. Она ощущает свой мир, каждая клеточка её ликует и улыбается.

– Несколько клеточек косятся на землю, – подхватил Сильф, – им жаль. Но, если это душа такого человека, как мы, таких клеточек очень мало или их вообще нет. Этот полёт – венец её жизни, это счастливейший её момент, это то, ради чего было всё... И всё это здорово похоже на сон Юльки. Вернее, на ощущения из сна.

Все друзья давно знали Юлин сон, регулярно повторяющийся. Но никто не высказывал своего мнения о нём, все о нём думали, но никто ничего не говорил. Просто никто не знал, что бы это могло значить или боялись себе признаться, что знают. Поэтому последнюю фразу Сильф произнёс как-то обречённо.

Антон встал и первым делом открыл всё, что можно было открыть, то есть дверь комнаты, на улицу...

– Ну а что будет дальше с душой? – спросила Марина, неотрывно наблюдая за Антоном и его манипуля-

циями с кофе. Она его очень любила.

– Полёт покажется вечностью, – продолжил импровизационно-общий рассказ Паша, – потому что время остановится, остановится всё и лишь душа будет парить и подниматься всё выше и выше к кому-то, кто её очень ждёт. Он примет её со всей своей любовью и разрешит полетать ещё. А потом Он укажет ей путь на землю. Она полетит обратно, и вскоре там родится человечек. А душа получит новую душную оболочку.

– А как насчёт ада и рая? – спросила Марина.

– Мне кажется, их не существует, – ответил Сильф.
– Бог есть, а вот ад и рай... Это как-то примитивно, просто и грубо. Ещё одна вещь: разве за свои грехи мы не расплачиваемся на земле? Разве нас не наказывают? Ад на земле представлен ярко и разнообразно. И рай возможен на земле. В каком-то фильме я слышал: «Ад – это когда рушится твоя жизнь». Многие из нас уже испытали ад в своей жизни, он даже оказался похлеще, чем предполагаемый настоящий ад. Всё в жизни закономерно. За всё человек будет вознаграждён, за всё наказан. При том мы все с вами считаем, что человек не умирает, а переходит в следующую жизнь. Так какой ад, какой рай?

– С точки зрения религии, так говорить – грешно, предупредила Марина.

– Конечно, я не спорю. Я не настаиваю на своём. Просто мне так кажется. Я принимаю все точки зрения и понимаю их. Все они со своей стороны верны. Но я выбрал для себя эту.

– В любом случае, мы всё узнаем, когда умрём, – сказала Юлия. Она положила голову Паше на живот и закончила фразу: – Если умрём, конечно. Знаете, о чём я мечтаю? – все вопросительно промычали. – Чтобы мы узнали это одновременно все вместе, и чтобы коронный

полёт наши души совершили вместе. Ведь мы же не сможем, если чья-то улетит одна, правда?

– А это возможно? – спросил Сильф.

– Возможно, если мы сильнее обстоятельств, – ответила Юля. – А мы сильнее их. Это нам всем уже несколько раз доказала жизнь.

– Ты это сейчас на что намекаешь? – приподнявшись на локтях, спросил Женя.

– Я не намекаю, я просто размышляю.

– Девочка моя, ты меня пугаешь, – сказал Женя.

– А не ты ли недавно говорил, что не хочешь дожидаться старости? Как понимать твою фразу? Что ты хочешь умереть молодым. Здесь есть ещё какой-то смысл?

– Я просто не хочу беречь своё здоровье. Даже если жизнью много, но каждая из них в своём роде единственная, особенная, индивидуальная. Я не хочу себя в чём-то ограничивать, я хочу испытать всё. Умру я от какой-нибудь болезни, ну и пусть. Лечиться я не собираюсь. На всё воля Божья. Но и убивать себя я не буду. По крайней мере, сейчас я хочу жить.

– Вы знаете, – насмешливо сказала Света, – я понимаю людей, которые нас не понимают. Нашу философию понять очень трудно.

– Поэтому мы никого и не осуждаем, – поддержала Юля.

– Почему только эти люди не хотят даже попытаться нас понять? – задала вопрос Света, больной вопрос для всех них. – Мы попытались и поняли их, всю их жизнь, а они нас не принимают, считая правыми лишь себя.

– Ты серьёзно не знаешь? – с грустной усмешкой спросил Сильф.

– Знаю, – вздохнула Света. – Жаль мне их. Жалость

– плохое чувство, я знаю, но мне всё равно очень их жаль. Ведь так много людей умрут, не узнав самого главного, не заметив многого вокруг себя.

– Возможно, узнают в другой жизни, - предположил Сильф.

– Слушайте, это идея, – оживилась Юля. – Ну, не может быть, чтобы человек никогда не узнал главного. Это бессмыслица. Может быть, его душа с каждой новой жизнью узнаёт всё больше и в конце концов постигает самую главную истину. Каждая душа. Почему таких людей, как мы – всё больше и больше? Ведь жизнь даётся не просто так. Не может быть, чтобы какой-то человек никогда не узнал главного. Я в это не верю. Тогда это очень бессмысленно – прожить множество жизней и не узнать самой главной сути. Это должно произойти рано или поздно.

– Если верить твоей теории, – сказал Сильф, – то через несколько миллионов лет на земле будут жить одни мудрецы и каждый человек будет знать главное.

Тем временем Антон навёл кофе и разнёс всем лежащим на полу, а сам сел на своё место и закурил.

– А мне кажется, это вполне возможно, – не сдавалась Юля. – Вечно так быть не может, как есть сейчас. Полно людей, которые живут, как слепые котята, многого не понимают и верят в то общее принятое, чем их пичкают, не задумываясь, а правильно ли это. Это невозможно. Жить по старым традициям – это бред, здесь нет никакого движения. Мне кажется так: или будет конец света. Потому что земля уже настолько грязная, настолько грешная, что Бог уже устал это терпеть. Он её обновит и всё начнётся с нуля. Всё снова повторится. Или будет, как я предположила: люди достигнут совершенства своей души. Я повторю, ведь таких людей, как мы, становится больше всё время.

– Ты считаешь нас совершенными? – усмехнулся Сильф.

– Ты издеваешься? – выдохнула Юля. – Нет, конечно! Но мы живём совершенно другим, наши ценности исключительно духовны. А, на мой взгляд, в этом истины больше.

– Откуда ты знаешь? Почему ты так уверена, что правы именно мы, а не они?

– Во-первых, я не считаю, что мы правы, я допускаю, что мы можем ошибаться, это естественно. А во-вторых, разве не в этой нашей философии мы нашли успокоение, стали жить по-другому? Разве мы не нашли счастье и не научились сохранять это чувство в нашем сердце постоянно, несмотря ни на что?

Сильф согласно кивнул, в этом Юля была абсолютно права, а, следовательно, возможно, её идея и не настолько сумасшедшая.

– Юль, мне непонятно вот что, – вклинился в разговор Паша, – о какой истине ты говоришь? Неужели она одна на всех? Ведь для каждого «истина – это то, во что он верит».

– Это верно, – согласилась Юля. – Но для нас семерых она, по-моему одна. Мы все верим в одно и то же.

– Просто мы очень сжились друг с другом, – улыбнулся Паша. – Мы в каждом из нас чувствуем часть себя, мы всё время вместе и живём уже как одно целое. Но, если попробовать кому-то рассказать о наших взглядах на жизнь, я не думаю, что тот человек будет чувствовать всё в точности, что и мы.

– По-моему, в этом и заключается наша задача – донести до других наши чувства, чтобы и они всё чувствовали так же, даже не чувствовали, это неправильное выражение, а смотрели на мир подобным образом. Более

совершенным образом, как я считаю.

– Человек, который живёт по своей философии, никогда не будет жить по твоей философии, – возразил Антон.

– А если она ему понравится?

– Не понравится она ему! Потому что человек живёт так, как он хочет, и он не будет жить так, как ему говорят.

– Это всё понятно. Я же не говорю о том, чтобы его в чём-то убеждать и всовывать ему свои взгляды на жизнь и говорить: «Попробуй, тебе понравится». Я говорю о том, что можно попробовать рассказать ему свои мысли. Согласись, он может над ними подумать и они могут ему понравиться.

Юля уже поднялась в предчувствии интересного спора, Антон сел напротив неё, они сидели напротив друг друга в позе лотоса. Между ними лежала Света и, крутя головой, смотрела то на одного, то на другого.

– Юля, мы все вместе потому, что в нас во всех изначально были одни и те же мысли.

– Да, но многие просто находятся в совершенно другом обществе, которое эти мысли забывает, говоря, что так неправильно, так нельзя и это бред. Человек ломает себя и начинает жить по правилам ВСЕХ, потому что якобы лишь это верно. У таких людей жизнь очень напоминает ад. И им невыносимо хочется встретить человека, который выслушает его так называемый бред, а, главное, поймёт и уже этим поможет.

– Но ведь не все же такие. Есть же ещё и само общество, которое и диктует правила. И ты сама сказала, что оно забывает. И оно тебя точно слушать не станет.

– Я думаю, и оно станет, – ответила Юля. – Если повлиять на определённые частички чувств, мозга и так

далее. Это уже дело психологии.

– Таких людей переубедить очень трудно, – настаивал Антон.

Юля лукаво прищурилась и предложила:

– Спорим? Мне это удастся.

Антон подумал и протянул руку через Свету:

– На что?

– Юля тоже подала ему руку и ответила:

– Сыграешь мне Второй концерт Рахманинова так, чтобы я заплакала. Я не плакала с семи лет, ты помнишь?

– Окей. А ты... родишь ребёнка.

– Чего? – обалдела Юля.

– А что? – удивился Антон.

– От тебя, что ли?

– Ну почему? От кого хочешь, – пожал плечами Антон.

– Логичнее было бы от тебя. А то я так лучше проспору. Родить ребёнка, да ещё от того, от кого хочу... Я же мечтаю об этом.

– В смысле? – насторожился Антон. – А чем это я не устраиваю тебя в роли отца для ребёнка? – обиделся он.

– Своей милой безалаберностью, – ответила Юля.

– Ну ни фиги себе! – послышалось возмущение Марины. – Куда вас занесло!

– И сколько вы будете держаться за руки? – возмутился Паша, сделав вид, что приревновал.

– Тоник, решай быстрее, что должна будет сделать Юля, если проспорит. А то у вас руки запотеют, – съязвила Марина.

– Хорошо, а ты, Юляшка, сочинишь мне музыку, которая понравится мне больше, чем Второй концерт Рахманинова.

Юля здорово сочиняла музыку, причём давалось ей это с огромной лёгкостью. Она могла делать, что угодно, читать книгу, общаться с людьми, а тем временем в ушах просто начинала звучать музыка. Музыка звучала или уже как готовая музыка или какие-то отдельные фразы, она звучала настолько ясно, что Юля слышала каждую ноту, каждый голос, каждый подголосок. Не успевая изумиться таким странностям, Юля срывалась с места, бежала к самому близкому инструменту и наигрывала потрясающей красоты мелодию, а потом уже, поняв весь её смысл, запомнив её хорошенько, Юля удовлетворённо вздыхала и говорила:

– Чёрт, что же это происходит?

Лежащая между ними Света разбила спор, а Антон посоветовал Юле:

– Можешь начинать сочинять.

– И не подумаю! Это тебе лучше поехать домой и позаниматься.

– Я желаю тебе удачи, – уже серьёзно сказал Антон, – потому что я буду только рад, если тебе это удастся.

– Спасибо, Тоник. Я очень постараюсь.

– Марин, будь другом, принеси сочку, – попросил Женя.

– Да ради Бога. Я сама пить хочу жутко, – Улыбнулась она, встала и пошла в комнатку метр на метр, гордо называвшуюся кухней. А вскоре оттуда раздался вопль:

– Какой идиот поставил лимонад в морозилку?

Она пришла обратно с бутылкой и перевернула её вниз открытым горлышком. Ничего не полилось. Лимонад нужно было грызть.

– Отколи мне кусочек, – хохотнул Женя.

– Я хочу пить, – пожаловалась Марина и стала выковыривать из бутылки лёд.

- Ну, что будем делать? – спросил Женя.
- С лимонадом или вообще? – уточнил Сильф.
- Вообще.

И тут выяснилось, что делать дальше нечего – недельный запас продовольствия израсходован, а, главное, спиртного больше нет, как и денег. Изначально друзья собирались к Жене на дачу на три дня. Затем, как обычно, началось: «Может, ещё денёк?» Так прошло восемь дней. Еда кончилась через пять дней. Друзья ходили по соседям, собирали ещё на день, затем питались тем, что имелось на грядках. Но на нынешний момент опустели и грядки, лишь энергия не заканчивалась и уезжать по-прежнему не хотелось.

Паша покурил на улице, зашёл в комнату и обвёл всех взглядом. Антон сидел у зеркала и заплетал себе косички, изредка слюнявя волосы. Марина усердно выковыривала лимонад из бутылки. Сильф расчленил комара, отрывая ему лапки. Света со стеклянными глазами кружилась на круглом стуле в одном направлении. А Женя с Юлей лежали на полу и под Линду руками рисовали в воздухе замысловатые фигуры и наблюдали, как на них играют лучики от висящей лампы. А вместе с мерно покачивающейся туда-сюда лампочкой с железным плафоном на потолке комната напоминала палату дурдома.

Паша вздохнул и прислонился головой к стене.

- Так что делать-то? – переспросил Женя.
- Летать, – ответила Юля.
- Тебе бы только летать.
- А что ещё делать-то на этой грязной земле? Я предназначена для полёта. У меня символ по гороскопу – крылья.
- Пойдёмте, посмотрим на луну? – предложил Паша. – Она подскажет.

– Да, пойдёмте, – согласилась Юля. – Она так же одинока, как и мы.

– Вы знаете, – сказала Света, – долго кружиться на стуле, по-моему, то же самое, что вмазаться. Очень похожие ощущения.

– Света! – одёрнула Марина и посмотрела с опасением на Пашу. Это напоминало ему о недалёком неприятном прошлом.

– Извини, Паш. Я не думала... – растерялась Света.

– Разве ты думала? – удивилась Юля.

– Да, я думала! Я тоже была наркоманкой. Я всё помню... И ничего, вроде бы...

– Свет, ты думаешь, что говоришь? – нахмурилась Юля. – Ты легко отделалась. У Паши это прошло более... болезненно. С такими людьми, прошедшими через наркотики, нужно быть очень осторожными, одно слово может подействовать, как толчок, и всё начнётся сначала.

– Я всё поняла, – понуро сказала Света, – нужно же было ляпнуть...

– Ничего, ты у нас спец по «ляпанию», – улыбнулся Антон. – Мы уже привыкли.

– Ладно, пойдёмте смотреть на луну, – позвал Сильф.

Они вышли на улицу, залезли на крышу и расстелились на ней, подняв головы к небу и устремив взгляд на полную луну. И каждый видел в ней себя, красивую, мудрую, спокойную луну. Но они не были одинокими каждый отдельно. Они были единым одиноким целым – что-то отдельное от всего остального. Люди, не понятые никем. Но они чувствовали себя счастливыми в своём мире, понятном только им одним. Счастливыми в любых условиях: под дождём, насквозь промокшие, в порывах

ветра, или голодные, или ночью, заблудившись в лесу, или в тяжёлой беде, – лишь бы вместе, а остальное – неважно, не имеет смысла. Как звери, они будут защищать друг друга от злых глаз, слов, рук. Каждому наплевать на себя, лишь бы было хорошо тому, кто рядом. Они научились этому, когда их самих морально и физически пинали, предавали близкие и чужие люди, на себе испытав всю боль, какую только можно причинить человеку, ещё не окрепшему, совсем юному. Они очень рано познали многое, очень рано поняли такое, что человек понимает иногда очень поздно, а до этого живёт бессмысленной, глупой, эгоистичной жизнью очень долго. Ещё в семнадцать лет они уже чувствовали себя прожившими целую жизнь, чувствовали себя уставшими. А родители и окружающие этого не замечали. «Да что ты понимаешь! Тоже мне! Что ты видел за свою жизнь? Ты ещё ребёнок! И повода быть несчастным у тебя нет! И нервы у тебя железные! Ты ещё ничего не знаешь! У тебя впереди ещё целая жизнь!» – Эти слова, словно кирпичом, били по голове, ножом резали сердце, кромсая его на мелкие кусочки. Душа от них, сжимаемая, словно в кулак чьей-то жестокой рукой, хотела спрятаться, зажмуриться, улететь. Они и так разочаровались в жизни, а от таких слов жить не хотелось ещё больше. Родители считали правыми лишь себя. А как же может быть по-другому!? Дети в два раза младше их, как они могут быть умнее, как они могут знать то, чего не знают родители. Да и само слово «дети» лепит на них табличку: «Они ещё ничего не понимают и ни фига не разбираются в жизни, потому что они молодые». И это в то время, как многие родители всё-таки действительно не понимали некоторых вещей, которые понимали их «ничего не испытавшие дети». Например, то, насколько абсурдно, по-детски глупо каждый день ссориться из-за денег,

орать друг на друга из-за бытовых мелочей, сущих пустяков или просто потому, что у кого-то плохое настроение и ему нужен подопытный кролик, чтобы на нём отыграться, выплеснуть всю отрицательную энергию, накопившуюся за день. Этим подопытным кроликом обычно становится кто-то дома, кто-то из родных и чаще всего, конечно, дети. Они всё стерпят... «Дети» не могли понять, как можно орать друг на друга с такой ненавистью в глазах из-за немытой посуды, неубранной комнаты или всё того же плохого настроения. Страшно, противно до тошноты.

Как можно не заметить природы вокруг? Все мучаются ерундой и не видят ни неба, ни травы, ни деревьев, ни друг друга. «Какое там небо, когда у нас столько проблем?» А ведь именно в этом небе можно найти решения всех проблем, в нём можно найти успокоение, счастье. Небо – душа Бога. Возможно, пока не заметят неба, всю его красоту, всю его гармонию, не поймут главного. Не поймут того, что уже давным-давно поняли «дети», сидящие сейчас на крыше.

Дети с открытой ко всем душой и сердцем, переполненным любовью друг к другу, любовью ко всему на этой земле, дети, устремившие свои грустные глаза на всё понимающую Луну. Жизнь их здорово побила. Но почти все свои несчастья они прошли вместе, держась друг за друга очень крепко, и всеильной стеной своей дружбы они преодолели всё. Несмотря ни на что, они любили, любили всех и всё, желали всем счастья и старались дарить всем как можно больше радости.

Они сидели молча очень долго, думая обо всём этом и ещё о том, что им делать завтра.

Конечно, можно прожить здесь ещё несколько дней, уезжать никому не хотелось, но никто ещё не выучил свою объёмную программу по специальности, взя-

тую на лето. А каникулы на исходе. Они заслуженно хорошо отдохнули, но в душе появилась тоска по музыке, по клавишам, издающим звуки, ласкающим душу. Они не могли долго находиться вдали от своего инструмента, они болели музыкой, одной из составляющих их жизненной истины. И в данный момент все уже знали, что они сделают завтра.

– Слышали, что прошептала Луна? – нарушила тишину Юля.

– Да, надо ехать заниматься, – ответил Сильф.

– Что мы завтра и сделаем, – поддержал Женя.

– Классно мы отдохнули, правда? – мечтательно сказала Марина.

– Слушайте, а мне надоело пить, – не в тему заявила Света, впрочем, как и всегда. – Мы сегодня почти не пили, и что, хуже веселились?

– Да, мне тоже надоело, – согласно кивнул Стас. – Такая пустая трата денег.

– А в результате головная боль, притуплённые чувства, – сказал Сильф, – и ещё целуем не того, кого надо, – недовольно покосившись на Женю, добавил он.

– А я – против, – сказал Женя, – я не хочу бросать.

– Жень, извини, но это слабость, – мягко укорила его Света, прекрасно зная, какой ранимый он человек, – Я понимаю, это помогает забыть прошлое. Мы все только это и делаем. Но сколько мы можем бегать от наших воспоминаний? Неужели мы настолько слабы, неужели мы не справимся? Где твоя сила?

– Её убила боль, – тихо ответил Женя и схватился за сигареты.

– Жень, ты живёшь! – с возмущением выдохнула Юля. – Ты сам подумай, если бы у тебя не было силы, потрясающей силы, смог ли ты бы сейчас жить? Да и все

мы? Я так не думаю. Но мы живём да ещё умудряемся этой жизни радоваться и восхищаться ею.

– Мне кажется, дело не в силе, – задумчиво сказал Женя. – Это две разные вещи – быть сильным и радоваться жизни, её может любить и слабый человек. Франсуаза Саган писала: «Если бы она так не радовалась жизни, она покончила бы с собой». Где ты тут видишь силу?

– Совершенно отчётливо вижу. Пойми ты, испытать столько страданий и не сломаться, да ещё к тому же любить эту жизнь до умопомрачения – это великая сила.

– А почему ты думаешь, что самоубийца – слабый человек? Не каждый ещё отважится себя убить, просто потому что он боится боли. Для этого тоже нужна обалденная сила. Это, по-моему, отдельный и очень интересный вопрос. Какой человек слаб? Тот, который живёт мучительной жизнью, он не хочет жить, но и боится себя убить, боится боли или страшного наказания и продолжает жить? Или тот, которому также надоело жить в мучениях и он покончил с собой? А не сила ли это как раз? Пожертвовать собой, лишиться себя жизни, которая в дальнейшем может оказаться не такой уж плохой, испытать ужасную физическую боль? На это требуется колоссальная сила. Как, в принципе, и на то, чтобы продолжать жить и мучиться. Но здесь я вижу больше трусости. Здесь есть боязнь боли, но есть ещё и страх перед обществом – меня не поймут, меня осудят, меня возненавидят. На мой взгляд, лучше покончить со всем этим, чем продолжать жить, мучиться и вечно бояться.

– Почему ты считаешь себя слабым человеком? Потому, что ты себя не убил? – уточнила Юля. – Ты хочешь сказать, ты мучаешься и боишься? Я в это не верю. Ты бы не смог нам так долго лгать.

– Нет, конечно, – согласился Женя. – Я счастлив,

я вас очень люблю. Я просто размышлял. Но мысль о самоубийстве посещает меня частенько, просто, как вы помните, я чудом отказался тогда от этой идеи с вашей помощью. Но эта мысль прочно во мне укрепилась. И мне кажется, не дай Бог, что-то случится, я уже не смогу противиться этой мысли. Слишком много сил отняла у меня моя жизнь. – Все замолчали на время от растерянности, потому что почти всем приходила в голову эта мысль.

– Жень, а ты не подумал о том, от чего ты оградил свою маму, отказавшись от самоубийства? – спросил Паша. – Ты говорил о пожертвовании. И если уж ты чем и пожертвовал, так это собой, ради мамы, а это не сила?

Женя не ответил, только тяжело вздохнул:

– Ладно, нас унесло куда-то далеко. Мы говорили об алкоголе, – напомнил он. Света хохотнула. Вот так всегда – начнут говорить о чём-нибудь одном, а разовьют эту тему до такой глобальности... – Я не хочу бросать пить. Мне это помогает. Мне это нравится. Я знаю, что могу спиться, но меня это не останавливает – чему быть, того не миновать. Я не хочу думать о завтра. Каждая жизнь – это определённый короткий промежуток времени, в котором не стоит себе ни в чём отказывать. Я считаю так.

Его друзьям частенько казалось, что в Жене постоянно происходит борьба демона и ангела. Иногда он становился чистым и невинным ребёнком, не признающим ничего грязного и порочного. И чаще всего это происходило, когда он занимался музыкой. Тогда он улетал в этот возвышенный мир, который являлся единственным местом, где он мог окунуться в своё подсознание, чтобы скрыться от жестокой действительности. Но иногда он тонул в море грехов, забывая обо всём остальном. Правда, таким он был раньше. Сейчас эти контрасты несколько сгладились, и «ангел» в Жене преобладал, но иногда и

«демон» робко вставлял своё словцо, например, как сейчас. Друзья уже давно не удивлялись его шокирующим мыслям. Он не мог жить иначе, все это прекрасно понимали, как и то, что Женя скорее поверит в дьявола, чем в Бога.

Все молчали. Кругом стояла нереальная тишина – ни ветра, ни звуков, ни людей, ни одного светящегося окошка вокруг. Всё словно умерло. Обстановка наводила ужас. У парней так и чесался язык завести разговор о привидениях, инопланетянах, развить эту тему до угрожающих размеров, чтобы попугать девчонок. Но все прекрасно помнили, как обычно у них заканчиваются эти страшилки. Все друзья, включая и молодых людей, сидят в одной куче, тесно прижавшись друг к другу, дрожат от страха и вздрагивают, а девчонки ещё и вопят, от каждого звука, каждого шороха, будь то лай собаки или шум листвы. А если неподалёку в кромешной тьме пройдёт какой-нибудь человек, то тут хоть несись со всех ног, приукрашивая свой кросс диким воплем.

Так что парни лукаво переглянулись, как бы говоря: «Жаль, а то сейчас повеселились бы» и продолжали молча кто курить, кто смотреть на луну.

Женя повернул голову и украдкой очень нежно посмотрел на Юлю. Та тоже ответила ему самым нежным своим взглядом. Но, боясь, что кто-нибудь заметит этот громкий разговор взглядами, она тут же отвела глаза. Женя огорчённо отвернулся. Они любили друг друга, очень сильно и уже достаточно давно, почти с самой первой их встречи. Но до сих пор они избегали даже разговаривать на эту тему. Юля не собиралась бросать Пашу, а Женя – Свету. Этому была одна простая причина – они не хотели никому причинить боль. Боль, причинённая самым близким и родным человеком, самая ужасная боль, самая

глубокая, самая острая, самая кровоточащая. Потому что именно от самого близкого и родного человека никогда не ожидаешь предательства, обиды, боли... Ты не ждёшь нападения с его стороны, а значит, не защищён.

Между Женей и Юлей ничего не было, кроме огромной, безумной любви и жарких, любящих взглядов, которые ясно обо всём говорили. Да, им приходилось очень трудно, но важней для них было – оградить друзей от страданий и предательства. Они намного лучше других знали, сколько всего плохого и очень плохого испытали в своей жизни их друзья, чтобы ещё своими руками добавить в эту копилку жизненных разочарований ещё одно.

В последнее время они стали понимать, что они всё больше и больше запутываются в себе. Чем больше времени проходит, тем больше времени они лгут. Сначала они думали, что таким образом они хоть никого не предадут – они просто любят и ничего не говорят. Но сейчас всё чаще стала приходить мысль – а не двойное ли это предательство? Иногда казалось, что они всё делают правильно, иногда на них наваливалось такое чувство вины, что они тут же собирались всё рассказать. Затем снова ободряющие мысли о том, что не стоит. И так постоянно. Они измучились, но ничего не меняли, потому что не могли найти наилучший выход из этой ситуации.

Об их чувствах из компании знал лишь Сильф. Будучи прекрасным психологом и просто проницательным человеком, он сразу всё понял. И как-то однажды, оставшись с Юлей наедине, он спросил без лишних предисловий:

– Почему вы не хотите всем рассказать о ваших чувствах?

Юля от неожиданности села.

– Кто? – тупо переспросила она.

- Вы с Женей.
- Каких чувствах?
- Вы же любите друг друга.
- Откуда ты знаешь?
- Это же видно с полувзгляда, – фыркнул Сильф.
- С полу... – промямлила Юля.
- Юль, для меня даже оскорбительно твоё безумное удивление, – улыбнулся Сильф. – Вашу любовь не заметить невозможно. А уж у меня хоть доля пронизательности, но есть. Тебе ли этого не знать.

– Извини, – немного оправившись от шока, сказала Юля. – А... кто-нибудь ещё заметил?

– Похоже, что нет. Но я не могу утверждать, что у наших друзей интуиция хуже, чем у меня. Даже намного лучше. Мне кажется, они чувствуют, но не верят себе.

– Сильф, я не знаю, что делать, – в отчаянии, с мольбой в голосе сказала Юля. И тут её понесло. Она всё ему рассказала, объяснила причину этой лжи, короче, выплеснула всё, долго копившееся. Сильф ответил, что он скрывать не стал бы, это действительно нечестно, но на этом его ответ закончился. Он высказал свою точку зрения, но настаивать ни на чём не стал. Таково было негласное правило их дружбы – никого ни в чём не убеждать, не переубеждать, никого не уговаривать, а тем более, не навязывать свою точку зрения. Сильф посоветовал всё хорошенько обдумать, хотя всё обдуманно было уже раз по сто. «Обдумайте сто первый, сто второй, ответ обязательно появится», – сказал он. «Поступайте, как подскажет вам душа».

Юля с Женей украдкой вздохнули и одновременно затянулись. Сильф, заметив их бессловесный диалог, тоже вздохнул, потом приободрился и спросил:

- Ну, что? Как завершим наше незабываемое пре-

бывание на этой незабываемой, много испытывавшей даче?

Все окунулись в размышления и стали судорожно придумывать что-нибудь из ряда вон выходящее.

– И все кинулись выдумывать что-то сверхъестественное, – угадал общие мысли Женя. – И я уверен, что, с нашей бурной фантазией, мы несомненно что-нибудь придумаем. А давайте ничего не будем выдумывать. Давайте разведём костёр, посидим вокруг него и повспомо-наем наши дачные приключения.

– Женёк, ты гений! – похвалил Сильф.

– Отлично! Потрясная идея! – взбудоражилась Света. – Тем более и вспомнить нам есть что.

– Если мы вспомним всё, на это уйдёт, я боюсь, ещё восемь дней, – улыбнулась Марина.

– Боишься? – с сомнением спросил Антон. – По-моему, все были бы только рады.

Все, загоревшись новой идеей, поспрыгивали с крыши, попадав все в кучу. Их хохот был единственным звуком жизни в мёртвой округе чёрных дач.

Колоть дрова – трудная задача для музыкантов. Их неуклюжая колотьба дров напоминала удачную попытку комиков рассмешить зрителей, которыми являлись девочки. Они хохотали до слёз и боли в животе, видя, как из-под топора вылетают нерасколотые дрова, «лесорубы» друг от друга шарахаются, опасаясь, как бы топор не угодил кому-нибудь по голове, к тому же умудряются под руку что-то советовать, а после этого слышится отборный мат.

С горем пополам костёр был готов. Он запылал, словно души друзей. Все уселись вокруг него, и из них просто полились воспоминания об отдыхе на этой даче. Вдоволь навспоминались, насмеялись, после чего почувствовали опустошение и некоторую усталость. Марина

с Антоном стали дарить друг другу страстные, полные желания взгляды. И вскоре их буквально смело со своих мест, после чего никто не решился заходить в домик. Света решила последовать их примеру, прошептав Жене на ушко:

– А ты что думаешь насчёт этого?

Женя помялся, посмотрел на Юлю и увидел понимающий взгляд, выражающий одобрение, смешанное с отчаянием – это они, Юля и Женя, должны были бы сейчас сбежать и предаться любви. Но эти мысли существовали в Юле на подсознательном уровне, потому что она считала, что подумать так – это уже предательство. Поэтому она совершенно спокойно относилась к тому, что Женя близок со Светой, а она – с Пашей. Она, как и Женя, и все остальные, считала вполне нормальными близкие отношения при крепкой дружбе, дружеской любви и уважении.

Женя, поколебавшись некоторое время, взял за руку Свету, посмотрел на Юлю, глазами сказав ей, что любит её, и они ушли. Всё то время, что их не было, они гуляли, болтали. На что-то большее Женя не решился, вернее, просто не хотел.

Юля, Паша и Сильф просидели у костра до самого утра, очень приятно поговорив. Остановились они на том, что все они достойно и гармонично завершили дачные каникулы.

На следующий день друзья пешком отправились домой, совершенно не смущаясь того, что идти им придётся больше десяти километров. По дороге они общими усилиями сочиняли музыку. Так обычно к концу пути у них получалось несколько красивых мелодий, для которых Антон потом сочинял стихи. И счастливей их в этот момент не было никого. Хотя их бюджет составляли три

рубля на всех, а желудки очень громко урчали от голода, они смеялись и пели. Они же были вместе! У них было небо, бескрайние луга, длинная дорога, тёплый ветер в лицо, им принадлежал весь мир, от красоты которого захватывало дух, а ещё... музыка, вечная музыка, в которой они нашли уют, и спрятались в ней от всего людского зла и ненависти. Музыка, в которой они нашли себя, открыли мир, в котором всё гармонично и совершенно. Они добиваются того, чтобы она подарила им хоть капельку этого совершенства, и это приносит им ни с чем не сравнимое удовольствие.

Вот и сейчас они, счастливые, отдохнувшие, весёлые, добрые и воодушевленно-одухотворённые, уже в который раз стремились поскорее окунуться в звуки музыки, которые, даже если друзья вдали друг от друга, их сближают. Мир музыки один и все они находятся в нём, а, значит, они всегда вместе. В этом их истина, в этом их сила.

Дойдя до перекрёстка, на котором почти всем нужно было расходиться в разные стороны, они остановились и чувство, возникшее у них, вызвало у них и смех, и удивление, и спокойствие, потому что, в принципе, так и должно быть: они почувствовали, что не хотят расставаться.

– Потрясающе, да? – восхитилась Юля. – Провести девять дней вместе, не расставаясь ни на секунду, за которые нормальные люди друг другу уже порядком поднадоели бы, при том и помимо того встречаясь часто и не хотеть расставаться.

– Ты сама всё сказала, – ответил Антон. – Мы к нормальным не относимся.

Они стояли посреди кольца дороги, вокруг них ездил машины. Они стояли вообще-то на клумбе цветов, но это их несколько не смущало.

– Ну, что, сделаем перерывчик в нашем общении

на недельку? – поинтересовался Сильф.

– У нас не получится, – пожалала плечами Света.

– Какие перерывы? – возмутилась Юля. – Кто-то от кого-то устал? – вкрадчиво спросила она. – Как можно устать от моих бесконечных разговоров о полётах, от безумной взбалмошности Светки, от постоянно жующего Антона, от бредовых высказываний Жени? Как можно от всего этого устать? – с наигранной иронией говорила Юля.

– Ты вот, Юлечка, шутишь, – действительно сказал Паша. – Но как раз всё это нам самое родное и близкое, как раз это мы друг в друге и любим. Как раз за это мы и любим наш мир, безумный и одухотворённый.

– Я как раз это и имела в виду, – Юля похлопала Пашу по плечу и чмокнула его в щёчку.

– Давайте решим, – сказал Антон. Или мы стоим тут до вечера, или идём заниматься. Последнее – это как раз то, зачем мы сюда вернулись, – напомнил он.

– Да, Тонику концерт нужно учить, – съязвила Юля.

Тоник сорвался с места, побежал за Юлей, и они стали нарезать круги по кольцу. Оставалось надеяться, что какой-нибудь шофёр не засмотрится на эту ненормальную парочку и на дороге не произойдёт аварии.

В конце концов друзья всё-таки провели на кольце ещё три с половиной часа. Нехотя расставшись и разделившись на несколько групп, они разошлись в разных направлениях, но, уходя друг от друга ещё долго оглядывались, улыбались и орали что-то вслед.

– Мам, а почему я не такой, как все? – спрашивал двенадцатилетний Паша. – Почему люди не дают мне делать то, что я хочу?

– Какие люди, Павлик? – с безразличием уточнила мама. Она мыла посуду и даже не оторвала глаз от раковины.

– Окружающие. Одноклассники, учителя. Мне они не нравятся. Они такие злые! – в голосе отчаяние.

– И что же они не дают тебе делать? И почему они злые? – вздохнула мама. У неё была куча своих проблем, она думала совершенно о другом, намного более важном, и абсолютно не была настроена на разговор со своим маленьким, глупым сыном.

– Понимаешь, я говорю одно, а все понимают совсем по-другому или совсем не понимают. Я сказал Колюхе, что мне нравится классическая музыка и я хожу в музыкальную школу, а он назвал меня придурком. Однажды в школе я сел на подоконник, ко мне подошла учительница и стала кричать: «Слезь с подоконника! Сколько можно говорить, что здесь нельзя сидеть?! Недоумки!» Я ответил: «Не кричите на меня, вы не имеете на это права.» Она стала орать ещё больше. Сказала, что это мы, ученики, ни на что не имеем права, в том числе возражать учителям. Mam, представляешь, какая глупость?! Она грозилась вызвать родителей, наставить двоек и исключить из школы. Я сказал: «Делайте, что хотите. Я Вас не боюсь. И вы не правы.» Она чуть не взорвалась. Mam, я не хочу учиться в этой школе, да и вообще ни в какой. Только в музыкальной. Там люди добрее. Слышишь?

Мама уже давно его не слушала, её поглотили собственные мысли, поэтому она молчала, не замечая, как её «важные» мысли её переваривают.

– Mam, ты меня слушаешь? – испуганно спросил Паша.

Мама очнулась, замешкалась, потому что даже не представляла, о чём говорил её сын, и выдавила из себя:

– Ничего, Павлик, всё будет хорошо.

Паша больше не сказал ни слова, только опустил голову, пытаясь совладать со слезами, а затем вышел из кухни и закрылся у себя в комнате. С этого дня его стало невероятно бесить, когда его называли Павликом, и выражение «всё будет хорошо».

Отныне он понял, что даже мама стоит по ту сторону, далеко от него, вместе со всеми. А он – на другой стороне, совсем один. Больше он не ходил в ненавистную ему школу с кучей непонимающих людей. Теперь он ходил только в музыкальную. Он так решил. Отныне он всё решал сам, ни на кого не надеясь, просто потому, что он понял – это бесполезно, до него никому нет никакого дела. Он один и сам должен думать о себе.

В музыкальной школе на уроках часто цитировали Библию. Его заинтересовало и он начал её читать. Но вот, от кого зависит его жизнь, от него самого или от Бога, он ещё не понял. Маленький-взрослый человечек делал то, что считал нужным, что велела ему душа, а не то, что велели взрослые-маленькие люди. Они чаще всего поступали очень плохо, и он не хотел учиться у них. Он сам принимал решения, сам учился жить.

Он слушал родителей и делал по-своему. Хотя его родители не очень-то им интересовались. Их забота о сыне сводилась к тому, чтобы купить необходимую одежду и без искреннего интереса узнать, как дела в школе. Паша даже кормил себя сам, потому что с семи утра до восьми вечера родители пребывали на работе... И никого не интересовало, что там творится в душе у этого человечка, о чём он думает, чего хочет, что ему нравится или не нравится, – об этом родители не знали и даже не представляли, что всё это существует. Павлик ещё маленький, он ничего не понимает...

Пашу уже не волновало это непонимание. Он не понимал, но чувствовал, благодаря своей по-детски чуткой интуиции, что ничего уже не изменишь. Для родителей он навсегда останется этакой куклой, маленьким ребёнком, ничего не чувствующим и не понимающим.

Сначала было упрямое отчаяние – как это так? Услышьте меня! Я умею думать! Я умею понимать! Я умею чувствовать!

Вскоре оно сменилось на умоляющее отчаяние – пожалуйста! Откройте глаза! Откройте уши! Откройте сердце! Я вас прошу!

А затем лишь немое, смиренное отчаяние – вы никогда не поймёте! Вы никогда не услышите! Я устал... Как хотите.

Паша отгородился ото всех. Ото всех людей. С ним была только музыка. Бесконечному одиночеству в мире людей он предпочёл богатый мир музыки, где он не чувствовал себя одиноким. Паша занимался целыми днями, дома, в школе. Он жил музыкой, он жил в музыке, уже не представляя и не принимая для себя иной жизни. Таким счастливым он не чувствовал себя никогда. Это счастье не омрачило даже то, что однажды у них дома раздался звонок и учительница объявила родителям, что их сын четыре месяца не посещает школу. Затем – жуткий скандал, постоянные наблюдения, проводы до школы, которые продолжались дней пять. Паша сделал вид, что «исправился», походил для вида два дня, а затем снова бросил, чтобы наслаждаться занятиями музыкой. Его исключили. Родители определили его в новую школу, история повторилась.

Родители оживились, стали интересоваться своим сыном, правда, в плохом смысле. Они считали его шалопаем, бездельником, сдвинутым. Им было стыдно за своего сына – «Он не такой, как все!» Он странно оде-

вается, выкапывая что-то из старых родительских вещей, не учится, целыми днями играет на фортепиано. «Так не ведут себя нормальные, правильные дети. Наверное, он болен» – решили они.

Пашу всё это не волновало. Всё, что волновало его в этой жизни – это красота природы и музыки. Учёба подходила к концу, радуя его всё больше и больше, постоянно открывая для него какие-то новые, интересные вещи.

К тому же в его жизни произошло одно невероятное, как ему казалось, событие, благодаря которому Паша понял, что не всё так безнадежно в жизни в отношении понимания людей. Он встретил двух потрясающих людей. Иногда он видел в них себя – настолько они казались с ним схожи. Это было очень странно, но ещё более странным было то, что с этими людьми он проучился в одном классе музыкальной школы шесть лет. Причиной, видимо, являлась закрытость, отгороженность его ото всех людей. Только в седьмом классе они друг друга разглядели и сдружились. Сдружились настолько, что поняли – жить друг без друга они теперь не смогут. Паша, Света и Женя...

Они стали одним целым и отныне вкушали все прелести и все гадости жизни только вместе. Счастье оглушило троих непонятых, одиноких, отчаявшихся людей, которые нашлись, благодаря чьему-то чудесному великодушию. Они настолько полюбили друг друга, что в своей любви почувствовали себя даже, можно сказать, непобедимыми. Мол, вместе мы преодолеем всё! Нам ничего не страшно!

Но юные, только вступающие в реальную жизнь, люди ещё не предполагали, что жизнь несколько отличается от того образа, какой они нарисовали у себя в голове, они ещё не видели её глаз; они не знали, что испыта-

ния не закончились, хотя бы они теперь и вместе и всё переменялось; испытания, можно сказать, и не начинались. Они наивно полагали, что, если они нашли друг друга, все беды бессильно отступят. Но, как оказалось, всё страшное только начиналось...

Паша и Женя знали, что Света встречается с неким Олегом, который намного её старше и которого она безумно любит. В тот день, когда Света наконец познакомилась с Пашу и Женю со своим возлюбленным, жизнь троих друзей переменяла своё направление и, с уверенностью можно сказать, перестала называться жизнью. Это был непрерывный сон, в котором перемешались сладостные ощущения с кошмарной болью; сон продолжительностью в несколько месяцев; сон, от которого люди обычно просыпаются ночью в холодном поту.

Они вчетвером отправились на вечеринку к некой Ирине. Света и Олег к тому времени стали постоянными присутствующими в её квартире. Света часто восторженно рассказывала, как там здорово, интересно и легко. Сладкая вседозволенность затянула и Пашу с Женей.

В первый же вечер всё и началось. От этого вечера все были в восторге. Сначала пиво, потом водочка, затем кто-то всунул Паше сигарету с травой. Ему понравилось, он угостил Женю. Мальчикам было очень хорошо. Приятная расслабленность, полное спокойствие, рядом любимые друзья, странные, загадочные, незнакомые люди вокруг, множество вещей, доставляющих огромное удовольствие, музыка... Можно абсолютно всё. Хотелось ни в чём себе не отказывать.

Подобные вечера стали повторяться. Однажды Паша и сам не понял, каким образом у него в руке оказался шприц с жидкостью. Пьяный дурман нежно шептал: «Не думай ни о чём. Всё замечательно. Не бойся ничего.

Тебе хорошо, а будет ещё лучше, давай! Не думай о том, что будет потом». Паша так и сделал. Он несколько раз проткнул себе руку, но никак не мог попасть в вену. Он и не знал, как это делается, но кто-то помог.

Он просто улетел. Его потрясли новые ощущения. Он понял, что всегда хотел это испытать. Он испытывал похожие ощущения, когда занимался музыкой, но это оказалось глубже, сильнее, безумнее. Он подумал, что это поможет ему острее чувствовать музыку. Его настолько восхитили эти сумасшедшие ощущения, что Паша решил – он не хочет от них отказываться, он не сможет без них жить. Обычно человек, попробовавший наркотик, понимает это в трезвом состоянии, когда хочется снова, когда это нужно, чтобы нормально жить. У Паши всё произошло несколько иначе. Он не боялся зависимости, потому что мало знал о всех ужасах этого. Поэтому он решил, как он всегда твёрдо решал, что ему это нужно и он не станет прекращать это делать. Впечатление оказалось очень глубоким.

Паша открыл глаза. Рядом сидел Женя. Они встретились взглядами, увидели губы друг друга, и в них возникло безумное желание. Они начали страстно целоваться, понимая как давно и как сильно они хотели этого. И они чувствовали, что это абсолютно нормально. Они захотели друг друга и утолили своё желание, прямо здесь, не обращая внимания на то, что в комнате были другие люди. Они очутились в ином измерении, в ином мире, в иной жизни, где существовали совсем иные законы, или их здесь совсем не было. Здесь все делали то, чего желала душа и желало тело, границ и ограничений не существовало.

Они стали любовниками. Более того, они поняли, что любят друг друга, и любовь эта оказалась великой по своей мощи и глубине. И понеслось... Это был бурный водоворот жизни вне времени, вне пространства, вне

остальных людей и остального мира.

Сначала Паша для приличия изредка всё-таки показывался дома. Затем, очень скоро перестал появляться совсем, сказав родителям, что у него всё хорошо, и он некоторое время поживёт у друга. Теперь он иногда приходил домой в отсутствие родителей только для того, чтобы взять что-нибудь из одежды и какие-нибудь ценные вещи, чтобы их продать, потому что возникла нехватка денег.

Наркотическое состояние стало постоянным, он уже не мог прожить в ином состоянии больше двух часов. Это была бесконечная, сплошная вереница сигарет с травой, шприцов, алкоголя, секса и оргий со всеми подряд, галлюцинаций под неземную музыку и диких абстракций в и так уже больном воображении. Паша ничего не соображал. Его реальностью стал этот мир в дыму, со сплетёнными телами, с наркотическими полётами. И это сочеталось с чистой, самоотверженной любовью. Сначала у них с Женей всё было хорошо. Души ликовали от любви, которую они испытывали друг к другу. Но однажды он, зайдя в одну из комнат, увидел жаркую сцену, в которой участвовали Женя и незнакомый Паше парень. Его затошнило. Причём подсознание выдало, что он видит это не в первый раз. Эти картины он уже видел, только не помнил: во сне или наяву. Сейчас, по причине более трезвого ума, чем обычно, он понял, что это был не сон, а именно самая наиреальная реальность.

Они часто устраивали оргии, в которых участвовали кто угодно, но обязательно все вместе – Света, Паша, Женя. И это было другое, как бы не касалось любви. А сейчас Женя ему ничего не сказал. Как он мог? В тот момент для Паши это оказалось большим потрясением. Он очень любил Женю. Любовь между мужчинами обычно намного сильнее, что, наверное, зависит от особенно-

стей мужской натуры. У них все чувства в несколько преувеличенном виде и проявляются, естественно, резче, в большей степени, чем, например, в отношениях между мужчиной и женщиной. И любовь сильнее, и ревность стихийнее, и ненависть страшнее... Если возникает такая необычная любовь, как принято считать, то она возникает, безусловно, в необычной психике. Хотя опять же, это очень спорный вопрос – что обычно, а что необычно. Отсюда «необычная» психика располагает к тому, что чувства и их проявления также отличны от чувств и проявлений «обычной» психики.

А если взять конкретный пример Паши и Жени, то ко всем прочим причинам можно прибавить ещё несколько причин. Эта любовь началась с большой глубокой дружеской любви, которая оказала сильное воздействие на всю их жизнь. Они нашли друг друга, когда очень нуждались в помощи. Уже отчаявшись найти близких по духу людей, приготовившись к вечному одиночеству, они нашли спасение друг в друге, средство и причину для жизни, и поняли, что теперь самое страшное для них – это потерять друг друга. Отсюда и безумная любовь, и безумная страсть, и безумный страх.

Паше, творческому, впечатлительному человеку, невероятно ранимому, показалось сейчас, что его душа вдруг выпала из него, у неё зверски поломали крылья, разорвали, растоптали. И она, униженно, никчёмно, валяется теперь около этой распалённой пары на полу.

Паша, словно зомби, как пустое тело, из которого действительно вытащили душу, а вместе с ней все чувства, желания, мысли, протянул руку к столу и нащупал шприц. Здесь всё всегда было под рукой. Он подумал, что отныне это – единственное, что у него осталось: «вода, ложка, вата... и тишина».

Паша пришёл в зал и сел на диван. Сделал укол. Не вставал очень долго. Как только действие заканчивалось, он вводил новую дозу и так беспрерывно. Он уже не следил ни за стерильностью шприцов, брал использованные с пола, ни за тем, что он себе колол. На диване среди множества шприцов, разбитых ампул, пепла и окурков полулежало пустое тело в неудобно-корявой позе, с окровавленными руками, безумно-блуждающими глазами и чёрными синяками под ними. Это продолжалось дня три-четыре, может быть больше, и закончилось наркологическим отделением больницы.

Паша пролежал там неделю. Чудом его вернули к жизни. Но он не хотел лечиться и, как только почувствовал себя лучше, раздобыл дозу. Прямо в больнице кололись многие. Через несколько дней он оттуда сбежал и, не долечив гепатит, вернулся в родную уже квартиру Ирины.

Он соскучился по Свете и Жене, очень соскучился. Его встретили обеспокоенные, любящие взгляды друзей, а затем все трое, обнявшись, дружно рыдали в течение трёх часов. Всё продолжилось в прежнем темпе и качестве.

Женя пришёл в себя, попросил прощения. Неделю всё было спокойно. Затем Женя, снова впав в бредовое состояние, как и прежде стал спать со всеми подряд. К этому времени Света рассталась с Олегом и поняла, что любит Женю. Женя тоже стал отвечать на её чувства. Все нормальные жизненные явления происходили в редкие моменты относительной трезвости, когда они возвращались из шприцового поднебесья и больно стучались головой о землю. Они вдруг вспоминали, что они люди и они вроде бы живут, у них есть родители, которым, правда, не было до них никакого дела, есть учёба. Каким-то чудесным образом, в улученный перерыв между бессознательными состояниями, они поступили в музыкальное училище.

ще. Появлялись там первое время, затем снова пропали. Периодически посещали занятия, или в период абстинентного синдрома, или полностью невменяемые. Никто не мог понять, что происходит с этими тремя друзьями. Родителям Паши позвонили, но они понятия не имели, где находится их сын.

Они попадали в реальность и она казалась им адом, в котором они горели, и они стремились поскорее исчезнуть оттуда. Им снова хотелось в небо, пусть не настоящее, не голубое, а жидкое, жёлтое, зелёное, с абстрактными рисунками и безумными образами, но всё равно небо, всё равно они летали, хотелось снова сходить с ума. И они снова улетали, недолго погостив на земле.

Паша смирился, как и Света, со множеством неадекватных поступков Жени, они любили Женю и понимали, что ничего не могут изменить. Он такой человек. Он будет часто возвращаться к ним, что-то чувствовать, он и чувствует, но ему постоянно нужны перемены, во всём. Он не успокоится, пока не попробует всё и не устанет. А устанет, попросит прощения, вернётся. Потом отдохнёт и снова оторвётся от них. И так будет постоянно. И при всём этом Женя очень их любит, они всё это знали.

Об этом думал Паша, когда они вроде бы танцевали с Женей. Они ощущали, что летают. Они просто двигались вдвоём посреди комнаты, посреди бутылок, шприцов и окурков, посреди невменяемых людей, растворяясь в неземной, воздушной музыке. Они рисовали какие-то фигуры руками с закрытыми глазами, прикасались друг к другу трепетно и нежно, ощущали, смакуя, своими чувствительными пальцами музыкантов родные черты друг друга, НАСТОЛЬКО любимые ими. К ним присоединилась Света и они продолжили этот понятный только им троим танец душ. Всякое движение замедлилось, кроме

движения мысли и музыки, словно в фильме. И именно в этот момент эти три человека поняли, что нечто нечеловеческое крепко связало их навсегда, и расстаться они смогут только после смерти души, если она, смерть, есть...

Из всего малого, что они сейчас осознавали, была лишь любовь, которую они чувствовали друг к другу. Они вдруг поняли, что она есть, и поразились её мощи.

А все эти вещи, которые они здесь вытворяют, в этой квартире, совершенно не что-то запредельное и неправильное, как может показаться другим людям, находящимся за стенами этой квартиры. Это вполне нормальные, понимаемые друг другом вещи, хотя бы и порочные. Это стало их жизнью, образом жизни их троих. Они втроём здесь, в одном пространстве, делают то, что хотят их души, они летят и падают вместе. Невольно появится связь, когда постоянно приходится буквально вытаскивать кого-то из троих за шкуру из ворот смерти, потому что кто-то чуть не улетел совсем далеко, куда-то уже за небо. И никто их не разлучит теперь. Потому что эта внутренняя связь снова и снова, несмотря ни на что, оказывается очень прочной; и их снова и снова что-то притягивает друг к другу, несмотря на случайные связи с другими людьми, несмотря на наркотики.

Бывали моменты, когда они отдалялись друг от друга. Кто-то вообще исчезал из квартиры, потом внезапно появлялся, и снова всё было как прежде. Но они теперь знали, что как бы далеко они не отдалялись друг от друга физически, они соединены ниточками из воздушной душевной пыли. Они двигались, держась за руки, улыбались и плакали с закрытыми глазами.

В квартире происходило непрерывное движение. Люди или вообще не двигались, пребывая в состоянии сна или в мире наркотических грёз, или наоборот, всё

время что-то делали. Люди постоянно менялись, кто-то уходил, кто-то приходил, знакомые лица, совершенно незнакомые, – всё перемешалось. Здесь мало общались. Сюда приходили с иными целями, и слова по большей части оказывались лишними. Все друг друга прекрасно понимали.

Однажды жизнь Паши здесь круто изменилась в очередной раз. Женя куда-то пропал, его не было здесь уже несколько дней. Света развлекалась на полу в зале с каким-то мужчиной лет тридцати. Паша слонялся по квартире с нераспечатанным шприцем и никак не мог найти дозу. Он обыскал всё, как ему показалось, но ничего не было. Начиналась паника – вдруг всё кончилось, хотя он ещё чувствовал действие предыдущей дозы. Он выпил пива и покурил траву. Обошёл ещё раз всю квартиру с тем же успехом и вернулся в зал. На диване сидела девушка и делала себе укол. Её лицо закрывали русые волосы до плеч, но Паша, даже не видя её лица, понял, что не знает её. Ему лишь снова показалось, что она ему снилась.

Девушка прижала к себе руку, откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Паша с глубоким интересом смотрел на неё. Ему не хотелось отрываться от неё взгляд. Ему понравилось на неё смотреть.

– Дай сигарету, будь другом, – не отрывая глаз, попросила она.

Паша растерялся, не ожидая обращения к себе. Потом опомнился, порыскал в кресле с наваленной туда одеждой, закурил сигарету и протянул девушке. Она с удовольствием затянулась.

– Благодарю. Садись рядом. – Она похлопала по дивану.

Паша послушно сел, продолжая на неё смотреть.

– Ты уколиться хочешь? У меня есть. Держи.

Паша очень удивился себе, потому что уже забыл про своё недавнее желание.

– А ты кто? – спросил он, не обращая внимания на протянутую ему ампулу.

Девушка засмеялась и наконец открыла лицо:

– Маленькая девочка со взглядом волчицы. Разве не заметно? Держи. – Она всунула в его руку ампулу и впервые внимательно заглянула в его глаза – пятнадцать секунд затягивающего, пристального, растворяющего, решающего взгляда.

– Юлька, ну ты где? – раздался голос из другой комнаты, а затем оттуда вышел его обладатель, раздетый по пояс парень. – Ты же сказала, недолго. Мы с друзьями уже все истосковались по тебе. – В его взгляде появилось вожеление, а из комнаты раздались мужские голоса, подтверждавшие свою тоску.

– Иду, – отозвалась загадочная Юля и обратилась к Паше. – Ну что, до полнолуния? Волчицы раньше из леса не выходят.

Она пошла из комнаты спиной вперёд, внимательно глядя на Пашу. И тут он увидел, что у неё золотистые глаза. Юля скрылась за дверью, а Паша ещё очень долго смотрел в ту сторону. Он ничего не понимал. Его шокировала эта девушка. Он лишь знал, что очень обрадовался, увидев её. А почему – совершенно неясно. Ему стало как-то особенно хорошо, по-иному хорошо, не как всегда. Он даже улыбнулся от удовольствия и очень удивился, когда опустил голову и увидел, что в одной руке он держит шприц, а в другой – ампулу, подаренную ему необыкновенной Юлей. Волчица?.. Звёздочка! Неоткрытая звезда с золотыми глазами...

Паша сжал в руке ампулу и пошёл искать вату. После того, как он сделал укол, Паша сидел на диване,пил

пиво и дико смеялся, подшучивая над Светой и парнем, лежащими на полу. Было десять минут первого, когда появилась Юля. Она без слов подседа к Паше, и они стали смеяться вместе. Так весело ни ему, ни ей не было давно. Появилось какое-то неведомое спокойно-лёгкое чувство в душе, настолько неведомое, что Паше показалось, что он спит.

Они то смеялись, то легко разговаривали. Они просидели на одном месте всю ночь. Паша только иногда ходил за сигаретами. Они не замечали времени, они выпали из его поля, они замечали только глаза друг друга. Это всё, что волновало и много значило для них в этот момент. Они рассказали обо всём, что творилось в их душах. Они чувствовали в этом надобность и рассказывали.

Оторваться друг от друга они смогли лишь в семь часов утра, когда уже было светло. Они вдруг замолчали и оглянулись вокруг. Везде спали люди. При утреннем свете обстановка в квартире ужасала и, в отличие от ночи, казалась буквально адской, поэтому днём здесь плотно зашторивали все окна. Человеку с трезвой головой, находящемуся здесь при свете дня, становилось страшно.

Юля и Паша в первое мгновение испугались увиденного, но, привыкшие, быстро вспомнили, что они здесь живут.

– Ты знаешь, мне хотелось спросить, где мы, – грустно улыбнувшись, сказала Юля, чем озвучила чувства Паши. – Наверное, впервые всё это кажется мне дикостью.

– Мне тоже, – кивнул он и тут он что-то понял. – Юль, – позвал он, – я не кололся семь часов.

Юля к тому времени уже знала, с какой периодичностью «вмазывался» Паша. Он и часа не мог прожить, или просуществовать, будучи совершенно трезвым. А

сейчас он напрочь забыл об этом. Действие наркотика давно прошло, а он сидит и спокойно разговаривает с Юлей, причём безо всякого желания вскочить и сделать раствор. К тому же ему и без того очень хорошо.

– Вот это да! – это всё, что смог прошептать ошарашенный и радостный Паша. Юля ничего не сказала, только понимающе улыбнулась и сжала его руку. Это было их первой маленькой победой над выкрутасами жизни, над тем жутким, что в ней есть и что постоянно пытается завлечь, затянуть людей в свой омут.

Но не так легко им удалось из него выбраться. Первое время после этой ночи Паша с Юлей не появлялись здесь, они жили у Юли, забыв обо всём остальном. Но Паша периодически навещался в квартиру Ирины и тогда, естественно, снова колелся. В нём происходила мучительная борьба. Находясь с Юлей рядом, он ощущал блаженство и не нуждался больше ни в чём. Но стоило ему вспомнить наркотическое состояние, состояние искусственного счастья, Паша рвался туда, где мог его получить. Какая-то мощная сила снова вела его туда. И он уходил. Юля долго с ним разговаривала. Иногда это помогало, но реже, чем когда не помогало. Человека, которого ломает, уговорить практически невозможно.

Когда Паша вмазывался, он вспоминал Юлю и ему уже хотелось к ней. Он осознавал эту борьбу, которая происходила в нём. Эта мучительная борьба его изматывала. Он уже нигде не мог найти покой, судорожно метался туда-сюда и жил, в общем, где-то между квартирой Ирины и Юлей. Юля тоже измучилась. Она испробовала всё, покупала ему кучу лекарств, откачивала, когда ему было плохо, уговаривала его лечь в больницу.

Всё закончилось очень неожиданно и как-то странно легко, если не считать, что весь этот период был дли-

тельным, болезненным, мучительным завершением этого адского времени.

Юля не выходила из своей квартиры уже больше недели. Сидела одна, курила траву, пила и думала о Паше. Ходить туда за ним уже давно стало бесполезным, он всё равно возвращался. Однажды раздался звонок в дверь. Юля мельком увидела себя в зеркало и, ужаснувшись, пошла открывать. Перед дверью около стены на корточках сидел Паша, который напоминал собой скелет, с чёрными кругами под глазами, желтоватым цветом лица, и дрожал. Юля обессиленно покачнулась и прислонилась к проёму двери. Потом села с ним рядом, обеими руками прижала его голову к себе.

– Я не дам тебе убить свою душу, - прошептала она.

– Я не пойду туда больше никогда, Юлька.

И Юля поверила, хотя он говорил это не в первый раз. Она точно знала, что сейчас он сказал правду.

– Пойдём кофе пить, крепкий-крепкий, – улыбнулась она и завела его в квартиру.

Часть 2

– Мне здесь надоело! – вдруг заявила Настя, попивая пиво из банки. Она загорала, лёжа на шезлонге, и капризно дёргала ногами. Рядом на песке лежали её друзья, солнце жарило людей, кругом стоял суетливый гул. На месте отдыха, на пляже атмосфера была какой-то нервной, меркантильной, душной. На песке распластались красивые девушки с шоколадной кожей в модных дорогих купальниках, мимо то и дело проходили накачанные, шаблонные парни с такими взглядами, что, можно подумать, девушка, поймавшая на себе этот взгляд, должна грохнуться в обморок от счастья.

Диме было плохо. Всё здесь, казалось ему, сделано из воска, всё искусственное, игрушечное – люди, палатки, песок, гостиница, а особенно люди. Ему казалось, что все они здесь играют роль богатых, всесильных людей, которые уже только потому, что приехали сюда, на море, считают, что они стоят на ступень, а то и на целый этаж, выше всех остальных, которые не могут себе позволить приехать сюда. Лишь море было настоящим, прохладно-свежим, красивым, живым. Оно ни на кого не обращало своего внимания, лишь дарило людям радость, долгожданную свежесть просто так, бескорыстно, всем людям без исключения, плохим и хорошим. Море сегодня было задумчивым, маленькие волны спокойно накатывали на берег, нежно ласкали прибрежный песок. Море думало о чём-то. Диме казалось, что море мучит какая-то одна мысль, потому что волны всё время возвращались на берег...

– Мне надоело здесь! – продублировала Настя.

– Ещё раз не повторишь? – недовольно сморщился Вадим.

– Мне здесь надоело! – как ни в чём ни бывало по-

вторила Настя. Ей из детства запомнилось – когда чего-то очень хочется, нужно достать людей одной фразой, им надоест слушать и они уступят.

– Ты знаешь, это как-то никого не волнует, – ответил Вадим. – На фиг мы отвалили по десять тысяч? Чтобы уехать через пять дней вместо трёх недель? Дура ты, что ли?

– Отвалил не ты, а твои родители, – поправила Настя. – Мне тут не нравится. Лучше бы мы в Питер поехали. Там, говорят, клёвые клубы. А здесь бутор какой-то. Тем более я уже загорела и делать здесь мне больше нечего.

– Посмотри, какое море, – с наигранным восхищением протянула Вика. На самом деле ей это море было по барабану.

– Зашибись! – скривилась Настя. – Я сюда приехала на море, что ли, тарашиться?

– А почему бы и нет? – устало спросил Дима. – Я, например, именно из-за этого и приехал. Оно красивое.

– Большой ты! Море как море, ничего удивительного, – пожав плечами, фыркнула Настя. – Я приехала за тем, чтобы хорошенько развлечься и отдохнуть.

– Я не заметил, что ты особо перетрудилась, – всё таким же безразличным тоном говорил Дима. – В институте появлялась раз в месяц, за сессию предки заплатили. Спрашивается, от чего ты устала?

– Да пошёл ты! – разъярилась Настя. – Не твоё дело! Можно подумать, ты пахал.

– Насть, хватит кричать, – осторожно попросил Олег, её парень, но услышан он не был, впрочем, как всегда.

– Не затыкай мне рот! На меня наезжают, а я должна молчать? А ты, между прочим, мог бы за меня и вступить. Тоже мне, возлюбленный.

Олег закатил глаза и отвернулся.

– Настюх, угомонись. Всё, проехали, – мысленно махнув рукой на всё это, сказал Дима, встал с песка и пошёл купаться. Почему на пляже постоянно куча людей? И утром, и вечером, и даже ночью. А так хочется отдохнуть от них! Так хочется посидеть на пустынном пляже, чтобы из звуков был только шум волн, крик чаек и гуденье ветра. Банально, но это потрясающе, особенно для человека, который никогда этого не слышал. Вместо этих желанных звуков он услышал себе вслед:

– Что, сказать больше нечего? Вот и иди, охладись, а то на солнышке перегрелся! Придурок! Что с ним в последнее время? – обратилась она к друзьям.

– Да, странный он какой-то, – поддержала Вика. – Думает всё время о чём-то.

– Ты знаешь, Вика, человеку вообще свойственно думать, – съязвил Вадим, окинул её презрительным взглядом и добавил: – Правда, встречаются исключения.

– Ты на Диму намекаешь? – с наивным видом уточнила Вика. Она слепо верила каждому его слову.

– Нет, на тебя.

– Что-о-о? – выдохнула Вика.

– Ладно, не грузись, я пошутил. Я ж тебя люблю, – сказал Вадим и проводил взглядом прошедшую мимо девушку.

В нетрезвом состоянии он обычно всех уверял, что в любовь он не верит. Есть только секс и привычка. В жизни он следовал своим понятиям. Он изменял Вике при любом удобном случае, её убеждал в своей безумной любви к ней и никаких угрызений совести никогда не испытывал.

Вика его очень устраивала, себе он нашёл оправдание, чтобы не мучиться: мужчине нужно разнообразие,

а желание – это всего лишь физиология, следовательно, никто никому не изменяет и все счастливы. При том Вика его безумно любит и никогда не догадается...

– Народ, вы меня слышите? – снова запищала Настя. – Поехали домой.

– Ты с дуба рухнула? – спросил Вадим. – Езжай, если тебе не нравится. А мы с какой стати? Чтоб тебе не скучно было? Вжаривай! Вони поменьше будет.

– Ну, мы же друзья. Вместе приехали, давайте вместе уедем.

– Ты дура, что ли? Я что-то не понимаю. Нам нравится, Настя. Улавливаешь? Нам тут нравится и уезжать мы не хотим. А то, что мы друзья, ты вспоминаешь только тогда, когда тебе что-то от нас нужно.

– Неправда, – насупилась Настя.

– Звучит довольно неубедительно.

– Так! Всё, хватит! Надоело вас слушать! – надеясь прекратить пустую перебранку, решительно сказала Лера, симпатичная девушка с длинными светлыми волосами, заколотыми наверх, с тёмными глазами и гвоздиком в носу, – Настюх, ну что ты ноешь. Не понимаю, что тебя не устраивает. Предки отправили её на море, а она сидит под ярким солнышком, в удобном шезлонге, попивая пиво, с лучшими друзьями и поет. Зажралась ты, извини за выражение. Любимый, – позвала она, села верхом на Сашу и стала делать ему массаж. – Пойдём купаться.

Любимый всё это время сладко дремал, но сейчас проснулся и промычал что-то нечленораздельное.

– Ой, вы посмотрите на это, – презрительно скривилась Вика, показывая на проходящую мимо пухленькую девушку в салатовом купальнике с зелёными горошинами. – Как можно выходить на пляж с такой фигурой?

– Убожество, – фыркнула Настя, отвлекшись от

своей глобальной проблемы. – Такая корова!

– А купальник лоховский, ужас! – добавила Вика.

– Она сама его, наверное, шила, – внесла своё вежливое слово Лера, между тем целуя спину Саши.

– Ага, а горошины приклеивала, – хохотнула Настя. Все дико засмеялись.

– Ей вообще не стрёмно перед народом?

К этому времени вернулся Дима. Он услышал, что разговоры друзей не поменяли своей пустоты и почувствовал, что сейчас взорвётся. Он молча лёг неподалёку на песок и решил заснуть.

– Лера, перестань безобразничать, – одёрнул Вадим, видя, что влюблённые разошлись не на шутку.

– Ой, какие мы стыдливые! – отозвалась Лера.

– Мы не смущаемся, мы завидуем.

– А что вас останавливает? Давайте устроим здесь представление, – предложила Лера.

– Кишка у вас тонка, – не открывая глаз, заметил Дима.

– Леру это задело, но она ничего не сказала, сделала вид, что игнорирует его, взяла Сашу за руку и потащила к воде. А вот Настя, естественно, уже возмущённо открыла рот, чтобы разразиться гневной тирадой. Но Олег успел вовремя:

– Настён, пойдём купаться.

– Не хочу, там медузы и волны, – надула она губы. Она обожала, когда её упрашивали.

– Так волны же это классно!

– Не хочу!

– Какая же ты зануда, – зло буркнул Олег и пошёл к морю.

Настя поняла – это ссора. И дуться Олег теперь будет дня три. «Ну и пусть» – подумала она. «Моё желание

не играет никакой роли. А мне плевать на его!»

Когда все друзья вернулись, Настя заявила:

– С вас магар за моральный ущерб. Сегодня я решила напиться.

– Тоже мне – убитая горем, – фыркнул Олег.

– Всё, я пошла в гостиницу, – психанула Настя, поднялась, поставила пиво, собрала вещи и ушла. Уходить вот так – было её любимым занятием. Она оказывалась в очень выгодном свете в таких случаях – обиженная всеми.

– Пиво допей, – крикнул ей вдогонку Олег. – Я что, зря деньги потратил?

Друзья, как обычно, просидели на пляже до самого вечера. Они играли в карты, пили пиво, обсуждали прохожих. С перерывом в пять минут они начинали друг на друга орать. Причины воплей, на их взгляд, были очень вескими и серьёзными: или кто-то кого-то легонько толкнул, или лёг как-то не так, или кто-то взял чужую вещь, или карту кто-то перепутал, или что-нибудь ещё в этом же духе. И начиналось: злые глаза, крик с оскорблениями, и потом, настоящая ненависть.

В момент затишья девчонки обсуждали косметику, одежду и парней, разбавляя всё это сплетнями об общих знакомых. Парни выясняли, у кого круче сотовый.

Солнце устало и потихоньку скрывалось за горизонт. Друзья собрались и пошли в направлении гостиницы, не заметив божественной красоты у себя за спинами. Вернее, они посмотрели на это чудо природы, но ничего не увидели, кроме садящегося солнца. «Закат как закат, ничего удивительного». Они ведь приехали не на закат смотреть.

Лишь Дима повернулся и восхищённо замер. По-

ловинка огненного шара на горизонте протянула через море бордовую тень. Небо приобрело непонятный, нереально-красивый цвет. А на фоне солнца, словно чёрточки, медленно плыли облака и летали чайки. Солнце величественно скрывалось за морем, разочарованное тем, что кто-то его не заметил. Но больше оно было огорчено тем, что не удалось сделать кого-то счастливым с помощью своей красоты, не удалось помочь кому-то что-то понять, что-то очень важное.

А друзья тем временем, повернувшись спиной к частичке своего счастья, медленно брели в гостиницу и раздумывали, куда они сейчас пойдут: в кино, на концерт или на дискотеку, и кто будет платить на этот раз. А ещё они не могли понять, почему на сердце так тяжело и как-то ничего не радует. Они не понимали даже то, что им плохо. Скучно, так им казалось – просто здесь нет достойных развлечений... Они обернулись и увидели, что Дима таращится на солнце.

– Диман, что интересного ты там увидел? – крикнул Олег. – Ты идёшь?

Дима повернулся к ним. Их ослепила его счастливая улыбка.

– Да, ребята, я сейчас.

Друзья двинулись дальше.

– Больной, – удручённо произнёс Вадим.

– Пойду, скажу, чтобы ужин нам по номерам разнесли, – сказала Лера, когда друзья зашли в гостиницу.

– Я с тобой, – оживился Олег и устремил на неё влюблённые глаза. Но, поняв, что выражает свои чувства слишком открыто, практически ничего не скрывая, смешался и добавил: – Куплю в баре что-нибудь Настюхе.

Дима усмехнулся и отправился к себе в номер. Из всей компании лишь Дима и Лера знали, что Олег в неё

влюблён. Настя не догадывалась об этом ни на миллиметр... Она была озабочена своей внешностью, дорогими тряпками, модными журналами и тому подобной чепухой. А всё остальное, включая чувства людей, её не волновало. Она не имела привычки думать о чувствах, уж тем более о чувствах других людей. Настина толстокожесть всех приводила в изумление. В психологии Настя была круглым нулём – такая же пустая. Хотя даже нуль что-то значит – его даже считают чётным числом. Настю называли ходячей ленью. Казалось, ей лень даже думать. Лишь единственное занятие её оживляло – прогулки по дорогим магазинам. Казалось, её смысл жизни – это успеть купить что-то модное, чего ни у кого нет, в модном, дорогом магазине, самом модном и самом дорогом; успеть одеть что-то дорогое и модное первой, пока ещё никто этого не носит, успеть похвалиться. Казалось, её смысл жизни – успеть сделать именно эти вещи, лишь на это она тратила все свои силы, всю свою энергию, все свои слова и мысли. И если она успеет всё это сделать, жизнь удалась, она победила. Кого только, она и сама не знала.

С Олегом она встречалась больше всего из-за того, что он красивый, стильный, весёлый, одним словом, «продвинутый». Как приятно идти с таким парнем по улице и видеть завистливые взгляды подруг и просто незнакомых девушек, у которых в глазах читается лишь одна фраза: «Везёт же ей!» Что может быть приятнее? Настя считала абсолютно нормальными свои «милые капризы» и, не смущаясь, признавалась в этом всем, за исключением, естественно, Олега.

– Ну, пойдём? – позвала Лера, игриво взяв его под руку. – Ты можешь быть посдержанней? – разозлилась она, когда они отошли.

– В том-то и дело, что нет, – пожаловался Олег. – Лерка, я тебя так люблю!

– Я знаю, – сочувственно ответила Лера. – Но что из этого? У тебя есть Настя, у меня – Саша.

– Ты его не любишь.

– Я и тебя не люблю.

– А вот этого не надо, – улыбнулся Олег.

– Я призналась тебе в любви тогда по-пьяни. Чего не скажешь в таком состоянии?

– Лера, – он остановился и взял её за руку, надеясь также взять её за душу, – я помню твои глаза тогда, они не ввали. Ты знала, что говорила.

– Слушай, отвали, а? – внезапно грубо рявкнула она. – Я не собираюсь кидать Сашку...

– Потому что его отец поможет тебе поступить в Москву, – закончил предложение Олег и грустно улыбнулся. – Вот и вся любовь!

– Это не так...

– Да брось! Все кругом это знают, кроме этого придурка Саши. Он ведь тоже в Москву поступит. Ты и там с ним встречаться будешь, уверяя в своей любви? Долго ты протерпишь?

– Всё! Хватит! Не лезь туда, куда не следует. Это не твоё дело! Ты меня просто достал!

– Я люблю тебя. Это моё дело. Я хочу, чтобы ты была счастлива, – тихо сказал Олег и ушёл.

Настя сидела на кровати в махровом халате с полотенцем на вымытой голове и красила ногти на ногах.

– Привет, любимый, – пропела она.

– Тебя туда же, – буркнул Олег, взял пакет с чипсами и, захрустев ими, плюхнулся в кресло с недовольной физиономией.

– Всё ещё дуешься?

Вспомнив, что они поссорились, он угукнул в знак согласия. Он-то переживал из-за Леры.

– А у меня вот душевный подъём. Я купила себе сногшибательную маечку и моё настроение улучшилось. И теперь я готова прожить здесь хоть всю жизнь.

– Естественно, – пожал плечами Олег, – обычно после того, как ты изгаживаешь настроение другим, твоё настроение резко повышается.

Он закурил и вышел на балкон. Конечно, он уже забыл про их ссору и мог бы спокойно вести себя как ни в чём ни бывало, но ведь нужно было оправдать своё плохое настроение. Настя прошмыгнула следом, и, обняв его сзади, промурлыкала:

– Любимый, ну сколько можно дуться? Улыбнись. Пойдём в бар, а? Травку покурим, потанцуем, а потом – бурная ночь. Как тебе перспективка?

– Очень даже ничего, – заинтересованно ответил Олег и повернулся к Насте. – Может, что-нибудь покрепче, чем травка, это же детский лепет.

– Может быть, – состроив томный взгляд, ответила Настя.

– А может, ночь не просто бурная, а безумная?

– Вот это сто пудов, – ещё томней ответила Настя.

Воцарился мир, заключение которого происходило уже в постели. После этого они собрались, спустились вниз и, встретившись с остальными, пошли в бар.

Вечер не предвещал особых перемен: алкоголь, наркотики, дискотека, одним словом, развлечения на полную катушку. Как-то незаметно друзья разбрелись кто куда. Все напились до чёртиков. Настя, Олег и Дима к принятому алкоголю курили на пляже траву. Затем троица гонялась по песку и бултыхалась в море, заливаясь смехом на весь курорт. А в тот момент, когда Настя начала

кидаться в Олега песком, бешено хохоча, а тот бешено на неё орать, потому что кидала она его в голову и попала ему в глаза, Олег увидел вдалеке Леру, направлявшуюся к летнему кафе на берегу моря. Тут же забылось всё: и песок в глазах, и то, что его девушка рядом. Чувства от травы обострились и Олег не раздумывая сорвался с места.

– Я сейчас приду. Я в туалет, – быстро сказал он и пошёл в сторону летнего кафе.

Дима проводил его недовольным взглядом и стал отвлекать Настю, просто из-за того, что хотел помочь друзьям сохранить покой, или его подобие. Он дорожил дружбой в независимости от того, какие люди его друзья. Он пытался уберечь их от боли.

Настю отвлекать было не нужно. Она ничего не соображала, только смеялась, плела чушь и, конечно, даже не заметила, как Олег ушёл.

Когда он подошёл к Лере, та покупала пиво. Контролировать он себя уже не мог, или просто не хотел. Подойдя к ней, он обнял её за талию, притянул к себе и жадно поцеловал, тем временем успев глянуть на пляж. Дима с Настей бесились, убежав уже достаточно далеко.

Лера поцелую не сопротивлялась, это Олега невероятно обрадовало. Вдоволь насладившись долгожданным поцелуем, он отстранился и внимательно посмотрел в её глаза.

– И что дальше? – спокойно спросила Лера.

– Я тебя люблю.

– Я знаю. Я тебя тоже люблю.

Олег не сразу понял то, что услышал, ожидая всего, что угодно, только не того, что в общем-то жаждал

услышать. Когда он осознал её слова, он замер с глупым лицом.

– Что? – вымолвил он после пяти минут полнейшего стопора.

– Я люблю тебя. А что, не видно?

– Зачем ты издеваешься? – с горечью спросил Олег, повернулся и пошёл прочь.

Он пришёл к морю и, сев на прибрежный камень, закурил. Через некоторое время на его плечо робко легла чья-то рука, и он почувствовал нежнейшее прикосновение губ на своей шее – так обычно касается любящий человек.

– Я тебя действительно люблю, – прошептала Лера.

Больше ничего никому не хотелось говорить. Олег повернулся к ней и они жадно накиннулись друг на друга, а через несколько минут они уже были в номере Олега.

Настя сидела в воде, брызгалась в сидящего на берегу Диму и пыталась рассказать анекдот. Рассказывала она бессвязно, Дима ничего не понял, зато она сама жутко хохотала. В конце, видя, что Дима почему-то не смеётся, она удивилась:

– Что, не смешно? Ты что, придурок? Ул-лётный анекдот, - икнув, сказала Настя.

Дима выдавил улыбку:

– Да, извини, прикольный анекдот. Я, наверно, придурок.

– А ещё я хочу маленькую собачку. Это сейчас... И-ик! Модно...

– Давай-ка вылезай. А то простудишься. – Он встал, подошёл к ней и, взяв за руку, попытался её поднять.

– Не хочу-у-у! – снова засмеялась Настя. – А вот ты

точно придурок, ходит такой всеми днями, такой... У-у-у, – она скорчила недовольную вытянутую рожу – изобразила Диму, какой он ходит целыми днями. Дима тем временем, вытаскивая её из воды, не удержался на ногах и плюхнулся в воду прямо на неё, оказавшись в очень откровенной позе. В первый момент они растерялись, но вставать не спешили. А потом надобность в этом и вовсе пропала. Дима посмотрел на прилипшую одежду к телу Насти, через мокрую ткань видна была красивая грудь, влажные волосы растрепались, он поднял глаза и наткнулся взглядом на её губы, красивые, красные, припухшие от солёной воды. А глаза её с туманными огоньками нахально спрашивали: «Как я тебе? Хочешь меня?»

Держать себя в руках Диме стало очень трудно, он и не стал. Они стали страстно целоваться и остановиться уже не смогли. Уже стемнело, вокруг никого не было, и на поцелуях дело не закончилось...

Утром Настя проснулась, обнимая, как она предполагала, Олега, на самом деле Диму. Она с трудом разлепила глаза, поморщилась от головной боли, посмотрела на Диму и вскочила как ошпаренная.

– Ты кто? – тупо на него уставившись, спросила она.

Дима же, проснувшись, ничуть не удивился, потому что прекрасно помнил, что происходило этой ночью, в отличие от Насти. Он лениво зевнул, потянулся и ответил:

– Я – Дима.

– Я вижу, что ты Дима, придурок! – раздражённо пробурчала Настя. – Что я тут делаю с тобой?

– Сейчас ты выяснешь факты, которые не помнишь, а ночью что ты со мной только не делала, – говорил Дима с какой-то смиренной грустью и усталостью. Он прекрасно понимал, что делал этой ночью и прекрасно

знал, что будет об этом жалеть, но желание было велико, у него давно не было девушки. Но он предал друга, а это было для него невыносимым. Он винил себя в том, что не смог взять себя в руки и остановиться, хотя прекрасно знал, что Олег любит Леру... – Признаю, Настя, ты очень страстная, и фантазия у тебя бурная.

– Мы переспали? – еле проговорила Настя.

– Да. Ты удивлена?

– Боже мой, – простонала она, глядя на небо. Потом посмотрела на Диму и ринулась искать рюкзак и второй ботинок, непрерывно повторяя: – Чёрт, чёрт, чёрт...

– Да ладно тебе, не убивайся ты так, это на тебя не похоже. Ты не такой человек, который переживает из-за таких пустяков, – с иронией сказал Дима.

– Заткнись ты! – рявкнула Настя, нервно метаясь по песку. – Ладно, я была невменяемой, но ты-то наверняка всё соображал. Почему ты меня не остановил?

– Я что, железный, что ли?

Настя остановилась, вздохнула полной грудью и сказала:

– Вот что. Забыли об этом, договорились? Ничего не было!

Она подняла рюкзак, один ботинок, так как второй она не нашла, и отправилась в гостиницу.

– Но это нечестно! – вдогонку ей крикнул Дима. – Мы должны рассказать!

– Да пошёл ты!

Но если у Насти с Димой эта ночь случилась почти неосознанно, лишь из-за передозировки алкоголя и травы, и ничего в будущем не ожидалось, то Олег с Лерой не только совершенно осознанно занимались любовью, но и решили больше не страдать друг без друга. Они решили тайно встречаться.

Когда Настя зашла к себе в номер, Олег крепко спал. Она, обрадовавшись, тихонько разделась, легла к нему под бочок и подумала, что, возможно, всё обойдётся. Она ему скажет, что проспала здесь всю ночь, он наверняка тоже помнит не всё. Но её намерения пресекались в корне. Олег проснулся, потянулся и молча уставился на Настю очень странным взглядом. Настя тоже ничего не говорила, силилась понять, что сейчас творится в его голове и что означает этот взгляд. Олег же, оперевшись головой о руку, продолжал смотреть и молчать.

– Доброе утро, любимый, – пропела Настя, никак не ожидая последующего за её мурлыканьем вопроса.

– И где ты ночевала прошлой ночью, как поётся в очень известной песне Курта Кобейна?

– Как, где? – сделала натурально наивные глаза Настя. – Здесь, с тобой.

Олег обалдел, разумеется, про себя. Во-первых, ночевал он с Лерой и никак не с Настей. А во-вторых, очень странно, что именно Настя почему-то врёт, когда выкручиваться надо ему, Олегу.

– Настён, – спокойно сказал он, – тебя не было всю ночь. Я ночевал здесь.

Настя вздохнула и сделала жалобные глаза.

– Я могу сказать тебе правду. Но ты мне все равно не поверишь.

– Ну что ты, милая, – как можно ласковой успокоил Олег и ему стало противно. Интересно, он бы так же с ней сюсюкал, если бы не переспал с Лерой? Кругом одно лицемерие! – Так что случилось?

– Ты куда-то исчез. Я даже этого не заметила. Мы с Димкой долго бесились, – на мгновение она замешкалась, вспомнив его слова: «Это нечестно! Мы должны рассказать!» и всерьёз подумала, а не облегчить ли душу, сказав

правду? Но не такой человек была Настя – ложь совсем не помешает ей нормально жить дальше. – Вот, – продолжила она, – а потом у меня безумно разболелась голова. Ну ты знаешь, у меня после травы всегда голова болит. Мы легли на песок и не заметили, как уснули.

Если бы ситуация была несколько другой, то есть если бы Олег сам не провинился, он, конечно, ей не поверил бы и любым способом докопался бы до правды. Но сейчас он волновался только из-за того, чтобы Настя ничего не узнала и в его интересах было замять это дело и оставить в прошлом прошедшую ночь, напрочь о ней забыв. Мало ли, вдруг она заподозрит что-то.

– Почему ты за мной не пришёл? – надула губки Настя. – Я спала на холодном песке.

– Настён, тебя Димка мог проводить. Просто я пришёл в номер, мне стало хреново, – стал давить на жалость Олег. – И я даже не заметил, как уснул.

Насте, конечно, стало его безумно жаль, больше того, она даже на две секунды почувствовала себя виноватой: она спала с другим, а её парню было плохо. Но это длилось всего две секунды, после чего всё вошло в привычное русло и таким образом дело было замято.

Они нежно поцеловались, ещё некоторое время повалялись в постели и стали собираться к завтраку. Собравшись вместе за одним столом, друзья стали обсуждать ещё одну произошедшую гулянку. Настя, Олег и Дима признали, что, по сравнению с другой половиной компании, им, можно сказать, было скучно.

– Мы ходили в гей-клуб, – заявила Вика.

– Да ну! – удивилась Лера. – И чем вы там занимались?

– Ой, чем только не занимались. Познакомились с клёвыми людьми и поучаствовали в оргии.

Лера ошарашенно открыла рот, Настя поперхнулась лимонадом, Олег стал стучать ей по спине. Вика растеклась в улыбке, как жир по сковородке, довольная произведённым эффектом.

– Вы это серьёзно? – не поверила Лера.

– Абсолютно, – не без гордости ответил Вадим.

– Ну вы даёте! – присвистнул Олег. – А что нас не позвали?

– Если бы это было возможно, мы бы позвали, – ответил Саша. – А то разбежались кто куда и бегай за ними.

– Ну и как? – поинтересовалась Настя.

– Просто супер! – просияла Вика. – Компания Мандарина просто упадёт! А то Лёха всё время гордится тем, что один раз переспал с парнем. А это целая оргия!

– Тебя спрашивают про ощущения, а не про то, кто теперь круче, – с недовольным видом ковыряясь в тарелке, заметил Дима.

– Твои занудные излияния уже достали, – поморщилась Вика.

– Сашка, а ты тоже участвовал? – встрепенулась Лера.

– Да, – как провинившийся ребёнок, ответил Саша. – Ну это ведь, знаешь, всё несерьёзно. И уж никак нельзя назвать это изменой.

– Действительно, маленькая шалость, – иронично прокомментировал Дима, – такой пустячок! Физиология! – выразительно глянув на Вадима, сказал он.

– Слушай, угомонись! – не выдержал Вадим. – Уже осточертело! Мне кажется, всё кончится тем, что кто-нибудь из нас набьёт тебе морду.

– А чё вы ждёте? – улыбнувшись, выдохнул Дима. – Давно пора! Этого только не хватает для полной картины нашей замечательной, крепкой дружбы.

Лера по отношению к Саше была в том же положении, что и Олег – к Насте. Поэтому развивать эту тему она не стала. Но тема развилась сама собой.

– Надеюсь, ты тоже хорошо провела время с этими сму-смумриками? – полностью уверенный в том, что Лера была с Олегом, Димой и Настей, спросил Саша.

– А её с нами не было, – особенно не задумываясь над сказанным, ответила Настя и продолжила уплетать омлет. Настя отличалась не только малой чувствительностью, но и всяким отсутствием догадливости. И, конечно, она совершенно ничего не заподозрила в том, что Олег и Лера где-то пропадали. Главное – она модно одета и с её маникюром и причёской всё в порядке, а остальное пропади оно пропадом! После реплики Насти Лера стала усиленно пить сок, а у Олега вывалилась из рук вилка, он скрылся под столом.

– А где же ты была? – растерянно спросил Саша.

– Лера только хотела сказать, что она спала, но Олег её опередил:

– Мы с ней ходили в кино. Настя с Димой обкурились, вы расхаживали по непристойным местам и занимались Бог знает чем. А мы решили провести этот вечер цивилизно, как школьники, пойти в кино, – рассказал Олег. И в который раз поймал себя на мысли, что ему противно. Одна ложь, одно лицемерие! Он посмотрел на Диму и увидел на его лице те же мысли. Дима, хмурясь, разглядывал содержимое своей тарелки. Ему, правда, было гораздо хуже, как единственному человеку, знавшему о двух изменах. К тому же он единственный испытывал искреннее чувство вины, причём не только за себя, но и за своих друзей. И никто не решился заподозрить в чём-то Олега и Леру, а уж тем более высказаться об этом. Все боялись друг другу возразить, потому что каждый что-то натворил

и боялся, что об этом станет известно. И тут уж никому не было дела до чужих провинностей. «Лишь бы на меня не ткнули пальцем», - вот о чём думал каждый из сидящих за столом. Дима обвёл всех взглядом и ему стало и смешно и грустно одновременно. Друзья сидели и боязливо заглядывали друг другу в глаза, нервничая и вздыхая.

– Слушайте, мне так нравится наша жизнь, – вдруг заявила Настя. – Она такая интересная! Мы живём не как все.

– Она порочная, а не интересная, – недовольно поправил Дима. – Ладно бы, если она ещё естественная была, а то всё строится на игре, на лжи, всё искусственное! Всё только ради крутизны и ради себя.

– Что ты гонишь!?! Да, она порочная. А мне нравится! Я всю жизнь была пай-девочкой и сейчас мне хочется поразвратничать.

– И это ты называешь интересной жизнью?

– Да! Будет, что вспомнить.

– Насыщенные воспоминания, – съязвил Дима. – Такие яркие, такие волнующие, – он неожиданно стал очень серьёзным, взгляд похолодел и Дима грубо рявкнул: – В твоей жизни ничего нет! Она пуста и бессмысленна!

Настя обалдела. Рот сам собой открылся от удивления. Настя смотрела на него вытаращенными глазами и ничего не понимала. Она определённо не улавливала мысль, которую хотел донести до неё Дима. Немного оправившись от изумления, она выдавила:

– Да мы круто живём! У нас куча денег, богатые родители, у нас, можно сказать, карьера готова. Мы счастливые люди!

– Мы бедные, несчастные дети, – уныло ответил Дима.

– Димочка, ты бредишь, – жалостливо сказала Лера. – Иди поспи.

– Дим, я считаю себя абсолютно счастливой, – яро убеждала его Настя. – У меня всё есть! Да у нас у всех всё есть!

– Что ты несёшь?! – с отчаянием выкрикнул Дима. – Что у нас есть? Вот это? – он схватил её за её дорогую маечку. – Или куча бумажек в кошельках? Ты это имеешь в виду? Ты такая дура! А вот здесь у нас что-нибудь есть? – он положил руку себе на грудь. – Ты вообще знаешь, что у человека есть такая фигня, как душа? Слышала когда-нибудь?

Всем показалось, что Дима сейчас зарыдает, и никто не мог понять, что это его так разбирает? Настя здраво рассуждает, а он несёт какую-то пургу.

Дима вдруг успокоился, поняв, что до этих людей не докричишься, опустил голову и тихо буркнул:

– Ну-ну.

– Что «ну-ну»? – передразнила Настя, соорив рожу. – Ты ещё скажи, что ты несчастлив. Бог тебя накажет.

– Осторожно. Тебе нельзя произносить слово «Бог». Странно, что ты вообще знаешь это слово. А, ну конечно, его нужно говорить, когда тебе что-то нужно или нужно попросить прощения у Него.

– Да иди ты, придурок! – разозлилась Настя и пнула ногой его стул. – Вали отсюда!

– Ненормальная, – протянул Дима.

– Ой, хватит. Надоела ваша ругань! – Поморщилась Вика. – Я вот что хочу сказать. Давайте тусоваться вместе. Что это за компания? Двое там, трое там, ещё двое непонятно где. Мы же всё-таки друзья.

– Друзья! – хлопнув себя по коленке, захохотал

Дима. – Друзья! Вот приколы! Мы – друзья! Ты думаешь? Мои друзья за последние два дня назвали меня придурком как минимум раз десять, друзья лают друг на друга, как собаки и говорят: «Не лезь в мою жизнь! Это не твоё дело!» Ты ЭТО называешь дружбой? Это МЫ компания?

– Диман, да что это с тобой сегодня? – не выдержал Вадим.

– По-моему, это называется прозрение, – ответил Дима, встал и ушёл.

– Придурок! – вторично буркнула Настя и принялась за кофе.

Три недели пролетели незаметно. Дни не отличались разнообразием. В распорядок каждого дня входили шумные перебранки, ссоры, ложь, лицемерие, слепое просаживание родительских денег и грандиозные вечеринки с алкоголем, наркотиками ради крутизны и развратом ради всё той же крутизны. В общем, обычный набор. Олег с Лерой тайком встречались, проводили страстные ночи, а потом как ни в чём ни бывало смотрели в глаза своим друзьям, «любимым», говорили, что любят.

Настя с Викой гонялись по городу в поисках модной одежды и также тратили на неё уйму денег. Дима ходил недовольный, смурней с каждым днём, при любом удобном случае со всеми ругался. Каждое слово его так называемых друзей вызывало в нём бурю протеста. Его поведение омрачало последние дни отдыха, но никто даже не попытался выяснить, что творится с их другом. Все просто старались не обращать на него внимания, чтобы ещё больше не испортить себе отдых, а точнее, никому дела до него не было.

Домой уезжали с каким-то тяжёлым чувством. От каждодневных пьянок все чувствовали себя ужасно, деньги кончились. Короче, настроение у всех было отврати-

тельным. В поезде слышалось одно нытьё: как неохота домой, как неохота учиться и всё в подобном духе.

– Что ты ноешь? – не выдержал однажды Дима, обратившись к Насте, потому что ныла, в основном, она. – Ты же абсолютно счастлива! У тебя всё есть! Да у тебя улыбка с лица сходить не должна. И вообще... Мы же вместе! Нас должно это радовать несмотря ни на что, – он усмехнулся. – Мы же компания! Мы же друзья, – иронично произнёс он и вышел из купе, злостно задвинув дверь.

Часть 3

Перед каждым концертом Юля гуляла ночью. Она ходила одна по тёмным пустым улицам и курила. Она обожала гулять одна по ночам. Сначала было страшно. Она сидела дома, глядела в чёрное окно, а в ней боролись страх и безумное желание очутиться в этой чёрной пустоте. Там страшно, но там природа и там есть, чем дышать. А сидеть в своей комнате, когда кажется, что всё, что есть на земле – это её маленькая комнатка и она в ней, а за окном больше ничего и никого нет, лишь зияющая чернота, становилось с каждым днём всё невыносимее. И в один прекрасный момент Юля плюнула на всё и пошла гулять, считая так: если ей суждено умереть, то это случится независимо от того, дома она или на улице. И она ходила по улицам, не боясь ничего. Это было самым главным: – избавиться от страха, иначе не почувствуешь всего того, чем обладает ночной город и ночная природа. У неё была внутри свобода, она не давала никому её ограничивать.

Когда Юля бродила по тёмным улицам, наполненным призраками людей, которые ходили здесь днём, у неё возникало ощущение, что теперь всё это принадлежит ей, она здесь совершенно одна среди этих мёртвых заброшенных декораций в виде домов, деревьев, беседок. И этот миг принадлежит ей, она свободна. Её душа может передохнуть от реальности, от жизни, почувствовать, что её больше никто не сжимает в тиски, что в ней наконец-то нет никакого страха, потому что она здесь одна и никто не может её обидеть, ударить, накричать. Главное – в это поверить. И Юля верила на некоторое время, на короткое, как один стук сердца, мгновение.

Обычно она выбирала какую-нибудь скамеечку в укромном месте или поднималась на крышу своего дома

и сидела так очень долго, пока не опустошалось не менее половины пачки сигарет.

Она настраивалась на музыку. Впитывая в себя совершенство ночной природы и чёрного неба, она понимала, как ей нужно играть то или иное произведение. Юли-на душа просила заполнить её чем-то нереальным, нечеловеческим, небесным. Она уставала от каждодневной людской глупости, злости, грубости, от мелких мыслей, людей, от мелких душ. Видя всё это и ощущая приземлённость жизни, Юля не могла играть. С реальными мыслями музыка становится очеловеченной, а она должна быть божественной.

А в такие моменты Юля уносились куда-то далеко, в свой мир, где ей нравилось жить, где ей нравилось дышать и думать, где ей никто не мешал слушать этот мир. Мир природы, мир её нереальных мыслей, который она делила со своими друзьями. Нереальность – с точки зрения всех остальных людей, а Юля жила только этим. Она отрешалась от всего мелкого, человеческого, от всего того, что помешало бы донести хрупкий дар из звуков музыки людям. Нести его нужно очень осторожно. Одно неверное движение, одна неверная мысль и дар потерян. Ты идёшь к людям, но дать ты им ничего не можешь, потому что у тебя ничего нет, потому что ты потерял этот дар по дороге. Для Юли каждое выступление было очень важным. Оно являлось своеобразной попыткой показать людям часть своего мира, открыть для кого-то очень важный секрет, показать им хрупкую красоту музыки и, возможно, кому-то помочь. А это очень ответственно, поэтому Юля не могла себе позволить относиться хоть к одному выступлению легкомысленно. Она хотела оставить след в душах людей, она очень хотела им помочь. Не ради себя, ради них.

Она страстно любила одиночество, так же, как и

друзей. В одиночестве она могла творить. Лишь в одиночестве она могла вложить в своё творчество всё самое сокровенное своей души и своего мира.

Да они были одни целым...

В этот раз Юля снова пошла гулять. Она сидела на крыше своего девятиэтажного дома и наслаждалась вкусным осенним воздухом с примесью запахов костра и зимы. Она вспоминала свой сон, потому что ощущения, которые она сейчас испытывала, были очень похожи на ощущения в этом сне. Та же свобода, тот же полёт, то же счастье. Она долго размышляла о своём сне, на часах было уже половина четвёртого, но уходить отсюда очень не хотелось. Она закурила очередную сигарету и села в проёме небольшой будки, прислонившись спиной к стене. Она курила, думая о том, что в последнее время ей стало не хватать Жени. Она безумно хотела, чтобы сейчас он очутился рядом с ней. Ей не хватало его, как части себя. Конечно, он всё время рядом, он в её мыслях, он в её душе, но она очень хотела ощутить его сейчас руками, губами. И пока его нет рядом с ней, что-то в этом мире неправильно, он словно разделён на две части.

Юля выкинула окурочек и закрыла глаза. Она думала, а потом незаметно уснула.

Её разбудил какой-то шорох. Она, всё также сидя, медленно открыла глаза. Яркий свежий свет утра её ослепил. Сквозь пелену сна она увидела птицу, севшую на антенну, прилепленную к будке. Птица смотрела на неё. Своими чёрными глазами. Юля оторопела, но не сводила с неё своих глаз.

– Боже мой, – одними губами проговорила Юля. Птица взмахнула крыльями и улетела. – Боже мой, – повторила Юля и непонимающе огляделась по сторонам. – И где я, интересно знать? –

И тут её глаза резко увеличились, она посмотрела на часы и её глаза увеличились ещё больше.

– Концерт! – завопила она и со всех ног понеслась домой. Время заставило забыть про птицу.

Вот уже пятнадцать минут Юля, судорожно перебирая вещи в шкафу, искала чёрные колготки.

– Концерт через полчаса! Чёрт, я опаздываю, – бормотала она себе под нос. – Я опаздываю, я опаздываю. Я ещё не разыгралась. О, Боже! – в детской кроватке всё это время заливался криком её полугодовалый братик Тимка. – Тим, ты же мужчина, ну помолчи, пожалуйста, итак тошно. Ну где же вы, родненькие? – простонала Юля, наведя в шкаф настоящий бедлам. Тут она замерла с усиленным мыслительным процессом на лице, затем резко вскочила и ринулась в зал. В памяти всплыла ясная картина. Они с Пашкой бесились недавно у неё дома. Шуточная драка, как всегда, закончилась жаркой, любовной сценой. Её колготки упали за диван, про что она знала, но накрепко забыла об этом. А сейчас подсознание выдало.

Юля заглянула за диван и с облегчением вздохнула, но обрадовалась рано, потому что, одев их, она увидела дырочку на коленке, небольшую, но уже «поползшую».

– Ёшкин кот, – с отчаянием ругнулась Юля. Эти колготки были единственными, предназначенными специально для концертов. Все остальные – или синие, или жёлтые, или в клеточку.

Вооружившись иголкой, она расположилась на диване, то и дело поглядывая на часы – оставалось двадцать минут. Она где-то слышала, что колготки нужно зашивать человеческим волосом. Юля совершенно измучилась. Она перевыдёргивала из себя несколько десятков волос, но они постоянно рвались.

– Слишком тонкие, – поняла Юля и стала судорож-

но вспоминать, кто может ей помочь. Она сорвалась с места, выбежала из квартиры в одной рубашке, с колготками в руках и побежала на верхний этаж, к своей соседке знакомой девчонке Эле. Она открыла ей в махровом халате и с яблоком в руке.

– Привет, – лучисто улыбнулась Юля. – Мне нужна твоя помощь, – она замялась, подыскивая слова и не переставая широко улыбаться. Вдруг на её лице появилось выражение глубокого изумления. Юля протянула руку к волосам подруги, взяла прядь и восхищённо сказала: – Какой у тебя цвет классный!

И тут Юля резко выдернула несколько волосков и побежала прочь со словами:

– Спасибо большое за помощь!

Эля привыкла к большим выходкам этой особы, поэтому ничуть не удивилась, сказала «На здоровье» и закрыла дверь.

Юля сидела у входа в зал и ждала своего выхода. Напротив из классов доносились звуки роялей. Звуки разных произведений, каждое со своим характером, каждое со своим образом, сливались в одну сплошную сумасшедшую мелодию, как будто одновременно разговаривало несколько очень разных людей. А в результате получалась какая-то безумная смесь со множеством несопоставимых образов. Юле показалось, что именно это получится из разговора с абсолютно другим человеком. Люди разные, такие, какие они есть. И они не меняются в течение разговора. Каждый говорит своё, каждый ведёт свою мелодию, неизменную мелодию. Столкновение, контраст, а в результате – просто сумасшествие.

А вот если мелодии хоть несколько схожи... Стоит попробовать... Может получится нечто интересное.

В кабинетах разыгрывались Света, Женя и Антон.

Выступал сейчас Паша, Марина ещё не пришла. Учебный год начался неделю назад, а они уже участвовали в концерте. Их всегда ставили всех вместе и подряд. Они все играли очень хорошо, каждый в своей неповторимой манере, каждая из которых обладала своей индивидуальностью, каждая завораживала. Эта шестёрка была незаменимой, они выступали почти на каждом концерте, потому как они уже настолько натренировались, что могли подготовиться к концерту за два дня. При чём выступать они вызывались по собственному желанию при любом удобном случае. Ведь, если играешь неплохо, скромно говоря, как играли они, то дарить людям радость, наслаждение от качественно-исполненной хорошей музыки, за которым люди, собственно говоря, и приходят на концерт, это же необъяснимо-приятные чувства. Когда ты чувствуешь, что тебя слушают, забыв про всё, чувствуют то же восхищение музыкой, что и ты; когда чувствуешь, что слушатели переживают всё вместе с тобой и получают удовольствие от твоей игры; когда чувствуешь, что зал просто замер, ловя каждый звук, что ты заставил их слушать, – всё это стоило и потраченных нервов, и сил, и отчаянных слёз, когда никак не получается один такт, когда захлопываешь крышку фортепиано, швыряешь ноты в угол и клянёшься себе, что никогда в жизни больше не сядешь за этот «идиотский инструмент». Но проходит пять минут и ты с грустным смирением снова садишься за пианино, открываешь крышку. пальцы прикасаются к клавишам и словно сама собой начинает литься проникновенная мелодия. Пальцы играют так осторожно и нежно, как будто просят прощения за ошибку, за грубость. Мелодия настолько красива... Ты в ней, ты зачарован музыкой, она наполняет тебя то живой влагой, то пылающим огнём, то безудержной энергией, то щемящей светлой грустью. Ты играешь

и думаешь: «Как я смогу жить без всего этого?» И всё начинается сначала: работа, нервы, слёзы, наслаждение.

И всё это для того лишь, чтобы выйти на сцену. Это истина, с какой-то стороны. Ты даришь людям радость – и это главное.

Именно этой истины сейчас с нетерпением ждала Юля. Не думала она о Марине. Марина, единственная из всех, никогда не опаздывала на концерты. Более обязательного человека Юля не знала и не могла представить, что такой существует. Поэтому Юлю охватило волнение – похоже, что-то случилось.

Юля вздрогнула от громких заключительных аккордов в зале. Музыка стихла, послышались аплодисменты. Дверь зала открылась, вышел довольный Паша. Они быстренько поцеловались, пока объявляли Юлю.

– Ты мне проспорил, – прошептала она. – На бис тебя не вызвали.

– Иди-иди. Посмотрим, вызовут ли тебя. Счастливо.

Юля уже настолько привыкла к концертам, что совершенно не волновалась, когда выходила на сцену. Она волновалась только из-за того, сможет ли она сыграть произведение так, как она задумала и сумеет ли донести людям свои мысли и свою душу, выраженные в музыке, сумеет ли выложиться на все 200%. Юля выходила на сцену с величественным видом, многообещающе глядя в зал: «Мол, сейчас будет такое!..». И не обманывала ожиданий. Из всех друзей лишь Света до сих пор жутко тряслась перед каждым выступлением. Выпивала все успокоительные средства сразу: и корвалол, и валидол, и даже пиво. И только тогда, ничего не соображая, выходила на сцену. К удивлению, даже в таком состоянии она играла прекрасно. Юля отыграла, зал вызвал её на бис. После этого она сияя вышла из зала.

– Любимый, с тебя пикник, – положив руку Паше на плечо, напомнила она.

– Да без проблем!

Тем временем выступить пошёл женя. Следующей должна была играть Марина, а её всё не было. И только тогда, когда вместо неё выступил Антон, а затем Света, принявшая допинг в виде двух бутылок пива, на лестнице послышался топот. К залу подлетела Марина с таким видом, как будто она сейчас бежала кросс на очень длинную дистанцию. Она обвела всех огромными глазами и устало плюхнулась в кресло, чтобы отдышаться.

– Марин, твой выход сейчас! Ты где была? – спросила Юля.

Марина молчала минуты две, изучая стену перед собой, а затем хмуро сообщила:

– Меня выгнали из дома.

Все возмущённо вздохнули.

– Вот скоты! – ругнулся Антон и сел перед ней на колени, взяв её за руку.

– Я думала, они всё-таки не посмеют, – изумилась Юля.

– Мы всё-таки ещё думаем о людях лучше, чем они есть на самом деле, – с грустью сказала Марина. – Чем лучше узнаёшь людей, тем больше нравятся собаки, – отряхивая джинсы от точек грязи, процитировала она.

– Давайте подумаем, что делать, – предложил Женя.

– Да что тут думать? Буду искать работу и квартиру и всё это одновременно, – вздохнула Марина.

– Какую квартиру? У меня будешь жить! – категорично сказал Антон.

– Антон, не буду приводить мелочных доводов типа того, что неудобно и всё тому подобное... Но, согла-

сись, мне нужно моё жильё. Моё.

– Ну, хотя бы временно поживёшь, пока мы что-нибудь не найдём, пока ты чуть-чуть не заработаешь.

– Слушайте, мы же можем скинуться, – предложил Паша. – Чтобы снять квартиру, вполне хватит. А там всеобщими усилиями и работу найдём.

– Хватит плести чушь. Можно подумать, у нас у всех денег полно, – решительно ответила Марина.

Все напрочь забыли, что в этот момент шёл концерт, но тут дверь зала открылась и оттуда выползла Света с видом душевнобольной, а ведущая уже называла имя Марины. Она вскочила, сбросила куртку и вылетела на сцену, не разыгравшись, не настроившись. Несмотря ни на что выступление получилось превосходным. Она исполняла бурное произведение Рахманинова. И её нынешнее нервно-возбуждённое состояние как нельзя кстати подошло к нему и помогло. Она вложила в музыку всё своё отчаяние и протест против несовершенства мира и господствующего в нём зла. «На взводе», очень искренне Марина отыграла пьесу от начала до конца и даже вспотела. Она с улыбкой поклонилась и насладилась заслуженно-бурными аплодисментами. И вдруг, стоя на сцене и глядя в полный зал, она подумала: «А фиг с ними со всеми этими проблемами! У меня есть эта божественная музыка! И люди, которым нравится, как я играю! Возможно, они тоже становятся хотя бы чуть-чуть счастливее, слыша музыку. Я богата! Я счастлива!»

Вдохновлённая и счастливая она вышла из зала и увидела грустные, унылые лица друзей, которые за неё переживали.

– Чего приуныли? – весело спросила она и одела куртку.

– Слушайте, это Марина, которая зашла туда де-

сять минут назад напрочь убитая? – растерянно спросил Женя.

– По-моему, нет, – с сомнением произнёс Паша.

– Это она, – ответила Марина. – Только теперь она, как всегда, спасена музыкой.

– Музыка, – мечтательно вздохнула Юля, – какое же это чудо! Да, Свет? – она толкнула подругу локтём в бок. Свету после двух бутылок пива и волнения жутко развезло, она сидела рядом и спала. От Юлиного локтя Света вроде бы проснулась и попыталась собрать глаза в кучку. Безуспешно. Ей казалось, что они расползаются в разные стороны, потому что предметы перед глазами плавно куда-то плыли, причём кто куда.

– А? – пьяно спросила она.

– Правда, Свет? – переспросила Юля.

– Правда-правда, – проворчала Света, привалилась к плечу подруги и снова заснула.

– Свет, Анна Михайловна идёт, – пошутил Антон. Анна Михайловна являлась преподавателем Светы по специальности, которая и восхищала своим талантом, и одновременно ужасала свою ученицу строгостью, требовательностью и эмоциональной непредсказуемостью.

Света вскочила, как по сигналу тревоги. Глаза сразу стали трезвыми и большими. Она вытянулась по струнке и, видимо, не могла понять, что делать; то ли засунуть в рот жвачку, чтобы не пахло, то ли причесаться и вытереть размазавшуюся тушь, то ли попросту убежать. Вместо всего этого она с ужасом выдохнула:

– Где? – после чего огляделась по сторонам и с трудом поняла, что её жестоко обманули. – Придурок! – огрызнулась она. – Тебе не жалко моих нервов? Я сегодня пережила очередную катастрофу под названием «концерт»! А ему шуточки! К тому же я налажала и мою Анку

мне сейчас видеть совершенно ни к чему!..

– Свет, подойди на минуточку, – раздался голос Анны Михайловны за её спиной.

Света ошалело замерла, друзья тихонько фыркнули, Антон испарился.

Через несколько минут после того, как друзья наслушались поздравлений и комплиментов, они уже стояли за углом института и курили.

– Ну, что будем делать с работой? – спросил Паша.

Тут друзья увидели направлявшегося к ним Сильфа. Тот подошёл понурый, расстроенный, закурил и жадно затянулся.

– Что будем делать? – переспросил Паша.

– Жить дальше, – грустно ответил Сильф. – И принимать всё, как есть.

– Что случилось, Солнце? – ласково поинтересовалась Юля.

– Меня раздражает мой курс! – прорычало Солнце. – Они все такие маленькие! Детский сад на прогулке! Мне там скучно! Я не хочу хвалить себя, вот я такой взрослый, а они ничего не понимают. Я этого не говорю. Но мне действительно безумно скучно! Я с ними деградирую.

– Ничего, скоро повзрослеют, – утешила Юля. – Не все, конечно.

– К тому времени, как это произойдёт, я сойду сума ото всех них.

– Скорее, ты сойдёшь с ума от нас, – хохотнул Антон.

– С вами мне здорово. С вами я в своём мире.

– Значит, ты уже тронулся, – не унимался Антон.

– Какие бы мы ни были, но с ними мне просто не-

выносимо. И наше сумасшествие мне гораздо более по душе, чем их разумность.

– С такими людьми, кстати, тоже очень полезно пообщаться, – сказала Юля.

– Чтобы было, с чем сравнивать? – пошутил Антон.

– Нет, – улыбнулась Юля. – Можно многое понять, можно попытаться что-то дать им, если они готовы взять и, пообщавшись с ними, можно ещё больше полюбить свой мир, потому что он намного ярче.

– Всё это очень обнадёживает, – вздохнул Сильф.

– Заметно, – кивнула Юля.

– Да нет, правда. А вы чего такие кислые?

– Марину выгнали из дома, – сообщил Женя и вытащил из сумки коробку молока.

Далее последовало несколько полностью нецензурных предложений в исполнении Сильфа.

– Из-за работы? – этим он завершил свои высказывания впечатлений.

Марина кивнула.

– А в чём проблема? В баре, в котором мы иногда играем, нужна официантка.

– Серьёзно? – обрадовалась Марина. – Так чего же ты молчал?

– А меня никто не спрашивал.

– Может, подкинешь идею и насчёт жилья для меня?

– Моя квартира в твоём распоряжении, – предложил Сильф и, лукаво улыбнувшись, глянул на Антона.

– Неудачная идея, – оценил тот.

– А, по-моему, очень даже ничего. Родители работают с восьми до восьми, иногда в ночную смену. Тебе понравится, – многообещающе улыбнулся Сильф и приобнял Марину.

– А мне – нет, – заволновался Антон, сбросил его руку со своей девушки и см обхватил её обеими руками. – Не отдам мою чучу!

– Кого? – возмущённо спросила Марина.

– «Чуча» – в переводе с мексиканского – «кошечка», – объяснил Антон.

– Кто молочка хочет? – спросил Женя, протягивая коробку с молоком в неопределённом направлении.

– Я, – тут же забыв про свою чучу, отозвался Антон. Он взял коробку и стал пить.

Настроение у Сильфа из подавленного плавно перешло в игривое, ему захотелось подурачиться. Он нажал пальцами на бока коробки и Антона обдало белым фонтаном молока. Антон медленно опустил упаковку, облизывая молоко вокруг губ. Его глаза за короткое время претерпели множество существенных изменений от выражения растерянности до мстительного блеска.

– Не надо делать удивлённых движений руками, – давясь смехом, сказал Сильф. – Ну, не злись, у меня сорвалось просто. Давно мечтал так сделать.

– Ты выглядишь очень мило, – робко попробовала утешить Антона Марина. Ему с его детскими очаровательными чертами лица капельки на щеках и губах очень шли, но его любимый чёрный шот тоже был облит, и это как раз выводило его из равновесия. Антон, Не сводя предупреждающего взгляда с Сильфа, отдал коробку Марине и, лёгким движением руки стряхнув молоко с шота, сказал:

– Я мстю и мстя моя страшна!

Сильфа уже и след простыл, Антон бросился вдогонку, после чего начался кросс вокруг института: Сильф впереди. Антон за ним. Остальные друзья болтали, курили и наблюдали за регулярно пробегающими мимо Силь-

фом и Антоном. Когда Антону это надоело, он придумал хитрый манёвр. Он побежал в противоположную сторону, взял у Марины молоко, набрал его в рот и спрятался за углом. Сильф так увлечённо и сосредоточенно бегал кругами, что такого обмана подрассчитать не успел. И как только он выбежал из-за угла, за которым прятался Антон, ему в лицо выпрыснулся белый фонтан. Сильф искренне обалдел от того как легко его одурачили.

– Не злись, – язвительно попросил Антон, – у меня сорвалось. Давно мечтал это сделать.

Сильф сделал обиженные глаза, затем гордо вскинул подбородок в то время, как с его чёлки капало молоко и оставляло белые полоски на синем свитере, и, направляясь к друзьям, сказал:

– Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не руками, – он взял Марину за руку и игриво сказал: – Пойдём, Маришка, в бар. Меня тут обижают, да и время нельзя терять, а то работу потеряешь, ещё не получив. К тому же представляется шанс отомстить некоторым товарищам, – он многозначительно глянул на Антона.

– Я с вами, – всерьёз испугавшись, сказал Антон, взял Марину за другую руку и притянул к себе.

– Ты что, рехнулся? – не выдержал Сильф. – Он ещё ревновать будет. Я всего лишь шучу. Не собираюсь я уводить у тебя твою чучу! Время действительно нельзя терять. Пойдём, – он вторично взял Марину за руку и повёл за собой. – Кстати, поздравляю всех с удачным выступлением. Я как раз сидел на музлитературе и слышал бурные овации. Рад за вас! Счастливо!

– Слушайте, как вы думаете, он её не уведёт? – неуверенно спросил Антон у всех остальных, когда Сильф с Мариной ушли. – Они ведь встречались, в таких случаях чувства очень часто возрождаются.

– Антон, ну в самом деле!, – возмутилась Света. – Какого мнения ты о своих друзьях? Какого чёрта тогда мы так слепо друг другу доверяем? Чтобы предавать друг друга, что ли? – Юля с Женей взволнованно переглянулись.

– Да я просто спросил, – уныло протянул Антон, опустив голову.

– Антон, то, что ты говоришь, полная чушь! – продолжила Света. – Уж только не нам сомневаться друг в друге, мы потому и вместе, что мы настолько устали от предательств, и наконец нашли людей, которые не ударят по душе, которым можно верить, понимаешь? **МОЖНО ВЕРИТЬ**. Мы же так держимся друг за друга, что думать о предательстве смешно и глупо.

Юля, впечатлённая её словами, стеклянными глазами смотрела на подругу и минуты две уже шарила рукой в сумке в поисках сигарет. Найдя – закурила.

– Неужели время и события, произошедшие с нами, тебе ни о чём не сказали? – спросила Света. – Мы, по-моему, уже окончательно доказали друг другу, что мы способны только защищать и любить нас. Извините за пафос.

– Антошка, уж если и в нашей компании кто-то способен на предательство, то к кому же в таком случае податься? Как тогда вообще можно во что-то верить: в дружбу, в хороших людей? Это наша общая заслуга, что мы всё ещё во всё это верим. И если не верить нам, то ты, мальчик мой, будешь одинок, потому что верить больше никому, – она тут же поправилась: – Снова будешь одинок.

– Это стало ясно уже давно, как мне кажется, – добавил Паша.

– Мы все – это спасение для каждого из нас, – сказал Женя, не глядя на Юлю.

Антон пристыжено глядел на огонёк своей сигареты.

– Антошка, мы тебя ни в чём не обвиняем, – ласково сказала Юля. – Ты же знаешь, мы никогда никого ни в чём не обвиняем. Мы не имеем права да и не хотим. Тебя легко понять. У нас у всех, наверно, были такие сомнения и колебания (какое слово дурацкое!). Поверить в то, что ты не одинок, когда ты уже свыкся, сжился с этой мыслью, и что ты нашёл нескольких близких по духу людей, которые никогда тебя не бросят и не предадут, когда ты уже перестал верить в то, что это существует в жизни, очень трудно. Но это так. Поверь. Слепо поверь. Потому что это правда.

Женя глядел на неё испуганно. Её слова, казалось ему, означают, что теперь-то уж они точно ничего не будут рассказывать и никогда не будут вместе.

– Мы должны именно слепо верить друг другу, – добавила Света, – и мы можем друг другу слепо верить, не боясь.

– Мы – это одно неразрывное целое, – закончила Юля.

– Я знаю, – тихо ответил Антон, – я понимаю. Только... одна просьба...

Все насторожились.

– Не называйте меня Антошкой, – жалобно попросил Антон.

Они шли по улице. Независимые, красивые, яркие. Одухотворённые лица, «наполненные» глаза. Такие разные и такие похожие. На них очень хотелось смотреть, они притягивали своими красками, как видимыми красками, так и красками энергии, от них исходящей. Такие яркие, как осень. Они заинтересовывали. Возникало ощущение, что всё, о чём они говорят, над чем смеются, очень

интересно. Хотелось это узнать. Но ясно виделся их ярко очерченный, независимый мирок, проникнуть в который очень трудно, хотя возможно. Они содержали в себе особый, важный смысл, который очень хотелось узнать, но для этого существовало условие, негласно и неосознанно поставленное ими, которое виделось в их лучистых улыбках, пьянящей обаятельности, милых жестах, искреннем поведении. И сначала нужно было разгадать условие. Загадочность привлекала.

Хотя часто они натыкались на осуждающие взгляды – «вы не такие, как все!». Но они не злились, потому что понимали всё это. Так думают люди, которых не устраивает своя собственная жизнь, которые привыкли к штампам и шаблонам.

Друзья шли пешком домой – двадцать остановок. Ну и что, двадцать? Они вместе! Им классно! Они обожают гулять! Вокруг природа и хорошая погода. Всё есть для того, чтобы назвать свою жизнь насыщенной. Антон дурачился: то подшучивал над каждым словом, то подбегал к кому-нибудь из друзей и с диким ором начинал щекотать, то загребал сухую листву с земли и всех обсыпал. Одним словом, парень отрывался.

Ему в голову пришла гениальная, на его взгляд, мысль. Антон незаметно расстегнул у Светы рюкзак и стал по горсточке насыпать туда листья. Света шла, как ни в чём не бывало, и ничего не чувствовала. Юля рассказывала про свои ночные и утренние приключения, а когда дошла до момента с птицей, что-то случилось. Это был чей-то взгляд. В пространстве между двумя взглядами словно сверкнула молния. Юля даже пошатнулась, этот взгляд её ударил. Это была девушка с длинными светлыми волосами, с тёмными глазами, с гвоздиком в носу, ничего особенного – обыкновенная симпатичная девушка.

Юля её не знала. Но этот взгляд её очень впечатлил своим действием на неё – это было похоже на мощное столкновение. Девушка, видно, ничего такого не почувствовала, хотя и посмотрела очень пристально, и прошла мимо, задев её плечом.

– Чертовщина! – тихо буркнула Юля.

– Ты про птицу? – спросила Света. Её рюкзак тем временем был полон листьями.

– Да, – задумчиво ответила Юля.

– Ты чего, Юль? – обеспокоился Паша.

– У вас бывает такое, что от взгляда словно током ударяет?

– Про взгляды – не знаю, – тут же откликнулся Антон. – Но вот у нас давно ударило током мозги. С тех пор они у нас враскорячку торчат. Я могу это доказать.

– Не стоит, – заметил Женя, – мы видим.

Но Антон не услышал этой фразы. Он запросто мог свернуть любую серьёзную тему. Так произошло и сейчас. Он неожиданно подошёл к шедшей навстречу девушке лет восемнадцати.

– Скажите, пожалуйста, а почему у вас джинсы синие?

– Чего?

– Почему у вас джинсы синие?

– Потому что синие.

– А почему они не жёлтые?

– А почему они должны быть жёлтые?

– Не отвечайте вопросом на вопрос. Это некрасиво. Так почему они не жёлтые?

– Потому что они не жёлтые.

– Почему?

– Да иди ты, придурок! – разъярилась девушка и пошла дальше.

– Злые люди, злые, – сокрушённо замотал головой Антон. – Зачем обзывать? Молодой человек, можно вас на секунду?

Молодой человек в спортивном костюме и с пакетом очень куда-то спешил, но остановился, приготовившись дать прикурить.

– Можно вопрос? Что вы думаете по поводу жизни сурикатов?

– Кого? – сморщился молодой человек в спортивном костюме. – Иди на х...!

– Хорошо хоть не побил. А то я пострадал бы за милых зверушек сурикатов.

Незаметно дорога закончилась. Паша с Антоном пошли к одной их знакомой девушке Оле, которая жила одна в двухкомнатной квартире, с намерением уговорить её сдать комнату. И учитывая то обстоятельство, что жила она в доме по соседству с Антоном, это был идеальный вариант. А Юля, Света и Женья, жившие неподалёку друг от друга, отправились домой.

Дойдя до дома Светы, они остановились на её остановке.

– Ну что, ко мне зайдём? – спросила Света.

– Я – нет, – отказалась Юля, сладко зевнув. – Я домой, потому что устала, как... – и не придумав ничего оригинального, лягнула: – ... как ёжик. Пойду спать.

– Да, ёжики обычно очень своеобразно устают, – улыбнулась Света. – А ты, Женья, тоже ёжик?

– Я тоже ёжик, – кивнул тот. Не обидишься?

– На то, что ты ёжик? Бог ты мой! – сказала Света знаменитую фразу Антона. – Что-то меня заклинило на этом ёжике. Ну на что тут обижаться? – поморщилась она, сняла рюкзак, чтобы достать ключи, расстегнула его и остолбенела.

Юля и Женя фыркнули от смеха. Из полного листьев рюкзака вылетели два листочка и не спеша выразительно пролапировали на землю.

– Я даже знаю, кто это сделал. И это самый старший человек. Сильф и то спокойнее. – Удивление Светы быстро сменилось на небольшое недовольство. На небольшое, потому что на очаровательного Антона невозможно было злиться сильно, а, во-вторых, все уже давно привыкли к его шуточкам.

Света стала освобождать рюкзак от листьев, приговаривая:

– Как жаль, что я не открыла его, когда Тон был здесь. А то бы он этими листьями поужинал. Ну что, завтра у меня собираемся? На неограниченное время?

– Да, – кивнула Юля. – А утром, может, в «Сэконд» сходим?

– Давай. Только попозже. Я хочу выспаться в своё любимое воскре... – Света застыла, не договорив, а следовательно, с открытым ртом.

– Что? – испуганно спросил Женя.

– Я домой пришла, да? – вдруг возмущённо спросила Света неизвестно кого.

– Вроде бы, – ошарашено ответила Юля.

– Вроде бы! – передразнила Света. – Идиотка!

– Я? – ещё ошарашенней спросила Юля.

– При чём тут ты? – не на шутку разошлась Света. – За каким я сюда припёрлась? У меня работа ещё сегодня! Буквально через полчаса.

– Точно! А мы забыли все, – вспомнил Женя.

– Так, я побежала. – Света с Женей поцеловались, а она вдруг напутствовала: – Не шалите по дороге. Приятной прогулки! Пока!

Юля с Женей тоже пошли, совершенно недоуме-

вая от этой фразы. Почти целую остановку они шли молча. Души переполняла радость от того, что они наконец одни. Вдвоём. Так бывает, когда наконец получаешь то, чего давно желал, и теперь, получив, даже не знаешь, что с этим делать. Только сейчас они поняли, как редко они бывают одни. Хотя они живут в соседних домах и могли бы встречаться очень часто, но они не позволяли себе этого, считая это уже предательством. Если так получалось само собой, они оставались одни, они не отказывались от этого подарка судьбы. Наоборот, вдоволь наслаждались каждым мгновением, каждым вздохом друг друга, каждым взглядом, каждым случайным прикосновением. Старались запомнить всё, чтобы потом вспоминать самые счастливые свои мгновения, лёжа в холодной постели, в которой лишь одиночество и пронзительное желание близости любимого. И они были счастливы уже от этого малого, что могут уловить редкие нежные мгновения, могут запомнить и вспомнить потом. Они были счастливы от того, что любят. Свою любовь в полной силе чувствуешь в двух случаях: когда твоя любовь безответна, и когда она ответна, но ты не имеешь никакой возможности быть рядом с любимым человеком. Правда, в таком случае любовь, скорее, приравнивается к боли.

И всё-таки они позволили себе взяться сейчас за руки. Они со всей силой сжали руки. Говорить ничего не хотелось, а вместе с тем столько нужно было сказать. Таких счастливых минут выпадает так мало, и общаются они большую часть взглядами. Они старались идти как можно медленнее, чтобы растянуть, посмаковать этот подарок судьбы.

– По-моему, Света догадалась обо всём, – нарушила сладостное молчание Юля.

– Ты думаешь?

– Я почти уверена. Света очень чувствительная. В любом случае, эта её фраза прозвучала очень подозрительно.

– Наверяд ли. Она бы сказала напрямик. Нет, я так не думаю. Не бери в голову.

– Она не должна знать, – взволнованно сказала Юля.

Они решили присесть на очередной остановке.

– Я так не хочу сделать ей больно, – закуривая, продолжила Юля. – И в тоже время так противно от того, что мы её обманываем уже столько времени.

– Мы никого не обманываем, мы просто ничего не говорим, – вздохнул Женя, как будто устал говорить. Эту фразу они повторяли часто с подозрением на оправдание, но легче не становилось. В ней было мало смысла. – Я устал.

– Я тоже устала.

– Сколько можно? – измученно спросил Женя. – Мы когда-нибудь будем вместе?

Вместо ответа Юля стала смотреть на горизонт, робко выглядывающий из-за домов, машин, громких городских звуков и тому подобной чепухи.

– И Паше, и Свете будет больнее, когда они узнают, что мы так долго всё от них скрывали, я уверен. Это нечестно! Мы нарушаем нашу искренность, которая становилась только чище с годами.

– Женя, я могу сказать тебе всё это же и с тем же успехом! – Юля вскочила и стала ходить взад-вперёд. – Я всё это знаю! Я не знаю, что делать. Но делать что-то надо. Всё это невыносимо! Это нечестно и по отношению к нам.

– Мы должны сломать или близких нам людей, или самих себя.

– Согласно нашей философии, мы должны выбрать второе.

– А мне кажется, мы должны всем всё рассказать. Просто потому, что это действительно самое верное решение, если хоть одно какое-нибудь решение можно так назвать. Может, это ещё одно испытание нашей дружбы?

Юля засмеялась:

– Все испытания были уже давным-давно. По-моему, они нам уже не нужны. Ты что, не знаешь, как всё будет? И Света, и Паша всё прекрасно поймут. Но им будет очень больно, и они этого не покажут. Вот в этом и дело.

– И всё-таки мы должны рассказать. В любом случае будет больно. У нас нет другого выхода. Скрывать вечно – это нереально, поэтому нужно рассказывать, и как можно скорее.

– Да, ты прав, – вздохнула Юля, посмотрела на Женю и вдруг улыбнулась: – Я тебя люблю.

– И я тебя тоже очень люблю, – нежно ответил Женя, встал со скамейки и подошёл к Юле. Он провёл рукой по её щеке и они страстно обнялись. – Спасибо тебе, что ты есть.

– Вот и ответ. Мы есть, мы любим друг друга. И это счастье.

– Невыразимое счастье. Ты моё спасение. Ты меня очищаешь. Ты мой ангел.

– Ты сам себя очищаешь. Тем, что любишь, – сказала Юля. – Ты же не умел любить.

– Да, меня разучили. А ты научила вновь. Спасибо тебе, – прошептал Женя и снова сжал Юлю в объятиях.

Они стояли так минут пять. Потом Женя чуть отстранился и посмотрел на Юлю с такой любовью, что ей показалось – он прокричал о своей любви на весь мир и этот крик эхом раздался в небе. Она ответила ему тем же

громким взглядом и они снова обнялись, ощущая себя одним целым.

Какая глупость, какой вздор, будто бы они не вместе! Они вместе! Всегда вместе: когда спят, когда далеко друг от друга, когда занимаются музыкой, когда разговаривают с другими людьми, – всегда! Их души завязаны крепким узлом, они срослись.

После они сначала пошли купаться прямо в одежде. Бесились так, что сидящий неподалёку рыбак разозлился, плюнул, ругнулся и ушёл, потому что они распугали ему всю рыбу. Затем, все мокрые, но жутко счастливые, они гуляли по полу, лежали в пожелтевшей осенней траве и смотрели в ярко-голубое небо, посылая в него блаженные вздохи счастья и благодарности. А потом они сидели на крыше девятиэтажного дома и наслаждались божественно-красивым видом и свежим ветром. По небу плыли облака, настолько белые, что слепило глаза. Они были похожи на сугробы только что выпавшего чистого снега или на взбитые сливки. Так и хотелось зачерпнуть их пальцем и попробовать на вкус. Но, увы, они слишком далеки. До них тысячи километров, ветер и несбыточное желание полёта. До них дорога длиною в жизнь...

Женя смотрел на горизонт грустным, спокойным, затуманенным взглядом. Он очень долго метался по жизни, не знал, что ему надо, постоянно искал какой-то смысл и никак не мог найти. Вечно был запутан в себе. Легко поддаваясь влиянию, постоянно кидался в крайности: то утопал в пороках, то начинал ходить в церковь и молиться. Юля помнила тот его взгляд, мечущийся, страдающий, молящий о помощи. И вот сейчас она поняла – он остановился, перестал метаться и нашёл то, что искал. От него веяло спокойной светлой грустью. Женя почувствовал её взгляд, повернулся и снова посмотрел на неё нежно-неж-

но, как только способен смотреть влюблённый человек.

Женя не любил много говорить о чувствах. Он доказывал это по-другому. Сейчас – взглядом, который говорил намного больше.

– Знаешь, кто ты? – тихо спросила Юля.

– Кто?

– Тихая глубокая вода.

Женя улыбнулся и лёг, положив голову Юле на ноги.

– А ты – мудрая Луна.

Юля тоже легла, и они пролежали около часа.

– Знаешь, – сказала Юля после долгих раздумий, – ты прав. Мы всё расскажем при первом удобном случае.

– Я уверен, это верное решение. Я бы сказал, дружеское.

– Да уж, – протянула Юля, – дружеское.

– Я про решение, – уточнил Женя, а всё остальное – решение судьбы и мы тут совсем ни при чём.

– Да, совсем ни при чём, – ухмыльнулась Юля.

– Не перечь, Луна! – шутливо приказал Женя.

В ответ Юля состроила рожу, показала ему язык и каверзно-хитро улыбнулась. Женя попытался ухватить её за нос, Юля увернулась. Они упали на пол крыши и стали бороться с громким хохотом и пронзительным визгом. Последний исходил преимущественно от Юли. Женя сел на неё верхом, завёл её руки за голову и укусил на нос. А затем было тяжёлое и счастливое одновременно мгновение. Их лица сблизились. Женя посмотрел на губы любимой, а потом с желанием страстью и отчаянием заглянул в глаза, прочитав в них те же самые чувства. В них происходила борьба разума и души. Сколько сумасшедших поступков они совершили в своей жизни! Совершили, потому что

хотелось – и всё. Не думая, не размышляя о последствиях. Это являлось их жизнью. А сейчас вдруг они здорово задумались, они не могли, наверное, впервые сделать что-то без всяких раздумий. Это был тот случай, когда всё же не помешает подумать перед тем, как сделать.

– Что будем слушать? – прошептал Женя. Юлю обдало горячим дыханием. – Разум или как обычно?

Юля не ответила, а только обвила его шею руками и со всей своей нежностью, трепетностью и любовью прикоснулась губами к его щеке. Женя улыбнулся и посмотрел в её золотисто-космические глаза.

– Ко мне словно прикоснулось солнце. Ты не Луна.

– Я Луна ночью, а Солнце днём, потому что Луна – это холодное Солнце.

Женя притянул её к себе и крепко-крепко обнял.

Следующим утром Юля проснулась в половине двенадцатого. Ночью Она долго не могла уснуть, думала о восхитительном предыдущем дне, о Жене, Свете, Паше, о превратностях судьбы и о прочих насущных глобальностях.

Она было снова стала размышлять о том, как лучше поступить. Но впечатления от вчерашнего дня и столько часов близости с Женей перекрыли собой на время всякие невесёлые мысли. Она жмурилась на солнце, улыбалась и нежилась, вспоминая его руку в её руке, её жар, нежность, родное тепло, хотелось срастись с ней навсегда. Его глаза, любящий взгляд, плавающий, вводящий в транс, в котором море, утренняя дымка, поблёскивающая роса... Все её мечты в его глазах. В них целая жизнь, поэтому ей без него никак и никогда.

Юля протянула руку к музыкальному центру и нажала на «воспроизведение». Там оказался диск группы

Sigur Ros, музыка, которая больше всего подходила для нынешнего состояния Юли.

Из этой сладостной истомы, в которой Юля с удовольствием бы осталась навечно, её выдернул телефон. «Да, вечность – спорная вещь. Неизвестно ещё – хорошая ли это штука».

Она посмотрела на часы. Нужно было вставать, но сладкая лень не давала этого сделать. Зазвонил телефон. Юля протянула руку и сняла трубку со стоящего на столе телефона. Вместе с телефоном запищал и Тимка.

– Алло, – ответила Юля и, встав всё-таки с уютной постели, взяла братишку на руки. – Кто это у нас тут мяукает? – нежно спросила она, поцеловав его в носик.

– Это ты мне? – раздался голос Светы в трубке.

– Привет, Светик. Это я твоему любимому Тимке.

– Передавай ему привет и скажи, что я его ужасно люблю.

Тем временем Юля почувствовала влагу у себя на животе и поняла, что Тимка её описал.

– Он тебя тоже любит, – недовольно ответила Юля. – От любви даже описался.

– Душ приняла? – засмеялась Света. – Поздравляю! Ой, подожди, у меня, бананы кипят!

Юля уже давно ничему не удивлялась. Ну подумаешь, бананы кипят! Обычное дело! Держа трубку плечом, она сменила у Тимки ползунки, положила его обратно в кроватку и закурила. Затем она успела открыть форточку, застелить постель и докурить сигарету. Света всё не возвращалась. Поэтому Юлю невольно заинтересовало, почему кипят бананы, и чем Света вообще занята. Она села на подоконник.

– Извини, что так долго, – наконец услышала она запыхавшийся голос Светы.

– Твоя реплика «бананы кипят» и учащённое дыхание наталкивают меня на определённые пошлые мысли. Что ты там делаешь?

– Бананы варю, – ответила Света, словно это было в порядке вещей.

– Ну и как?

– Как насчёт того, чтобы законсервировать пельмени?

– Да ну тебя! Из моих экспериментов иногда получаются шедевры кулинарного искусства.

– Я помню. Крабовые палочки со сливками – это было незабываемо.

– Дурацкая у тебя привычка – язвить натошак. Это вредно.

– Вредно курить натошак. Я люблю то, что вредно. – Юлия выбросила окурочек в форточку. – Ну что, мы идём покорять «Сэконд»?

– Идём. Через полчаса на моей остановке.

– Полчаса без тебя, полчаса, полчаса не твоя половина... – промурлыкала Юлия. – Окей. Пока.

Через два часа они уже шли по набережной, распивая прохладительные напитки. Начался здоровый образ жизни, пока он их устраивал. О «потом» думать не хотелось, они знали – будет тяжело. Они привыкли жить так, как они жили. Но почему бы не попробовать что-нибудь ещё? Сколько можно притуплять свои чувства этим дурацким алкоголем и видеть красоту природы и жизни сквозь пелену пьяного дурмана, который так обманчив, ненадёжен и недолговечен? Конечно, всем хотелось забыть своё жуткое тяжёлое прошлое, но продолжить и дальше прятаться от того, что было, и бегать от своей памяти, играя с ней в кошки-мышки, стало уже невыносимым и смешным. Все от этого устали. Что толку? Да,

всё это приятно, но вместе с тем – слабость, глупость и изменчивость, как мир через стекло бутылки. На время всё забывается, а на утро похмелья снова накатывает, вспоминается всё, что совсем не хотелось бы вспоминать, перед глазами появляются лица, ненавистные картинки из прошлого, от которых дрожь по телу. И снова хочешь выпить, снова хочешь забыть, снова ненавидишь похмельное утро.

Сколько можно гоняться и прятаться? Так нельзя. То, что хочется забыть, – было, это часть жизни, это часть их, от этого отделиться нельзя. Можно лишь попытаться смириться. Нет смысла говорить «я не могу». Это глупость. Нужно лишь попытаться, попробовать и сможешь. И они наконец поняли, что настал момент попытаться, потому что слова «я не могу» уже просто бесили своей абсурдностью и никчёмностью.

Не успев позавтракать, девчонки решили сначала что-нибудь перекусить и прогуляться, как, впрочем, обычно, а затем уж идти атаковать магазины.

– Как твои варёные бананы? – осведомилась Юля.
– Объеденье, наверное?

– Коряво, – сморщила нос Света. Этим словом она определяла всё, что её не устраивало, причём не устраивало очень сильно.

– Неужто? – как можно удивлённее спросила Юля.
– Ты же великий создатель кулинарных шедевров! Ну, ничего, у великих тоже бывают промахи и неудачные дни.

– Закрой рот, я боюсь сквозняков! – прорычала Света.

Подружки шли по берегу реки, болтали, хохотали над чем-то, иногда ни с того ни с сего срывались с места и бежали или начинали драться. Своим искренним, непосредственным поведением они обращали на себя внима-

А птицы потеряны в небе пустом,
 как ключи
От прошлых, счастливых
 растраченных попусту вёсен.
И, чарам поддавшись,
 заснёт на столетья земля.
Покажется: жизнь –
 только накипь на ней,
 только плесень,
Но как мне
 со смертью холодной
 смириться, ведь я,
Как непреднамеренный
 вымысел чей-то чудесен.

После весёлого хохота и дурачества Юля вдруг начала читать эти стихи. Их автор, – тамбовский поэт, который умер очень рано. Юле очень нравились его стихи. Музыка, которую сочиняла она, в чём-то была похожа на них.

Девчонки присели на лавочку и, закудив, стали молча читать природу или просто слушать, наслаждаться.

– Я хочу ребёнка, – вдруг заявила Юля.

– Я знаю. Ты мне это говоришь уже четыре года каждый день. Я запомнила.

– Я хочу его быстрее.

– Я могу тебе это устроить прямо сейчас, – вздохнула Света. – Как тебе вон тот молодой человек?

Юля не обратила внимания на подколы подружки.

Это моя самая заветная мечта.

– Ну а в чём же дело? Паша не хочет?

Юля готова была поклясться – в голосе Светы слышалась ирония. Она растерянно сказала:

– Я не собираюсь замуж за Пашу.

– А за кого? – та же ирония.

– Пока не знаю. Пока я вообще не хочу замуж, – осторожно ответила Юля, внимательно наблюдая за Светой. Та улыбалась как ни в чём ни бывало.

– Хватит бороздить меня своим пронзительным взглядом! – хлопнув Юлю по коленке, сказала Света. – Что пытаешься высмотреть?

– Да ничего, – пожала плечами Юля. – Это всё равно бесполезно.

– Вот и правильно. Пойдём, а то никуда не успеем, – сказала Света и, встав, решительно зашагала прочь. Юля поплелась следом с неприятным холодком в душе после их странного разговора.

Проходя мимо ГУМа, они решили заглянуть туда ненадолго, чтобы прогуляться по нему, потешить скучных, напыщенных продавцов и поразглядывать всякие интересные штучки. Нереальные цены говорили лишь о людской глупости, поверхностности и лишний раз напоминали о несовершенстве мира.

Юля со Светой шли, держа во рту «Чупс», разглядывали понравившиеся им интересные вещички и, не смущаясь, громко смеялись. В отделе одежды стояли две довольно симпатичные девушки. Одна – очень высокая и стройная, в полосатом свитере, бежевом комбинезоне с карманами, в синей куртке, на голове короткие чуть тёмные волосы с рыжими прядями и большие очки с оранжевыми стёклами. Другая – светловолосая, чуть пониже, в коричневой юбке до икр, большом пёстром свитере с горлышком, с чёрным рюкзаком и в чёрных высоких грубых ботинках. При чём она стояла с измученным видом, облокотившись на стойку с одеждой, пила пиво и явно страдала от похмелья. Девчонки относились

к тому типу людей, который Юлю и Свету, мягко говоря, несколько раздражал. – От них за версту «несёт» меркантильностью, мелочностью, самовлюблённостью и пустотой – симпатичные лишь снаружи. А на лицах въевшийся, неменяющийся высокомерный взгляд презрения ко всем без исключения, доводивший до сведения: «Ты никто, а я, соответственно – всё, и все блага жизни предназначаются только мне, потому что у меня есть деньги».

Юля со Светой хотели пройти мимо, но Света заметила их выдающийся взгляд, сверлящий своей тупой иглой, а Юля мельком глянула на светловолосую девушку, тёмный взгляд которой снова её ударил. Свету чуть не вывернуло наизнанку, она вынула изо рта «Чупс» и со злостью плюнула, а Юля растерялась и задумалась. Это неспроста, она встречает эту девушку во второй раз и действует она на неё как-то необъяснимо. В общем, девчонки решили зайти в отдел.

Цены на ценниках заканчивались преимущественно буквами у. е. Юля со Светой решили поразвлечься, потому что делать тут им, в принципе, было больше нечего. Изобразив на своих лицах очень живой интерес ко всему тут навешанному, они стали рассматривать одежду. Две другие девчонки изобразили на своих лицах брезгливое недовольство, как будто в отдел вползли два таракана.

– Сто пудов, – прошептала Света Юле в ухо, – они сейчас говорят: «Они, чё дуры, с “Чупсом” ходят?»

Юля сняла с вешалки шот, который только что рассматривали брезгливые подружки.

– Ё-моё! Такой стрёмный! – поморщившись громко сказала она.

– Галимый, – кивнув, подтвердила Света.

– И это стоит девяноста долларов! Идиотизм! – возмутилась Юля.

Подобным образом они раскритиковали абсолютно все вещи, которые перед этим заинтересованно разглядывали жертвы их хорошего настроения. Вконец раздражённые «стрёмной» одеждой, которую к тому же им предлагали купить исключительно за доллары, Юля со Светой возмущённо глядя друг на друга, одновременно решительно сказали:

– Пошли в «Сэконд»!

И сопровождаемые растерянными взглядами двух девушек и продавщицы, они, до глубины души оскорблённые полным отсутствием вкуса у людей, гордо вышли из этого отдела. А позже в «Сэконде» они накупили себе кучу классных вещей, не нанеся никакого урона бюджетам. Света, купив себе, к тому же смешного кенгурёнка с разорванным ухом (похож на Тома Йорка), вообще была просто счастлива.

После удачных покупок они снова пошли на свою горячо любимую набережную. Они сидели на скамейке, отравляли себя и окружающую среду табачным дымом и созерцали противоположный берег.

– Вот что они выпендриваются? Они же хорошие люди! – с болью в голосе сказала Юля.

– Ты про тех двух? Откуда ты знаешь, что они хорошие? На мой взгляд, они жуткие стервы.

– Они безусловно полные эгоистки, но это не значит, что они плохие. Мне кажется, что все люди изначально хорошие. Жизнь делает их такими, какие они есть годам к двадцати. Каждая проблема, каждый случай накладывает на человека свой отпечаток. А когда каждая проблема мелкая, окружение дебильное в смысле ценностей, поневоле начинаешь немасштабно мыслить. Кто-то может устоять, а кто-то поддаётся злу, но стремление к свету есть в каждом человеке. Ребёнок рождается чистым.

Так неужели же нереально остаться чистым? Ну или больше чистым, чем... Поэтому так важно сохранить в душе детское восприятие жизни.

– А как же судьба?

– Это само собой. Она для каждого человека приготовила свой сценарий, а люди, не подозревая ни о чём, играют по нему. И чтобы сделать человека таким, каким она хочет его видеть, она делает так, чтобы с ним что-нибудь произошло и оставило на нём свой отпечаток. Понимаешь? Всё уже давным-давно кем-то задумано. Всё. Каждая секунда, каждое наше слово, каждый наш жест, каждый удар сердца.

– А как насчёт того, что всё зависит от твоего выбора?

– Это верно. У человека есть множество дорог, из которых он может выбрать любую, но на каждой из этих дорог также есть свой сценарий, какой бы путь ты не выбрал, на каждом опять же всё задумано. Поэтому напрягаться особо не стоит, – улыбнувшись, пошутила Юля. – Остаётся просто жить и наслаждаться жизнью.

– И становится так противно от нашей беспомощности. Мы как марионетки, как актёры, которые играют по сценарию, написанному неизвестно кем. Хочешь, не хочешь – играй!

– С этим ничего не поделаешь. Надо смириться.

– Да я знаю. От этого и противно.

– Ты так сильно-то не расстраивайся. Может, всё это обыкновенная чепуха, созданная моим воспалённым воображением.

– Всё дело в том, что я тоже в это верю... – обречённо склонила голову Света.

– Так ты считаешь, что вот с этим взглядом человек может быть хорошим?

– Да это просто маска! Не стоит доверять таким взглядам. За ними очень часто скрывается неуверенность и страх. Маска защиты. Вот и всё. Безусловно, именно у этих девчонок не только маска, а большая часть их сущности. Только мне кажется, плохие качества у них приобретённые, живёт в них что-то интересное, нераскрытое. И это нераскрытое «нечто» просто нужно увидеть и откопать из-под вороха дурацких качеств, которыми наградила их жизнь и общество, от которого они на самом деле очень зависят, хотя и пытаются всем своим видом доказать обратное.

– А как же насчёт того, что всё закладывается с рождения?

– В том-то и дело, что закладывается с рождения. Но уже с самого рождения сама жизнь начинает воспитывать ребёнка, а также условия, люди окружающие и так далее. Всё это с лёгкостью может слепить из одних задатков совершенно другие или направить их в другую сторону, совсем не туда. Для каждого человека нормальными условиями развития являются совершенно разные условия. В соответствии с задатками требуются определённые условия, которые повлияют на человека хорошо. Хорошие условия жизни, воспитания на двух людей могут повлиять абсолютно по-разному. На одного – хорошо, другому принесут вред. Всё зависит от того, чем наградили человека родители. И как бы это шокирующее и абсурдно ни звучало, но наше ужасное прошлое стало для нас нормой, оно как раз оказало на нас нужное влияние.

– Хочешь сказать, что, если бы мы жили, как все нормальные дети, мы стали бы совсем другими?

– Естественно, мы бы и стали, как все нормальные люди. Согласись, очень многое ты поняла только после

того как в твоей жизни происходили некие не очень приятные ситуации.

– Безусловно.

– А вот эти девчонки. Могут тебе сказать, какое детство у них было. Они жили с бабушками и дедушками, перед ними плясали, эти дети не знали никаких трудностей. Безоблачное и счастливое детство – это, конечно, классно, но только для воспоминаний. Из-за этого человек становится избалованным эгоистом, тепличным, абсолютно несамостоятельным, не каждый, естественно.

– Ты хочешь сказать, это плохо, когда ребёнок живёт со всеми своими родными?

– Нет, это очень хорошо. Но при известном воспитании это оставляет дурацкий отпечаток.

– В таком случае, у них просто гены такие.

– Я не отрицаю. Но всё же я считаю, что решающим оказывается влияние окружения. Я, конечно, никак не могу тебе этого доказать, потому что не могу тебе продемонстрировать, какими бы они стали, если воспитывались бы по-другому.

– А ты думаешь, таких людей, как эти девчонки, можно исправить?

– Запомни: человека исправить нельзя. Можно с ним поговорить. Если он прислушается и подумает над моими словами, то, возможно, что-то поймёт. Возможно, захочет измениться сам и в таком случае у него может получиться. Точнее, он не изменится, а переменит своё мировоззрение. В любом случае, он должен сам прочувствовать. У меня такое ощущение, что эти девчонки из множества своих дорог выбрали не ту или их кто-то повёл по ней против их желаний. И сами свернуть они не в силах.

– Ой, – покачала головой Света. – Ты меня грузанула.

– Извини, – встрепенулась Юля. – Что-то меня прорвало. Мне просто очень хочется с ними поговорить.

– И попробовать изменить их мировоззрение?

– Просто показать множество разных дорог, – улыбнулась Юля. – Причём наш спор с Антоном остаётся в силе.

Они сидели спиной к солнцу, которое готовилось устроить потрясающую сцену заката. Небо, насыщенное голубым цветом, ослепляло. Несмотря на всю возвышенность, царившую вокруг, Света, доев сухарики, вывернула пакет и стала его облизывать. Её оправдывала искренность.

– Обожаю приправу, – промычала она и вдруг заявила: – Я хочу расстаться с Женей.

Юля обалдела и поперхнулась соком.

– Ну... в смысле, как парень с девушкой, – продолжила Света. – Вернее, как девушка с парнем. На самом деле, мы, конечно, не расстанемся. Ну, ты понимаешь.

Юля прокашлялась, отдышалась.

– Ты что? То есть... я хотела сказать... с чего ты это? То есть... почему? – сообразительность у Юли от волнения понизилась.

– Мы не любим друг друга. Точнее, опять же, как парень с девушкой. Просто числимся влюблёнными. Зачем всё это? Глупость. Детский сад. Мы и встречаться-то стали только потому, что оба оказались в нужное время в нужном месте. И ему, и мне нужен был близкий человек. У нас можно сказать и с Пашкой такие же отношения. Мы просто друзья, не больше. Разве что целуемся изредка. Хотя поцелуи у нас в компании – вещь какая-то общая, все уже друг с другом целовались.

– Ты знаешь, а ведь у нас с Пашкой всё то же самое.

– Давай поменяемся, – вроде бы пошутила Света и

хоть она засмеялась, глаза остались серьёзными. – Может, удачнее получится?

– Света, на самом деле всё это очень грустно.

– Да уж, весело мало. И всё-таки я решила. Только я боюсь.

– Чего?

– Не сочтёт ли он это за предательство.

– Неужели он не чувствует, что происходит? Это смешно.

– Да, смешно, – согласилась Света. – Я тоже многое чувствую.

Юля сначала не поняла этой фразы, но, когда поняла, просто оторопела. Она изо всех сил старалась не показать своего шокового состояния. Вот это да! Света всё прекрасно чувствует, всё знает, она догадалась! Этим своим заявлением о Жене она решила приободрить Юлю, подтолкнуть к тому, чтобы она всё рассказала чтобы не чувствовала себя виноватой. Не успела Юля опомниться, как Света сделала новое заявление.

– Я хочу повисеть на мосту!

– Чего? – не поняла Юля и только сейчас заметила, что Света пристально смотрит на мост, по-видимому, давно.

– На мосту я хочу повисеть, – повторила она таким тоном, что Юля почувствовала себя ужасно непонятливой. – Пошли!

Света решительно встала и одела рюкзак.

– Свет, извини меня за мою тупость...

– Да ничего, – отмахнулась та.

– Я не понимаю, – прямо сказала Юля, еле поспевая за быстро вышагивающей Светой.

– Видишь, там труба внизу у моста? Я хочу повисеть на ней. Короче, сейчас поймёшь.

Они пришли на мост, Света всё осмотрела с деловым видом. Затем она остановила какого-то парня и договорилась с ним о том, что тот её вытащит после того, как она повисит. Юля решила не вмешиваться, стояла в стороне и наблюдала за происходящим. Света выглядела необыкновенно воодушевлённой и деятельной. Хотя деятельность её заключалась пока в нервном метании туда-сюда вдоль перил и заглядывании вниз. Она ловко перелезла через бордюр, долезла до трубы, схватилась за неё и повисла.

Юля с незнакомым парнем с опаской заглянула за перила: Света висела, иногда махая ногами, иногда поглядывая вниз, – и в общем, выглядела безумно счастливой.

– Просто супер! – восхитилась она. – Мне даже идея рассказа пришла в голову.

Парень сглотнул и с ужасом посмотрел на Юлю.

– Всё нормально, – приободрила она его улыбкой.

– Эй, как тебя зовут? – раздался голос Светы после десяти минут её подвешенного состояния. Парень прокашлялся и проямлил:

– Витя.

– Витёк, я думаю, что пора меня вытаскивать.

– А то, если ей понравилось, она провисит тут до вечера, – тихо добавила Юля, – или пока не свалится.

Света руками схватилась за перекладины бордюра и стала подтягиваться вверх. С помощью Вити она стала влезать на мост, бормоча при этом:

– Хотя, если бы я свалилась в воду, рассказ получился бы насыщеннее из-за пережитых ощущений, – Света встала на твёрдую поверхность. – Витёк, было круто! Я тебе очень благодарна. Спасибо. – Она «страстно» потрясла его руку, а парень решил поскорее смыться отсюда. Он пошёл прочь, но ещё очень долго оглядывался с за-

стывшим пришибленным выражением лица. С помощью таких поступков Света избавлялась от отрицательных эмоций.

– Ты знаешь, это висение многое изменило во мне, – философски сказала Света.

– Ой, – вздохнула Юля, – пошли, по дороге расскажешь про свои изменения, иррационалистка несчастная.

Света в реактивном темпе металась по квартире, вытирая пыль с мебели, мыла полы. Через десять минут должны были придти друзья, а она ещё не успела всё убрать. В данный момент одной рукой Света вытирала пыль с тумбочки, другой расставляла постоянно падающие книги на полке и в это же время умудрялась уговаривать ещё не ушедшую маму поскорее покинуть данное помещение. И только мама хлопнула за собой дверь, раздался звонок.

– Вот чёрт, – с досадой поморщилась Света и пошла открывать. Первым прибыл Сильф. – Что ты так рано? – вместо «привет» спросила она.

– Светик, ты сегодня гостеприимна как никогда, – улыбнулся Сильф.

– Я ещё не всё убрала.

– Свет, уймись, – коротко ответил Сильф. Но Света не унималась.

– Я так не могу...

– А как ты можешь? – сексуально улыбнувшись, томно спросил тот. – Давай по-другому.

– Да ну тебя, – обиделась Света, швырнула тряпку и плюхнулась на диван. – Когда ко мне приходят гости, моя квартира должна блестеть.

– Знаешь, как это называется? Педантизм. Такое

всё дурацкое, смешное слово, смысл его тоже дурацкий, правда.

– Это не педантизм, а воспитанность и аккуратность.

– Это то же самое. Ты только представь, что тебе сейчас сказал бы Антон.

Света представила и поняла – ничего хорошего. Стиль Антона – вечный творческий беспорядок. Во всём – в собственной комнате, в стиле одежды, в манерах, в речи, даже в причёске. Всё у него было кувырком, но как-то красиво. Этот беспорядок являлся именно стилем, поэтому выглядел естественным, милым. Развязанные шнурки, взъерошенные волосы, небрежные манеры, рваные джинсы придавали Антону оригинальное очарование. Марина называла его Лолитой мужского пола.

– И что ты сидишь уже три часа и ноешь? Мы с тобой уже давно бы всё убрали, раз для тебя это так важно, – сказал Сильф, взял тряпку и стал протирать пол. Света молча присоединилась и занялась разбором одежды, валявшейся кучей в кресле.

– Сегодняшний вечер станет знаменательным, – хмуро молвила она.

– Из-за отсутствия алкоголя?

– Поэтому тоже.

– А ещё почему?

– Не знаю. Предчувствие какое-то.

– Как у вас с Женей?

Света обернулась и пристально на него посмотрела. Неожиданно и так в тему? С чего бы? Было ощущение, что оба всё понимают о Юле с Женей, вернее, так оно и было, но каждый думал, что это только личные догадки, возможно ошибочные.

– Вот сегодня попозже и узнаешь, – ответила Света.

– В смысле? – не понял Сильф.

– Ладно, забудь, – поморщилась Света. В дверь позвонили, и она очень порадовалась, что не придётся ничего разьяснять.

Следующими прибывшими оказались Паша, Антон и Марина с новостью о том, что она получила работу и сняла квартиру. Антон врубил музыку, а Паша спросил:

– А что у нас сегодня в меню? Я так хочу кушать!

– Чебуреки, – ответила Света, умолчав про варёные бананы, – и пирожки с разными начинками.

– И всё? Ну ладно, надеюсь их много, – скептически заметил Паша.

Юля уже собиралась выходить из квартиры, как раздался телефонный звонок. Она чертыхнулась, разулась и схватила трубку.

– Слушаю.

– Привет, – сказал Женя.

– Привет, – тут же смягчилась Юля.

– Ты выходишь?

– Да.

– Пойдём вместе, – жалобно попросил Женя, наперёд зная, что Юля не согласится.

– Не стоит, увидимся там, – машинально ответила Юля, и ей самой стало противно – она так говорила, потому что так надо. Женя не стал настаивать.

Юля пошла пешком, не спеша и задумчиво, разглядывая и загребая коричневыми кедами жёлтые листья под ногами. Единственное, чего ей сейчас хотелось – чтобы Женя был рядом в этот самый момент, хотелось услышать, что он окликает её по имени, они берутся за руки и забываются.

С каждым днём утаивать свои чувства, быть вдали друг от друга, делать вид, что ничего не происходит, становилось всё тяжелее, больше и больше.

Женя вышел из-за поворота и увидел впереди идущую Юлю. Ему даже заплакать захотелось, настолько он обрадовался. И только он её увидел, она даже вздрогнула от того, что почувствовала его взгляд. Она остановилась, обернулась и не поверила жизни, которая всё-таки очень щедра. Когда любишь, всё вокруг кажется волшебным, неожиданно начинают происходить всевозможные чудеса. Вот теперь всё было нормально. Неправильными были слова: «Не стоит. Увидимся там». А сейчас как раз всё было так, как нужно, потому что являлось неправильным с точки зрения «нормальных» людей, живущих по правилам.

Юля сорвалась с места и, смеясь, кинулась Жене на шею.

Света открыла дверь и ничуть не удивилась, увидев друзей вместе.

– Ну где вы шатаетесь? Мы смотрим на чебуреки и глотаем слюни.

Наконец все были в сборе. Друзья сели вокруг стола, на котором стояло четыре больших блюда с чебуреками, пирожками и чай.

– Ё-моё, неужели это мы? – поразился Сильф. – В кой-то веки чай с пирожками. Даже как-то комично смотрится. Пустые бутылки, разбросанные по квартире, и полный бедлам нам больше подходят.

– А также шприцы, «трава», пьяные физиономии и задушевные разговоры о музыке, разбавляемые пошлыми шуточками, полная вакханалия, – присовокупила Света. – Это, конечно, наша жизнь и наши мысли о музыке без-

гранично искренни и чисты, но, по-моему, просто хватит. По-трезвому может быть намного лучше.

– Опынение вполне может быть натуральным, мы все это знаем, – сказал Паша. – Стоит попытаться.

Юля сделала глоток чая, встала и подошла к пианино, спросив при этом:

– Не возражаете?

– Смеёшься? – фыркнула света, чем выразила мнение всех.

И через мгновение комнату заполнила музыка. Она заполнила собою всё. Она не может быть лишней. Она совершенство. Она меняет всё. Это паутинка звуков, в которой запутавшись один раз, уже никогда из неё не выберешься. Невозможно, да ты и не хочешь, потому что тебе в ней просто уютно и спокойно.

В музыке есть всё: жизнь, смерть, счастье, отчаяние, безысходность, трагедия, свет, любовь, да все чувства. В ней есть природа, люди, слёзы, смех, ирония. Музыка – это жизнь, это отдельный мир, отделённый ото всего. Это великая сила, потому что мир музыки намного совершенней земного мира. Музыка влияет на нас, она руководит нами всего лишь одним – звуками. От них можно засмеяться, заплакать, от них может вкорме поменяться настроение. Чем не всемогущая богиня? Мы в её власти, мы её рабы, мы её подчиняемся. Но это подчинение нравится, оно исцеляет, спасает. Надо только это почувствовать. Музыка дышит и заставляет дышать нас.

Юля долго «сидела» на последнем аккорде, пока все звуки не растаяли и не осели в душах людей, здесь сидящих. Юля сняла руки с клавиш и опустила голову вниз. Потом, видимо, поняла, что грустит не к месту и, не желая возбуждать подозрительность друзей, оживилась и обратилась к Антону:

- Как поживает твой Второй концерт?
- Наизусть выучил.
- Не хочешь сыграть?
- Без базара, – ответил Антон и сел на место Юли.

Он начал играть. Юля, всё сразу поняв, улыбнулась. «Беспорядок» Антона сказывался и на его занятиях музыкой. Он занимался совсем наоборот. Новое произведение он начинал учить сразу со всем, что в нём есть: в темпе, с характером, с оттенками. Но дело в том, что у него это получалось неважно, хотя этот способ занятий тоже полезен. В результате получалась неразбериха: суэта, ничего не понятно. Антон умудрился из одного произведения слепить совершенно другое, не имевшее ничего общего с оригиналом. В конечном счёте всё более или менее выравнивалось, но некоторая неразбериха всё-таки оставалась.

Юля дослушала его до конца, потом подошла к нему, сказала свою любимую фразу:

– Так, давай разберёмся, – и понеслось – «а вот сыграй так, а вот тут так, здесь звук убрать, здесь – прибавить» и всё в подобном духе.

– Друзья поняли – Юля с Антоном улетели в мир музыки и вернутся нескоро. Юля обожала делиться знаниями и делала это при любом удобном случае. Она прозанималась с Антоном больше двух часов. Антон играл, она стояла рядом, активно жестикулировала, напевала, подсказывала по ходу, подыгрывала. Короче, работа кипела. Друзья терпеливо их ждали. За это время они успели поговорить на множество тем, смести всё, что было на тарелках и выпить весь чай, который заваривали три раза. В данный момент они поняли, что им ужасно не хватает Юли и Антона, ёрзали на своих местах и с нетерпением поглядывали на двух друзей, утонувших в музыке. Они-то

знали, какой силой обладает музыка, вполне понимали, но всё же...

– Слушайте, коллеги, – решила Марина, – не пора ли возвратиться в земной, реальный, грешный мир? Понимаю, что вам не особо хочется...

Юля с Антоном, словно очнувшись от гипноза, вздрогнули и обернулись. У них были такие лица, будто они не понимали, где они, что происходит и кто вообще все эти люди. Потом, видно, вспомнили и вернулись всё-таки с неба.

– Сейчас, – утешила друзей Юля и обратилась к Антону: – Скажу тебе сейчас фразу, которую ты слышал не один раз, но ты всё время о ней забываешь. Произведение нужно сыграть так, чтобы и ты, и слушатели чувствовали, что его сочинил именно ты. Всё, урок закончен, – она легонько хлопнула его по спине и направилась к столу.

– Кстати, а ты уже сочинила произведение, которое понравилось бы мне больше Второго концерта? – спросил Антон, усаживаясь за опустошённый стол.

– А разве я уже проспорила? По-моему, ты не устраивал никаких сроков.

– Ну... времени уже достаточно прошло, а ничего не происходит.

– Такие глобальные дела так быстро не делаются, – ответила Юля, наблюдая за тем, как Паша наливает ей оставшийся чай, заботливо размешивает сахар. – Притом ты хоть представляешь, какое это должно быть произведение? Произведение лучше Второго концерта Рахманинова. Ты вдумайся. Не лучше Рахманинова – это нереально. ... мне нравится больше. Не знаю уже, возможно ли это. До Рахманинова мне, как до космоса – лететь и лететь. К тому же человек должен пережить в своей душе такую

трагедию! Это уже не земная, а какая-то вселенская трагедия. Хотя нам и земной достаточно для наших болезненно-восприимчивых душ. Я вообще связно выражаюсь? Бред какой-то несу.

Друзья улыбнулись, мол, сколько можно? Все друг друга настолько понимают, что и говорить часто совсем не стоит. Юля наткнулась на взгляд Паши, замерла на миг и в замешательстве отвела глаза. Он смотрел на неё с такой теплотой и любовью, что ей стало очень-очень стыдно. Паша коснулся её руки, спросил взглядом, что произошло. Юля также взглядом ответила, что всё нормально.

– А у тебя уже есть на примете какие-нибудь люди, с которыми можно поговорить? – спросил Антон.

– В принципе, можно сейчас выйти на улицу, остановить первого встречного и он подойдёт для нашего разговора. Таких людей ведь куча. Один шанс из двадцати, что попадётся человек, близкий нам, если не из пятидесяти или ста. А вообще, мы со Светой недавно встретили двух девчонок в ГУМе. Очень подходящие люди. Жутко хочется с ними пообщаться.

– Что за девчонки? – поинтересовался Сильф.

Юля выразительно улыбнулась, мол «понимаю, девчонки для тебя – это тема волнующая».

– Да так, обычные высокомерные напыщенно-стильные, продвинутые девушки, – Ирония выдала множество эпитетов. – Скорее всего, из ТИХМа. Я уверена, что в самой-самой глубине души они совсем не такие. Просто замороженные крутыми тусовками, сплетнями, дорогими тряпками, дебильно-выпендрёжным окружением и затисканные родителями.

– Понятно. Это такой тип. И ты думаешь, на самом деле они всё-таки белые и пушистые?

– Доля правды в этом есть. Конечно, есть люди

именно такие: высокомерные, материальные, помпезные. Они и ведут себя так, они с этим и родились. Но эти девочки... Что-то в них есть, они несчастны. И как бы они не старались показать обратное, видно всё равно – они не совсем такие, они родились с другим. Таким людям нужна помощь. Хотя они об этом и не подозревают, и не хотят в это верить. Я думаю, нам стоит с ними пообщаться.

– И как ты собираешься с ними встретиться? – спросила Марина. – Думаешь, судьба вас сведёт?

– В этом мире возможно всё, я уверена, – улыбнулась Юля.

«Трезвая» вечеринка порадовала новыми ощущениями. Не было пьяно-сумасшедших поступков, бессвязной речи, никто не целовал того, кого не надо. Были разумные, спокойные беседы и рассуждения, трезво-сумасшедшие действия, одним словом, в меру цивилизные посиделки лучших, близких друзей.

Зато в один прекрасный момент всем стало грустно и тоскливо. Вернее, кому-то стало грустно и, как это обычно бывает, грусть передалась всем остальным или она всё-таки возникла у всех одновременно, что неудивительно. Они были связаны невидимыми нитями, по которым распространялись чувства.

А когда человеку печально, очень часто он начинает вспоминать прошлое. Или светлое, или мрачное с грузным налётом страданий, мук и нежелания жить. Это у кого какое. Эти люди могли вспомнить по большей части лишь последнее, которое обычно всплывало в памяти независимо от желания забыть. Плохие воспоминания очень навязчивы. Они ядовиты, потому что каждый раз они заставляют проживать что-то плохое снова и снова и с каждым разом оно всё больше заволакивает душу липкой, отравляющей паутиной боли, страха, что это может

повториться. Есть одно средство, которое помогает справиться с этим, правда, особенно легче не становится, но всё же необходимо понимать, что все эти плохие мысли могут привести к пониманию чего-то важного, необходимого, истинного, чего не поймёшь иногда в состоянии эйфории счастья.

Друзья, наверно, первый раз вспомнили своё прошлое по-трезвому. Всякий раз, когда появлялся хоть малейший намёк на то, что память снова решила с ними поиграть в свою большую игру, всего лишь нужно было сбегать в ларёк или к знакомым за «травой» и пьяный дурман всё исправлял. Он казался им волшебным нектаром спасения, надёжной норкой для укрытия от воспоминаний, от их громкого, тяжёлого стука колёс в голове.

Но сейчас существовал договор. И полёт в прошлое в трезвом ощущении реальности оказался тяжёлым испытанием. Когда разговор уткнулся в стену прошлого и они снова больно стукнулись о неё головой, они решили забыть на некоторое время реальность. Они просто начали играть по очереди на пианино, что продолжалось часов пять. Стало намного легче. Музыка – лекарство от реальности. Это другая реальность.

Часа в четыре утра друзья легли спать. Юле не спалось. Она поспала около часа, ей приснился уже привычный сон, когда она летела вниз со скалы, и она проснулась. Она лежала на плече у Паши, смотрела на его профиль и думала о том, как же он всё-таки ей дорог. Они спасли друг друга, когда каждый из них был на краю, за которым пустота, «ничего». И их любовь друг к другу, дружеская любовь, была велика. И в этот момент в душе Юли снова закопошилось сомнение, сможет ли она его бросить. Точнее

не бросить, конечно, а сказать, что она любит другого, их общего близкого друга. Конечно, Пашу она тоже любит, но по-другому и любовь эта очень велика, но она другая. «Фу, какой идиотизм!» – подумала Юля. – «Бред какой-то!»

Безусловно, он её поймёт. И поймёт, и простит. Юля волновалась по другому поводу. Она всегда была для него его спасением, единственной радостью, отдушиной в жизни. Она всегда была рядом и словно держала его за руку в то время, как он висел над злосчастной пропастью. Если она уйдёт и отпустит его руку... Он всегда говорил: «Юлька, если бы тебя у меня не было, мне незачем было бы жить. Да я бы просто погиб». Как он среагирует на правду? Ведь на самом деле она его не бросит, но, возможно, это будет значить для него именно то, что она от него отрывается и уходит.

Юля вспомнила эти слова и поёжилась, по телу пробежал неприятный холодок. Она теснее прижалась к Паше и прикоснулась губами к его щеке. Нет, она не сможет сказать ему правду, и она может пожертвовать собой.

Уже светало. Она закрыла глаза, но вскоре поняла, что уснуть всё равно не сможет. Юля осторожно встала и перебралась через Пашу. Соседи по широкой родительской кровати Антон и Марина зашевелились, перевернулись синхронно вместе на другой бок и продолжили спать.

Юля пошла на кухню с намерением попить кофе, но, проходя мимо спальни, где спала Света, увидела стоящего на балконе Женю. Она измученно прислонила голову к стене и поняла, что снова запуталась. Она собирается жертвовать собой, но вместе с этим будет жертвовать и Женей, а это несправедливо. «Но в конце концов, я не собираюсь бросать Пашу. Я просто скажу ему правду. Сейчас это самое главное – рассказать правду». И она тихонько прошла на балкон.

– Привет, – нежно сказала она, закрывая за собой балконную дверь.

Женя обернулся и невероятно обрадовался.

– Я только что подумал, хорошо бы постоять тут с тобой и встретить с тобой рассвет.

– Моё сердце всегда тебя слышит, – улыбнулась Юля, встав рядом и облокотившись на перила.

Женя вдруг усмехнулся, вероятно, что-то вспомнив.

– Смешно.

– Что?

– У нас было уже столько удобных случаев. Мы живём рядом и могли бы без труда встречаться хоть каждый день, никто даже ни в чём нас не заподозрил. А на пьянках? Мы были вдрызг пьяные, спали вдвоём на одной кровати... Полно всяких удобных случаев, чтобы утолить своё желание быть рядом, развлекаться в своё удовольствие. Другие бы и не подумали отказываться от таких подарков.

– Мы просто не умеем плевать на близких людей и просто они нам действительно близкие, даже больше, чем родные. Естественно, мы и сейчас могли бы сбежать ото всех, но мы этого не сделаем. Это подло. Да к тому же нам это, в принципе, не так важно. Мы любим друг друга и точно знаем, что наши души всё время вместе. Они сильнее фактов.

Юля подняла глаза к небу и, вздохнув, блаженно улыбнулась. Женя сначала смотрел на неё, чувствуя восторг души от родных черт и близости любимой, затем тоже устремил взгляд на небо. И оба мысленно послали в небо одно и то же слово: «Спасибо». В этот волшебный миг ми принадлежал им.

Из-за горизонта, который был словно в дыму от тумана, показалось солнце, которое сопровождали тон-

кие розовые полосы облаков. Небо было нежно голубым, с которым красиво сочетались жёлтые листья. Всё было нежным, даже страстные краски осени были нежно-страстными. Даже осенний прохладный ветер казался нежным. Холод нежен, когда душа горит от множества чувств, с десятого этажа пространство было похоже на море, оно казалось таким же бесконечным.

– Ты посмотри на это, – восторженно прошептала Юлия, всё также глядя на небо. – Что может быть красивее неба? По-моему, абсолютно ничего. Небо – это совершенство.

– Оно божественно. Это обо всём говорит. Интересно, это всё действительно так прекрасно или нам так кажется, потому что мы любим? – спросил Женя.

– Это действительно просто прекрасно. Ну, а в наших влюблённых глазах это становится ещё чуть прекрасней, отчего природа кажется просто нереальной.

– А музыка совершенна?

– Изначально да. Вообще, я думаю так. Из чего возникла музыка? Откуда? Когда появился мир, если рассуждать с точки зрения религии, что в нём было? Растения, животные, птицы. Первыми звуками музыки стали звуки природы – пение птиц, шёпот ветра, растений. Вся эта музыка совершенна. Затем человек начал подражать этим звукам природы с помощью своего голоса, но это уже подражание, это не изначальная, совершенная музыка, это подражание. Получается так, что музыка, которую творят люди, уже совершенна. И ты вообще представляешь, сколько нужно приложить человеческих усилий или нечеловеческих, чтобы добиться в музыке совершенства?

– Наверное, то же самое и с музыкой, которую играем мы. Совершенна музыка, которую сочиняет ком-

позитор. Она образуется в его душе, ясно ей слышит и понимает только он. А мы постоянно пытаемся приблизиться к совершенству. Но сколько бы мы ни старались, это будет только или ближе или дальше от совершенства, потому что эту музыку сочинили не мы.

– Тогда, получается, музыка, которую сочиняю я, совершенна?

– Она совершенна в твоей душе.

– И она не совершенна относительно звуков природы. Слушай, такой интересный вопрос! Нужно подумать об этом. И придумать очередную нереальную теорию.

– Нереальную теорию относительно реальности?

– улыбнулся Женья.

– Да. И абсолютно реальную относительно нашего воображения и мировоззрения.

Юля, закрыв глаза, вдохнула вкусный, колючий воздух и сказала:

– Я обожаю раннее утро. Я не люблю вставать рано, но, если так получается, я ужасно рада. У раннего утра какая-то необыкновенная энергия. В такие часы природа торжествует. Жестокие к ней люди спят, и природе нечего бояться. Она облегчённо вздыхает и украдкой расцветает. Возможно, поэтому она сейчас так красива.

– Природа благородна. Потому что она так красива не только ранним утром, а всегда. Она терпит жестокое к ней обращение и всё равно бескорыстно дарит всем свою красоту. Это как бескорыстный человек. Он чист, искренен, к нему тянутся. И он совершенно не думает о том, что его обидят, сделают больно, он всё равно искренен, он всё равно жертвует. Если, конечно, его пинают постоянно...

Юля поняла, что Женю снова сковало воспоминаниями, и она поспешила его отвлечь:

– Глянь! – заморожено глядя в небо, прошептала Юля. Женя поднял глаза. В рассветном небе летали два голубя. Они то удалялись, то приближались друг к другу. Они постоянно разлетались в разные стороны, но в результате снова оказывались рядом, словно связанные невидимой нитью.

Юля с Женей нежно улыбнулись друг другу. Женя обнял её одной рукой и прижал к себе. Если бы в этот момент они обернулись, то увидели бы за стеклом Свету, спокойно и грустно глядевшую на них.

Когда Юля с Женей вышли с балкона, Света спала. Женя пошёл на кухню готовить друзьям завтрак, а Юля легла рядом с подружкой к ней лицом. Та вдруг сразу же открыла глаза и Юля поняла, что Света только делала вид, что спит. Юля улыбнулась, притворившись, что не поняла этого:

– Доброе утро, кенгурёнок.

– Ну и сколько вы будете дурью маяться?

– В смысле? – охрипшим голосом спросила Юля, чувствуя, что её начинает потрясывать.

– Ой, Юль, хватит уже! – поморщилась Света. – Ты всё прекрасно понимаешь.

– Да, понимаю, – сразу же согласилась Юля.

– И сколько вы будете молчать о своей любви?

– Ты давно поняла?

– Несколько месяцев назад. Но как всегда не доверяла своей интуиции и всё сомневалась. А сейчас, увидев вас на балконе, наконец убедилась. Вы должны всем всё рассказать.

– Да, мы как раз решили сегодня это сделать. Мы не хотели делать больно вам с Пашкой.

– Да всё понятно. И к вам, конечно, приходила такая мысль, что вы сделаете нам больно ложью и вы долго мучились. Я всё понимаю. Дело просто в том, что в вашей любви никто не виноват, а вот в вашей лжи виноваты вы, – Света устало вздохнула. – Хотя опять же никто не виноват. Короче, зря вы скрывали. От этого не лучше ни вам, ни нам. Что-то я бред какой-то несу. Я вас ни в чём не виню, короче!

Юлю словно били по мозгам этими тяжёлыми словами. Она знала, что всё это правда, она боялась её услышать, она знала, что услышит их. И она знала, что этот её страх – слабость. И это было самое плохое.

– Тебе очень больно? – только и смогла она спросить.

– Нет. Вы нашли друг друга и я за вас очень рада, искренне рада. Пашка скажет тоже самое. Надеюсь, ты не собираешься просить прощения? – видя, что Юля захотела что-то сказать, спросила Света. – При том ведь между вами ничего не было, так? Вы не способны на это. Не понимаю только, на фиг нужно было столько страдать?

– Свет, ты специально вчера сказала, что хочешь бросить Женю?

Света закрыла глаза на несколько секунд, словно сказав: «Да. Признаю, это было глупо и несправедливо». Ты же очень проникательна».

– Да, – ответила она.

Они не знали, что ещё сказать. Всё было предельно ясно. Такой неловкости и в то же время такого глубокого понимания между ними давно не возникало.

– Вот минус нашей философии, – ухмыльнулась Света. – Нормальные люди поссорятся, поорут друг на друга, подерутся даже, почувствуют необыкновенное облегчение и живут себе, радуются, даже не думая с произо-

шедшим. А у нас? Все друг друга понимают, любят жутко несмотря ни на что, ругань нам глупостью кажется. Бред, правда? Даже скучно, – иронизировала Света над стилем их жизни. – Как мы живём?

– Действительно, абсурд, – деловито закивала Юля, подыгрывая подруге. – Абсурд ненормальных музыкантов.

– Точно! Дай пять!

Их ладони столкнулись друг о друга, издав звонкий хлопок. В комнату зашёл Женя и ничего не заподозрил, поскольку девчонки веселились.

– Привет, милая, – промурлыкал Женя и нагнулся к Свете, чтобы её поцеловать. Ложь обозначилась очень резко, Юлю передёрнуло.

– Женя, – она всё знает, – сообщила она. Женя растерянно отпрянул, Света ухмыльнулась и успокоила:

– Всё нормально. Все живы, никого убивать я не собираюсь, а также окатить холодным презрением я тоже никого не собираюсь.

– А... – Женя что-то хотел сказать, но видно формулировать ему сейчас было не под силу. Света ему помогла:

– И уходить из компании я не собираюсь. Я вас всех слишком люблю. Слушайте, за вас грех не выпить, – сказала она и встала с кровати. – К чёрту трезвость!

Она вышла из комнаты, а, проходя мимо зала, увидела Сильфа, который, уже проснувшись, лежал на диване и читал книгу «Энциклопедия молодой женщины».

– Привет, – сев на край дивана, сказала Света.

– Что случилось? – уловив в ней грусть, спросил Сильф.

– Юля с Женей скоро расскажут. Хотя ты, наверное, сам знаешь.

– Знаю, – подтвердил он.

– Потрясающе! – иронично изумилась Света. – Знаешь, кто мы? Ходячие рентгены.

Тут она ни с того ни с сего сначала его ущипнула, потом стала щекотать, Сильф начал отвечать ей «взаимностью». Они с весёлым хохотом и визгом скатились на пол и продолжили дурачиться. Драка прекратилась также внезапно, как и началась. Они уселись на пол, чтобы отдышаться.

– Как ты себя чувствуешь? – тяжело дыша, спросил Сильф.

– Бок болит, – пожаловалась Света, – кто так щипает? Теперь синяк будет.

– Я вообще-то имел в виду душевное состояние.

– А, – протянула Света. – Да ништяк!

– Хорохориться не стоит, – дал совет Сильф, вставая с пола и закуривая.

– Ещё чего! – фыркнула Света. – Перед рентгеном что ни день, он тебя всё равно насквозь просветит. Да нет, действительно всё нормально. Я всё прекрасно понимаю. Они мои друзья, я их люблю. Я за них рада, и эта радость перевешивает всё остальное. Хотя и всего остального очень мало. Да что я всё это говорю? Всё ты знаешь! Единственное, за что я переживаю, так это Пашка. Юлька – его жизнь. И он может сорваться.

– Да, это вполне возможно. Но мы же будем рядом с ним.

– Это верно. Но в каком-то смысле с ним не будет Юльки.

Паша спал, обняв Юлю. Проснувшись, он потянулся с закрытыми глазами, и прижался к ней теснее. Но

открыв глаза, он увидел, что это не Юля, а Антон.

– Ё-моё, – недовольно проворчал Паша и убрал руку с друга.

Тот от пашкиного ворочания тоже проснулся и непонимающе поглядел на Пашу, словно спрашивая: «Ты кто?»

– А где Юля? – зачем-то спросил Паша.

– Какая Юля? – сонно промямлил Антон.

– Спи, – махнул рукой Паша. Антон с закрытыми глазами повертел указательным пальцем в воздухе, видно, не найдя месторасположения своего виска и отвернулся к Марине.

Паша натянул джинсы и, зевая, направился в зал. Света и Сильф с озабоченными лицами о чём-то беседовали, но замолчали с его появлением.

– Доброго вам, – сквозь зевоту пожелал Паша и уютно расположился в кресле с намерением ещё подремать.

– Привет, – улыбнулась Света. – Слушай, будь другом...

– Да я вроде уже друг.

– Паш, позови, пожалуйста, Антона с Маринкой и приходи сам, не потеряйся по дороге.

– Да ты садистка, – сделал вывод Паша. – Ты не видишь, в каком я состоянии? Я в принципе ещё сплю. Что за серьёзность с самого утра?

– Ты в принципе уже проснулся. Так что давай.

– А этим человеком принципиально должен быть я?

– Просто мы так здорово устроились, да и проблематично будет встать.

Сильф лежал на животе, а Света сидела за ним, перекинув через него ноги.

– Да я тоже неплохо устроился, – пожал плечами Паша. – Слушайте, а что у вас тут происходит? Я хоть и с закрытыми глазами, не чувствую, что биополе этой квартиры и в частности этой комнаты приобрело мрачноватый оттенок.

– Ещё один рентген, – пробормотал Сильф, прижавшийся щекой к подушке.

– Почти ничего, – ответила Света. – Хотя всё же кое-что случилось, и мне бы хотелось, чтобы все это узнали и как можно скорее.

– Паша сразу открыл глаза, понимая, что это уже не утренние тормозные шутки, и ещё каким-то образом он почувствовал, что это касается его.

– Ты меня пугаешь. Ладно, пойду звать. Кстати, – уже выглядывая из-за стены, напомнил он, – их ещё разбудить надо. Вы знаете, что это такое? Вы бессердечны!

Они вернулись нескоро, скоро их и не ждали. В течение этого времени Света с Сильфом молчали, только вздыхали попеременно, не зная, как всё это преподнести Паше. Вошедшие Марина с Антоном сонно хлопали глазами, зевали, потягивались и не понимали, где они и зачем их сюда привели, предварительно безжалостно сорвав с них одеяло и окатив еле тёплой водой. А следом за ними пришли Юля с Женей. Паша уже совершенно ничего не понимал, только в ожидании чего-то смотрел то на одних, то на других, то на третьих.

Женя решил не растягивать эту дурацкую, абсурдную сцену и сразу сказал:

– Паш, мы с Юлей любим друг друга.

Паша сначала растерянно улыбнулся, на его лице читалось: «Ну, понятно, мы все друг друга очень любим». А затем где-то далеко в подсознании он понял, что на самом деле означают эти слова. В его глазах появилось

отчаяние и слёзная просьба о том, чтобы ему вот прямо сейчас, в ту секунду сказали, что это шутка. Он стоял, бессильно опустив руки, как будто они были совсем не его и забыв про них совершенно, и неподвижным взглядом смотрел на Юлю. Ей было очень трудно выдержать этот взгляд. Она никогда не чувствовала себя настолько скверно, даже тогда, когда в её жизни происходили вещи намного ужаснее этой. Она никогда не чувствовала *такой* стыд. Паша вскоре понял, что никто, естественно, не собирается говорить ему, что это дурацкий прикол, и опустив глаза, прекрасно осознавая, что означает Юлин взгляд и что сейчас творится в её душе. Юля поёжилась, потому что увидела, на что сменилось отчаяние в Пашиных глазах – на пустоту. На ту пустоту, которая была в его глазах некоторое время назад, когда его жизнь долбила по мозгам мыслью: «Прекрати всё это! Я не стану лучше, а ты всего этого не выдержишь! Иди на крышу!» И сколько сил и любви понадобилось, чтобы наконец-то этот взгляд оживился и из него исчезла чёрная пустота, даже не чёрная, а скорее бесцветная, с цветом воздуха, потому что она пустота.

– Паш, прости, пожалуйста. Понимаю, незачем это говорить ... – голос предательски задрожал. Привычка говорить это бессмысленное словосочетание не искоренилась ещё. От него лишь атмосфера становится чуть легче, чувствуешь, что ты сделал, какую-то важную вещь, и от этого становится спокойнее. Правда, человеку, которому ты это говоришь, особенно легче не становится. Это как порезать лезвием сердце, а потом сказать: «Дай, я зашью». Но Паша, естественно, понял, насколько искренне это говорилось.

– Да, да, да... – забормотал он с таким видом, как будто это он один из всех находившихся с этой комнате

был в чём-то виноват. Он всегда так чувствовал себя, когда у него просили прощения. Он действительно чувствовал себя виноватым в том, что другой человек совершил ошибку или обидел его. – Я всё понимаю... На самом деле это здорово! – Его лицо вдруг озарила искренняя, неподдельная улыбка. – Нет, правда! Всё нормально. Я правда всё понимаю. И я ценю, что вы не хотели причинить нам со Светой боль, поэтому и скрывали...

Паша говорил так, как будто чувствовал обязанность что-то говорить, он очень волновался, делал большие паузы, но вскоре замолчал, устало вздохнул и сел в кресло. У всех сжалось сердце. Все ясно ощутили в себе его жутко невыносимую боль, хотя он изо всех сил пытался её скрыть хотя бы сейчас. Такие люди, как Паша, обычно терзаются от противоречий в душе. Они могут понять любую сторону, любую точку зрения в какой-то трудной ситуации. Паша сейчас мучался, но он считал, что это проявление собственничества. Юля имеет право поступать так, как считает нужным. А мучиться – значит претендовать на звание единственного в её жизни, и это неправильно. Но, с другой стороны, боль не сравнима ни с чем, Юля для него всё и как он вообще будет жить дальше? Он всех понимал, никого не осуждал, но была ещё рваная рана на сердце и куча запутанных, неразрешимых мыслей. На нынешний момент победила одна, вполне ожидаемая: «Я не имею права портить людям радость. Они нашли друг друга, они любят. И я не собираюсь жалеть себя. Так надо». Паша улыбнулся, на этот раз как-то вымученно:

– Ну что вы все убились? Всё хорошо. Со мной всё в порядке, если вы из-за этого.

– Я же тебе говорила, Юлька, – грустно сказала Света.

Юля села на пол, прислонившись к стене, и по её щекам заструились слёзы. Это произвело на всех друзей громадное впечатление, если учесть, что Юля не плакала с семи лет больше ни разу. Паша сел с ней рядом, ни обнимая, даже ни прикасаясь. Они всё равно были намного ближе, чем любое прикосновение. Друзья понимающе их покинули.

– Пашка, как всё это жутко! – всхлипывая, сказала Юля. – Я же вижу, тебе очень больно. Я же поклялась себе, когда тебя встретила, что никогда тебя не брошу, никогда не причиню тебе боль. Я не имею на это права! и вот сейчас я просто оказалась бессильной что-либо сделать. Я просто полюбила Женю...

– Я знаю, Юль. Никто не виноват. Ты поклялась тогда и ты была уверена в себе и в своём чувстве. Но человек не может поручиться за «всегда». Ты действительно просто полюбила. Вот и ответ. Ты не предала меня, ты не предала Свету. Мы с тобой сблизились ... люди. Да и мы все вместе. Никто никого не предал. Это просто время. Оно идёт, что-то забирает с собой, приносит что-то новое. Оно унесло с собой одно чувство, принесло тебе другое. И человек ничего не может с этим поделаться. Это не предательство, это время.

– Да, только твоё чувство оно не унесло.

– Юль, да что ты в самом деле?! Мы же вместе, мы также будем рядом, как раньше. Единственное, немножко в другом качестве, хотя и не особенно в другом. Мы же прежде всего самые близкие люди, мы друзья. Ну, ты знаешь, это слово не выражает то, кем мы являемся друг другу на самом деле. Но так как мы пока всё ещё не придумали этого слова, будем считаться друзьями. Подумаешь, всего лишь не будем целоваться.

Юля улыбнулась и напомнила:

– Не только целоваться.

– Да, вот это проблема, – пошутил Паша. – Ну ничего. В нашей компании возможно всё. – Стоит лишь чуть-чуть выпить.

– Паш, я тебя очень люблю, – тихо сказала Юля.

– И я тебя тоже, очень, – обнимая её, прошептал Паша. – Мы всё равно будем вместе.

– Паш, меня кое-что очень беспокоит, – уткнувшись ему в плечо, сказала Юля.

– Что?

– Ты не вернёшься к наркотикам?

– Да нет, ты что! – ответил он и прижал её сильнее.

– Не беспокойся об этом.

– Пообещай мне, пожалуйста.

Паша чуть отстранил её от себя, держа за плечи, и, глядя в её золотые заплаканные глаза, сказал:

– Обещаю. – И снова прижал её к себе. – Твои глаза сейчас похожи на мокрое золото.

Юля закрыла глаза и из-под опущенных век снова полились слёзы. В комнату осторожно зашёл Женя и присоединился к друзьям, сидящим на полу около стены.

– Как всегда оригинально, – усмехнулся Паша. – Сколько же можно испытывать нашу дружбу? Неужели ещё есть какие-то сомнения, что мы – это МЫ, и наша любовь – это ЛЮБОВЬ?

– Чем сильнее человек, тем больше испытаний, – напомнила Юля.

– Соответственно, чем крепче наша дружба, тем больше проверок, тем проверки тяжелее, – добавил Женя.

Вскоре к ним присоединилась Света.

– Ну что, родные мои? – бодро осведомилась она. – По-моему, всё хорошо. И не стоит морщить свои красивые лица. У меня такое ощущение, что вам вообще сейчас

гораздо хуже, чем нам с Пашкой, – обратилась она к Юле и Жене. – Вы знаете, я поему-то очень ясно представляю ваше состояние. Угрызения совести, чувство вины, стыда, короче, все терзания, которые могут быть. Я права? Вот что! Завязывайте с этим. Мы вас слишком хорошо понимаем. Мы же одно целое, – улыбнулся Паша.

И они все действительно, как и прежде, ощущали себя одним целым. Они всё чувствовали вместе, всё то же самое. Ничего не изменилось. Грубо говоря, какая разница, кто с кем? Все они друзья, это главное. Они взялись за руки и с безумным счастьем почувствовали, что ничего не изменилось, разве что любовь стала ещё капельку больше и крепче.

В зал осторожно просочились Сильф, Марина и Антон.

– Жизнь продолжается? – поинтересовался Сильф.

– Пока – да, – весело ответила Света, взъерошила Жене чёлку, встала и закурила. – Почему мои серьёзные предупреждения не курить в квартире никто не воспринимает? Прокурили каждый угол, – глубоко затянувшись, начала ворчать Света.

– Ты нам плохой пример подаёшь, – сидя на подоконнике и свесив ноги вниз, сказал Антон. – Если б ты сама каждый раз выходила покурить на балкон, мы бы и не посмели. А теперь... Дайте мне тоже сигарету, – видя, что все разом кинулись курить, попросил он. Все схватились за сигареты, словно что-то преодолели и спало это оцепенение, которым последний час было охвачено всё: квартира и все находившиеся здесь люди.

Жизнь действительно продолжилась. Очень скоро друзья уже всю веселились, болтали и дурачились, как будто ничего не произошло. Даже возникло ощущение, что некоторые вещи встали на свои места. Юля с Женой

скрывали свою любовь, а их друзья подсознательно чувствовали – что-то не так. А теперь словно всё выравнилось, кубики сложились в определённую картинку без всяких несовпадений. Другьям очень привычно было видеть Юлю с Женей в новом качестве влюблённых. Как будто так всегда и было, ничего удивительного.

Света, образно говоря, вздохнула с облегчением. Что-то подозревать, не знать наверняка и постоянно сомневаться – это тяжело.

А вот Паша внушал беспокойство. Он старался быть весёлым, но получалось у него неважно. Иногда он переигрывал. Юля внимательно за ним наблюдала и силилась понять, что сейчас представляют собой его мысли, настоящие мысли. Ей казалось, чем он веселее, тем ему больше становится, причём боль всё мучительнее и мучительнее. Она знала, что на самом деле ему сейчас хочется уйти куда-нибудь, запрятаться и побыть одному, а приходится что-то говорить и скрывать настоящие чувства, что, однако, бесполезно. Юля знала, рано или поздно, но он именно так и поступит. Она совсем забыла про свою сигарету и вспомнила только тогда, когда от неё «откололся» пепел и упал на ковёр. Она спокойно посмотрела на упавший пепел и затянулась. И вдруг в её душе зашевелилось склизкое, противное предчувствие. Она утешала себя тем, что верит в Пашу, верит в его силу, верит, что он не позволит себе сломаться. Она ему, конечно, поможет. И всё же... стало очень страшно. Если он сорвётся в этот раз, он уже не выберется, у него не будет для этого повода.

Юля резко очнулась от своих мыслей, потому что Света ткнула её в бок локтем.

– Чего? – поинтересовалась Юля.

– Слушай, может, вы уже свалите в другую комнату – без лишних изысканий слов предложила Света.

– Кто? – растерялась Юля.

– Кто-кто, – передразнила подруга. – Вы с Женскойой.

– Зачем? – искренне не понимала Юля.

– Переживания плохо сказываются на твоей умственной деятельности, девочка моя. По-моему, вам нужно что-то отпраздновать.

– Ты серьёзно? Это некрасиво.

– Что? – выдохнула Света. – Ты знаешь, излишняя деликатность часто раздражает.

– Да? – доверительно уточнила Юля уже с улыбкойой.

– Да! Давайте, марш отсюда! Отпразднуйте по полной программе. Кстати, нам тоже нужно отпраздновать, так что мы к вам, возможно, присоединимся попозже, – пошутила Света.

– Вспомним старое? – хитро улыбнулась Юля.

– Точно! Только, думаю, сегодня мы будем лишними в вашей постели для банкета.

– Фу, как это пошло, – изобразила брезгливость Юля.

– Характерная черта музыкантов, – пожала плечами Света.

Вскоре Юля с Женей незаметно ускользнули в соседнюю комнату.

Вот и всё. Они всё рассказали. Они наедине. Они вместе без всяких «скрываний» и лжи. У них появилось право. Они могут делать всё, что захотят. Теперь им можно всё. Они не успели ещё осознать, просто, не прочувствовав, знали, что это великое счастье, это то, чего они так долго ждали. Реакция начнётся позже, сейчас они напоминали сомнамбулов.

И всё-таки «дышать» было трудновато. Человек

получает то, чего очень желал. Но это достается ему за счёт жертв и страданий других. И хоть он очень рад, получив свою мечту всю без остатка в коробочке с красивым бантом, он испытывает вину. Ему плохо до такой степени, что он готов уже отказаться от своего желаемого подарка, лишь бы другие не страдали.

Всё это сейчас чувствовали Юля с Женей. Они сидели на разных краях кровати спиной друг к другу и маялись, перебарывая все противные ощущения, которые находились в них на сей момент. А как хотелось, чтобы этого не было, чтобы они обнялись со всей силой, испытали прелесть первого поцелуя, насладились вдоволь исполнением своей мечты. А вместо этого – гнусное чувство вины. Но они знали – сами виноваты, а, значит, нужно расплатиться, стойко и терпеливо.

– Юлька, – грустно позвал Женя. Она также грустно отозвалась. – Я тебя люблю.

Юля легла на спину, Женя тоже. Они лежали на разных краях кровати параллельно друг другу. Их лица оказались рядом. Они долго смотрели в глаза друг друга, а их губы медленно сближались, как будто даже и неосознанно. Они пили это мгновение маленькими глотками, смаковали, а сердце разгонялось. Они прекрасно знали, насколько восхитителен первый поцелуй, а также момент перед ним, обладающий совершенно неповторимой энергией. Они хотели почувствовать каждую долю секунд, в которых они сейчас купались, они пробовали на вкус каждое сладкое мельчайшее биение времени. Хотелось запомнить, хотелось продлить, растянуть, хотелось сойти с ума от этой неги, блаженства, горячего дыхания, трепета глаз и губ, которые очень скоро отзовутся друг в друге. Их мучало сладкое противоречие – безумное желание ощутить прикосновение губ и такое же безумное желание оттянуть это

пьянящее недолговечное мгновение, на смену которому придут другие по-своему сумасшедшие мгновения.

Сердце словно закипало. Жар, учащённое дыхание, приоткрытые зовущие губы, затуманенные, потемневшие от желания глаза... Это сводило с ума и совсем не хотелось этому сопротивляться. Наоборот, утонуть, улететь, растаять в безумном мире страсти.

Они улыбались, понимающе, томно, страстно, многообещающе, порочно...

Это стало последней жаркой каплей в закипающую чашу их желания. Они начали целоваться и остановиться сумели очень нескоро... Для них не существовало завтра, да что там завтра, для них и следующей минуты не существовало. Они занимались любовью так, словно это были последние мгновения их жизни, за которые они должны успеть очень много, успеть взять, схватить сколько только можно. Они хотели отдать друг другу сполна то, что накопилось в их душах за это время: всю ласку, всю негу, всю страсть, всё своё тепло, всю свою любовь. Они так долго копили это друг для друга. Они как будто просили прощения за то, что так долго невольно они не могли выразить своих чувств и подарить их любимому человечку. И сейчас, наконец, плотина прорвалась. А бурный поток воды, как известно, очень силён, остановить его практически невозможно.

Как только схватка, а это была именно схватка, заканчивалась, начиналась следующая, ещё более отчаянная, ещё более страстная, ещё более сумасшедшая. Они не могли остановиться, но они и не хотели останавливаться: любовь и желание питали их, не давали закончиться силе, они снова и снова наполняли её чашу, чтобы огонь горел, разгорался и так бесконечно. Они купались в этом приторном безумии и бесконечном желании друг друга,

утопали, выныривали из горячей воды, жадно хватали ртом горячий воздух и снова утопали, не чувствуя ничего кроме жажды друг друга.

Они горели в безумном порыве душ и тел, горели до тех пор, пока не ощущали взрыв, который подбрасывал их далеко в небо, в котором они испытывали самую пронзительно-приятную боль, опустошённые падали и снова закипали. Это был горящий, пламенный, сумасшедший, сладко-длинный сон реальности, который очень скоро закончился глубоким, спокойным, как небо, сном сна. Души всё ещё пылали, а тела хотели спать. Они заснули одновременно, тесно прижавшись. На их влажных лицах даже во сне блуждали выражение возвышенно-любовной неги и счастливые сонные улыбки.

– Ну что, Света, ты теперь свободна, – загадочно улыбнулся Сильф, что-то наигрывая на гитаре.

– Да, – так же загадочно протянула Света.

– Ты прикинь, я тоже!

– Да ну! – как бы удивилась она.

– Очень приятное совпадение, ты не находишь?

– Нахожу.

– Ну и что мы будем делать с этим приятным совпадением?

– Примем к сведению.

– И всё? – разочарованно спросил Сильф.

– Ну это для начала. Когда всё быстро, это неинтересно. Давай посмакуем, – улыбнулась Света и посмотрела на него уже совсем неприлично.

Сильф обалдел:

– Что-то душно в комнате стало. Никто не находит? – ошарашенно спросил он, не сводя глаз со Светы, и

снял шот. Друзья понимающе ухмыльнулись. Чуть-чуть придя в себя, Сильф сказал: – Ну что ж, давай посмакуем. Это возбуждает аппетит.

– Да, правильно, – одобрила Света, не меняя своего сногшибательного взгляда, чем совершенно сбила Сильфа с толку и по-видимому надолго. До вечера ему не было покоя, он всё порывался остаться с ней наедине, но Света его останавливала: «Смакуй!» Когда они всё-таки остались одни, Сильф сказал:

– Свет, ты меня вконец заинтриговала.

Она вдруг совершенно изменилась, прежней страсти как не бывало. Света поникла и устало вздохнула:

– Сильф, мне коряво. Ты не обижайся, ладно? Я прикалывалась. Я же не привыкла показывать свои настоящие чувства, вот я и изображаю тут радость и веселье. Нет, я рада за Юльку и Женю, правда, очень рада. Я не знаю... у меня тоска какая-то.

– У тебя чувство, что тебя предали?

– Нет, – замотала головой Света. – Возможно, это просто от того, что всё так быстро и резко. В голове сумбур какой-то, Пашку жалко. Короче, всё вместе.

– Да, Пашке совсем хреново, зря он изображает обратное.

Надо сказать, Паша, как и ожидалось, пошёл погулять. Это ему обычно помогало. Никто в таких случаях не спрашивал, куда он уходит, зачем, насколько. Он уходил обычно приблизительно на час-два, затем приходил, выглядя прояснённым. Марина с Антоном лежали в зале на полу и смотрели видеозапись их собственного концерта, шумно его обсуждая.

– Слушай, пойдём водки купим, – неожиданно предложила Света. – По-моему, сейчас все не прочь выпить.

– Точно! Пойдём.

Света и Сильф отоварились горячительными напитками и не спеша пошли обратно, развивая философскую тему о времени, к которой их привели рассуждения о предательстве. Света высказала такую точку зрения, что предательства вообще не существует, во всём виновато время. Оно идёт, уходит, забирая с собой какие-то чувства, принося им на смену другие. Это закономерно. Отсюда, в чём тогда предательство? Эта тема их очень увлекла, что они опомнились, только подойдя к подъезду.

– Слушай, тебе хочется домой? – решил уточнить Сильф, заранее зная ответ.

– Что-то не особо. Я бы побыла одна, но ты меня не обламываешь, – как всегда без церемоний сказала Света.

– Отлично. Тогда давай погуляем.

Напрягать мозги для того чтобы придумать, куда идти, им не хотелось. К тому же их настолько увлекла их приятная болтовня, что они не задумываясь просто ходили вокруг светкиного дома.

– Слушай, что мы эти пакеты таскаем? – словно очнувшись, задалась Света вопросом. И действительно, присутствовала некая завороченность, точнее приятно-неожиданное удовольствие от общения друг с другом. Они поставили пакеты под дерево. – И вообще, пошли играть в футбол.

И они присоединились к играющим на площадке мальчишкам. Прогоняв мяч больше часа, они негласно решили выйти из игры, к тому же их команда уже выиграла. Раскрасневшиеся и воодушевлённые, они взяли пакеты и потопали домой.

– Мне понравилось, – поделилась впечатлением Света, поднимаясь по лестнице. – Только нас сейчас убьют за долгое отсутствие долгожданного алкоголя.

– Слушай, а зачем мы пешком на девятой? – опомнился Сильф. – Лифт же работает.

– А так дольше, – улыбнулась Света, неожиданно остановилась и повернулась лицом к нему. Она стояла на ступеньку выше и, так как была ростом намного ниже Сильфа, теперь стала почти с него.

Сильф не сразу понял, что это за непонятный блеск появился в её глазах, но вскоре всё стало предельно ясно и понятно. Она приблизила своё лицо к нему и прикоснулась губами к его губам. Они сразу поняли, как они ждали этого поцелуя. Они жадно целовались минут десять, после чего Света выдохнула:

– Как ты классно целуешься!

– Спасибо, – вдруг смущённо улыбнулся обычно смелый Сильф.

– Почему я так долго об этом не знала? Я всегда мечтала, чтобы мой парень так целовался. – Она постелила на ступеньку пакет и села. Сильф примостился рядом. – И страстно, и нежно... Просто в цвет!

– Это просто потому, что я давно не целовался.

– Хватит заливать! У тебя девчонок немерено всегда.

– Ну, скажем так: я давно не целовался искренне с человеком, который мне нравится не только как девушка...

– Но ещё и как парень, – хохотнула Света. Благо что все в компании привыкли к её дурацким шуточкам невопад. Она тут же поправилась: – Извини, пожалуйста.

– Ох, Светка, дождёшься ты! – в шутку пригрозил Сильф.

– Ох, Сильф, – с такой же интонацией сказала она ему, – давно уж жду. Пора бы уж!

– Вот я и говорю, скоро дождёшься. Чего только,

ты ещё не знаешь, – почесал нос Сильф с хитрой улыбкой.

– Да я одного только жду. Исстрадалась уже вся. Я, конечно, не знаю, что ты можешь мне предложить, но надежды самые радужные. Девушек-то у тебя куча всегда, и никто вроде не жаловался.

– Так, завязывай пошлить! Унесло тебя совсем в порочные мысли, – принял серьёзный вид Сильф. Света искренне изумилась:

– А ты о чём думал всё это время? Я лично про ласку и тепло.

– Я тоже. Но она ведь разная бывает, – томно улыбнулся Сильф, чем снова взволновал Свету.

– Слушай, давай ещё чуть-чуть поцелуемся и ты продолжишь рассказывать. Ты, кажется, что-то серьёзное говорил...

Она не успела договорить, потому что друзья снова улетели в поднебесье, хотя сидели на ступеньке в самом банальном грязном подъезде. Просто они целовались и им это очень нравилось, поэтому этот поцелуй растянулся аж на двадцать минут. Вскоре Сильф продолжил рассказ:

– Так вот, давно у меня не было девушки, которую я ценил бы в первую очередь как человека. Практически все девчонки у меня были из-за постели. Звучит не очень, но это так. А сейчас, если ты заметила, у меня никого нет и уже давно. Мне надоел один сплошной секс. Нет, он мне не надоел, – поспешил поправиться Сильф, – мне надоело то, что он ничем не разбавлен, совсем ничем. Понимаешь?

– Понимаю. Ты взрослеешь, – заключила Света и тут же хмыкнула: – Хотя куда уж взрослее.

– Да хватит тебе! Я ребёнок!

– Если ты ребёнок, то меня ещё нет.

– Ну, это ты загнула.

– Напрашиваешься на комплимент?

– На критику.

– Точно на комплимент, – убеждённо кивнула Света.

Сильф помолчал, глядя на Свету, и сказал:

– Ты красивая.

– Мы знакомы лет семь, а ты первый раз мне это говоришь. Хотя нет, не первый. Однажды на какой-то пьянке ты, пьяный в дым, стоял на столе и нечленораздельно восхищался: какие красивые девчонки в нашей компании. Впечатляющий монолог был, надо сказать. Но больше всего меня впечатлило то, как потом ты с этого стола навернулся и на полу, стоя на четвереньках, продолжал свою речь.

– Да-а, было такое дело.

По лестнице спускалась чёрная кошка. Она посмотрела неодобрительно на друзей, словно говоря: «Глупые вы, люди», и прошла мимо.

– Ну что, ты готов к чему-нибудь? – призывно спросила Света.

– Например?

– К пробному эпизоду из фильма «Света + Сильф»?

– Почему пробному? Он сразу пойдёт в фильм, – Сильф положил руку ей на талию и притянул к себе. Их лица сблизились. Света прошептала:

– Тогда знаешь, что мы сделаем с нашим приятным совпадением?

– Что? – также шёпотом спросил Сильф.

– Мы не будем принимать его к сведению. Мы им воспользуемся.

Фильм «Света + Сильф» начался долгим, жадно-пылким поцелуем на ступеньке лестницы.

По ним, видно, очень соскучились, потому что, как только они зашли в квартиру, их встретила Марина на взводе:

– Ну где вы были? Почему так долго? Почему нам ничего не сказали?

– На какой вопрос отвечать? – разуваясь, поинтересовалась Света.

– Желательно на все.

Света только открыла рот, чтобы ответить, как вопросов прибавилось.

– Подождите, – насторожилась Марина, – что с вами случилось?

– А что?

– Вы странные какие-то. По-моему...

– Да, мы решили встречаться, – ответил Сильф.

– Всё-таки очень неудобно, когда тебя видят сквозь. Вот приспичит что-нибудь скрыть и не скроешь, – повозмущалась Света.

– Да на самом деле у вас просто губы красные, – объяснила Марина, взяла у них пакеты и ушла в комнату.

Там недавно пришедший Паша играл на фортепиано, преимущественно трагичные, щемящие произведения, которых требовала сейчас его душа. Юля с Женей недавно вышли из комнаты, сидели по разным углам, зевающие и полупроснувшиеся.

– Ну что, гуляем? – доставая неопределённое количество бутылок из пакета, подзадорила Марина. – Поводов – завались!

– Мы что, не всё знаем? – удивился Антон.

– Да у нас образовалась новая пара, – кивнула она на входящих Свету и Сильфа.

– Бог ты мой! – вздохнул Антон. – У нас уже почти все друг с другом и перевстречались, и перецеловались,

И...

– Тоник, продолжать не обязательно, – мило улыбнулась Марина. – Всё ясно без слов.

– Что же теперь делать, если мы все такие больные? – посетовала Света.

– Сказал бы я тебе, Светик, какие мы... – хохотнул Антон. – Но у меня стоп-кран есть, – кивнул он в сторону Марины. – Ходячая цензура. – Видя, что Марина осталась недовольной своими определениями, Антон решил побыстрее проехать эту тему: – А вы это по дороге к ларьку решили?

– Нет, на ступеньке восьмого этажа, ответила Света.

– И для нас это нормально, – пожав плечами, прокомментировал Антон.

– Давайте выпьем, – предложил Сильф. – После долгих и продолжительных боёв битва с Зелёным Змием была проиграна! Ненадолго же нас хватило, хочу я вам сказать.

Все уже начали суетиться, чтобы накрыть стол, как внезапно проснувшаяся окончательно Юля сказала:

– Подождите. У меня идея. Может, на природу пойдём? И кто-то мне пикник обещал.

Юля обратила взор на Пашу. Паша взглядом ответил, что идея ему очень нравится. Она невероятно обрадовала и всех остальных. Все сорвались со своих мест, чтобы слегка привести себя в порядок, потому что с самого утра никто даже ещё не умывался, а потом ринуться на природу, в свою стихию.

Часть 4

– Как же мне надоело учиться, – тяжело и измученно вздохнув, проныла Настя.

– Шестнадцать, – сказал Олег.

– Что «шестнадцать», придурок? – брезгливо сморщившись, спросила она.

– Шестнадцатый раз ты это сказала.

– Да ну тебя! Я ему говорю то, что меня волнует, а он...

– Мы учимся всего неделю.

– И что? А я устала! – с вызовом выпалила Настя.

Они сидели у фонтана на набережной, прогуливая пару математики, никакой иной как высшей. Для Насти – трудновыносимый и ненавистный, прямо-таки тошнотворный предмет с огромной долей никчёмности. Но на вопрос «А за каким, спрашивается, Настя, ты сюда пришла, на экономический факультет?» она неизменно, так же уверенно, как и неискренне, отвечала: «Мне нравится. Престижно и перспективно».

Олег увлечённо переписывал конспекты по психологии, взятые у Саши. Настя сидела, спиной облокотившись на его спину, вытянув ноги на скамейке, и, как уже было сказано выше, ныла о том, как «несправедлива к ней жизнь».

– Может, ходим сегодня в бар или на дискотеку?
– эта фраза просто обязана была с её длинным, жалостливо-нудным, «скорбным» предисловием повлечь за собой положительный ответ, который стал бы небольшой помощью и поддержкой в нелёгкой жизни Насти. Положительный ответ обещался прийти в другой раз.

– Я сегодня не могу. Я сегодня к репетитору.

– Ё-моё! – взорвалась Настя. – Опять??? Когда мы

последний раз гуляли? Когда мы последний раз проводили вместе вечер? Сижу дома, как полная дура! – как всегда «слегка» приврала она для большей красочности.

– Мы вчера занимались любовью, – напомнил Олег в полном спокойствии, не отрываясь от переписывания.

– По-твоему, это можно так назвать? Я бы это назвала «хорошего понемножку». Я не успела завестись, как ты сказал, что ты куда-то опаздываешь. Мы и десяти минут в постели не полежали.

– Да? – удивился Олег и наконец повернулся к подружке. – А мне показалось, что мы достаточно покувыркались.

– Вот именно, что покувыркались, а до дела так и не дошло. И вообще, пошёл ты на фиг! Что с тобой творится в последнее время?

– Наконец-то ты соизволила обратить внимание на меня и на мои чувства. Плюсик тебе! На этой земле живёшь не только ты. В мире вообще-то куча народу и иногда нужно думать о других. Ты этого не умеешь.

– Это неправда, – вяло возразила Настя, подняла кленовый лист с земли и стала крутить его пальцами.

– Да? А мне казалось, что тебя интересуют только твои тряпки и состояние твоих волос. Я у тебя – как бесплатное приложение для красоты, про которое ты трепешься со своими подругами! – высказал Олег наболевшее и, подумав, добавил: – Дурами!

– Не называй моих подруг дурами! И вообще, ты интересуешься одеждой больше, чем я! Ты вообще пижон!

– Гениальное возражение! – ядовито похвалил Олег. – Так вот! Не смей указывать мне, что мне делать! – заорал он. Прохожие заинтересованно оглянулись. Прохожих вообще почему-то занимают чужие ссоры.

– Я не указывала...

– Если ты лентяйка, – перебил Олег, – то это не значит, что все такие же. У меня полно дел и сегодня я иду к репетитору! Я уверен, ты найдёшь, чем себя занять: потрешься с подругами по телефону, полистаешь журнал, покрасишь волосы в новый цвет и т.д. и т.п. В твой репертуар входит много интеллектуальных занятий! – Олег закончил свою речь, взял рюкзак и пошёл прочь. Он знал: лучшая защита – нападение.

Настя со злости смяла в руке кленовый лист, швырнула его и долбанула рукой по скамейке. Уже и так потрепанный своей недолгой, но насыщенной жизнью, жёлтый лист раскололся на две половинки. Более чуткий человек услышал бы его крик.

В этот момент ссорились не только Олег с Настей. Ругались и Вика с Вадимом, сидя в столовой за столом. А Дима, сидя тут же с ними, злился от их ораторств и пытался совладать с собой, чтобы не перевернуть стол.

– Ну почему ты не можешь этого сделать? – чуть не со слезами спросила Вика.

– Потому что мне надоело врать! – зло ответил Вадим, вернее, рявкнул.

– Ну выручи меня, пожалуйста. Последний раз, честно. Родители должны сегодня позвонить тебе. Скажи им, что я действительно у тебя не ночевала.

– Вика, тебе двадцать лет! Я не понимаю! Ты взрослый человек!

– Взрослее некуда, – усмехнулся Дима, но его не услышали. А может быть, услышали, но сделали вид, что нет. К Диме в последнее время относились, как к человеку в шапке-невидимке.

– Ты сама уже в силах решать, как тебе поступить, – продолжал Вадим. – Почему ты не можешь переноче-

вать у своего парня?

– При чём тут я? У моих родителей такое воспитание. Они на меня так орали!

– Ты сама это допускаешь! Ты их боишься! Нужно один раз поставить их на место, вот и всё. А ты слабая.

– Они меня не слушают.

– Значит, говоришь неубедительно. Но ведь ты же сказала им, что ночевала у Насти.

– Они мне не верят. Сегодня позвонят тебе.

– А почему не Насте?

– Слушайте, может, поедите? – не выдержал Дима.

– Хватит гавкать друг на друга! Тут столовая, а не овчарня.

– Помолчи, а? – поморщилась Вика и обратилась к Вадиму. – Потому что они хотят поговорить именно с тобой. Скажешь, ладно?

– Не буду я врать! Мне это осточертело! И почему у нас всё время «напряги» именно с твоими родителями? Меня это достало. А, может, всё не так? Дело не в том, что родители не разрешают тебе ночевать у парня? Может, они против меня?

– Ну началось, – вздохнула Вика.

– А что? Я давно заметил, твои родители не очень ко мне относятся.

– Слушай, что ты раздуваешь из этого такую проблему?

– И если всё так, как я и думаю, – не обращая внимания на Вику, продолжал свои «глубокие» размышления Вадим, – значит, ты не можешь дать родителям отпор, сказать им, что ты меня любишь и их мнение тебя не волнует.

– Офигенная любовь, – подивился Дима, с улыбкой ворочая вилкой вермишель в тарелке.

– Ну что ты выдумываешь? – с отчаянием спроси-

ла Вика. – Всё не так.

– Мне надоело каждый раз говорить твоим родителям, что ты у меня не ночевала. Ты трусиха и безвольная тряпка! И врать я больше не буду!

– Тебе что, в облом меня выручить?

– А ты его тарелкой огрей, - посоветовал Дима.

– Не влезай со своими плоскими шутками! – гаркнул Вадим на него.

– Да пошли вы! – психанул Дима и вскочил с места. – От вас тошнит просто.

– Вот и вали отсюда! – вдогонку ему рявкнул Вадим. – И сходи к врачу, проверить желудок и голову.

– Что ты сказал? – услышав его реплику, Дима вернулся и, схватив Вадима двумя руками за свитер, поднял с места.

– Ты что, сдурел? – испугался Вадим.

– Мне ваши скотские грубости уже, знаешь, где? Вы что, не можете разговаривать спокойно? Как люди, а не рычать, как собаки? Собаки, кажется, не так страшно рычат, как вы! Да и в глазах у них побольше будет, чем у вас! Что, испугался? – усмехнулся Дима и отпустил его. – Не суди по себе. Я не смогу поднять руку на друга в отличие от всех вас. Хотя «друзья» у нас – это просто название.

Выйдя из института, Дима увидел Настю, прогуливавшуюся по противоположной улице. Она шла жутко расстроенная, засунув руки в карманы супермодного шота. Дима направился к ней. Догнав её, он спросил:

– Что-то случилось?

Настя нахмурилась ещё больше, выражая всем своим видом возмущение от того, насколько непроницательны и недалёковидны люди, которые не могут заметить, что она не желает ни с кем разговаривать.

- Не твоё дело, – буркнула она и пошла дальше.
- Господи, что же все такие злые? – вздохнул Дима. Настя вдруг оживилась, что-то, видно, придумав:
- Слушай, а что ты делаешь сегодня вечером?
- А что?
- Может, погуляем? Или сходим в бар?
- А закончим тем, что случилось на море? – поняв всю задумку Насти, вымученно спросил Дима.
- Ну... я не думала об этом... Но идея неплохая, – удовольствием улыбнулась Настя.
- Никуда я с тобой не поеду! И... вот ещё что: мы должны рассказать всё Олегу.
- Иди ты, знаешь, куда? Ничего я рассказывать не собираюсь!
- Тебе не надоело жить во лжи и грязи?
- В мои планы пока не входит расставаться с Олегом. А если я ему скажу, он меня сразу же кинет.
- «Ну, это ещё под вопросом», – промелькнуло в голове у Димы.
- У вас и так отношения неважные в последнее время, – заметил он.
- Ты хочешь, чтобы я их совсем испортила?
- Да не кинет он тебя, поверь мне.
- Почему? – насторожилась Настя, не зная, радоваться ей или огорчиться.
- Не спрашивай, просто поверь.
- На-астя-я! Ди-имка-а! – услышали они крик. Они обернулись и увидели бежавшую к ним Леру. – Привет! Как дела? На математику никто, что ли, не пошёл? Сашку не видели?
- Нет, – хмуро ответила Настя, всё ещё думая о словах Димы.
- Настюх, давай завтра в ГУМ сходим или в Крату.

Мне куртку надо посмотреть.

– Давай, я как раз собиралась, – сразу оживилась она, впрочем, как всегда, когда речь заходила об одежде и походах по магазинам.

– У вас серьёзный разговор, что ли? – весело осведомилась Лера. – Ладно, оставляю вас.

– Лер, может, зайдёшь ко мне вечером? – спросила Настя. Ожидался скучный вечер в одиночестве, необходимо было предпринять срочные и решительные меры, гарантировавшие увеселение.

– Да знаешь... – замялась Лера.

– Она сегодня к репетитору, – доставая сигарету из пачки, ухмыльнулся Дима. – Правда?

– Нет, – с предостережением глядя на него, ответила Лера. – Я сегодня к бабушке еду.

– Ах, вот как? – уже откровенно издевался Дима. – Вспомнили, что у нас есть родственники. Приспичило проведать. Понятно. Чуть-чуть ошибся, – покачал он головой, – но суть всё равно одна, так ведь, Лерочка?

– Дим, у тебя голова не болит? Какую-то чушь мелешь. Ладно, я пошла домой, – сказала Лера и поспешила уйти.

Настя стояла, моргала, совершенно не улавливая суть разговора. Человек, наделённый хоть каплей пронизательности, или не столько думающий о себе, как Настя, уже давно догадался бы, в чём дело и что происходит вокруг. А уж после этого загадочного разговора Леры и Димы всё было даже слишком явно, чтобы не понять. Настя не поняла, она даже не подумала о том, что разговор каким-то образом касается её.

– Ну так что? – спросил Дима, когда Лера ушла.

– Не буду я говорить! – упрямо повторила Настя. – Я боюсь!

- Не будь трусихой. Тебе воздастся за это.
- Ты уверен? – сразу же купилась Настя.
- Уверен. Скажешь?
- Ну... я не знаю, – продолжала ломаться Настя. –

Я подумаю.

– Если не скажешь ты – скажу я. А я расскажу это намного правдивее, чем ты, а значит, хуже для тебя.

– Я же сказала – я подумаю. Возможно, скажу.

– От тебя это слышать – значит, слышать «нет».

– С какой стати я должна тебя убеждать? Не веришь, не надо. Твои проблемы.

– Хорошо, я тебе верю. Завтра вечером мы собираемся у Леры.

– И что?

– Чтобы к тому моменту он всё знал!

– Не указывай мне!

– Если к тому моменту ты не скажешь, скажу я.

Прямо там, когда вся компания будет в сборе. Поняла?

– Ты мне надоел! И вообще, ты зануда! Пока! – она гордо пошла прочь, думая, что она как всегда поступила достойно и оригинально. Высокомерный взгляд был устремлён вдаль, на горизонт, но, к сожалению, он его не видел.

Погуляв чуть-чуть, Настя пошла домой. Сначала она поболтала с Викой по телефону, затем приняла ванну, полистала журнал, послушала музыку и легла спать. Но уснуть сразу не смогла – лежала в темноте и решала – рассказывать правду или нет. Конечно, очень не хотелось признаваться в своей подлости, это всегда трудно. Но Настя уцепилась за мысль, что её наградят за то, что она скажет правду. Она будет выглядеть такой хорошей, очистит своё сердце от лжи. Лишь эта мысль руководила принятием её решения. И, конечно, ещё то, что лучше,

если об этом узнает один Олег, а не вся компания, при которой собирался выдать правду Дима.

Когда Лера пришла в назначенное место, Олега ещё не было. Правда, она пришла на двадцать минут раньше, потому что дома сидеть было уже невыносимо. Не терпелось сказать ему, что всё это ей надоело, она устала.

Она сидела на железном ограждении и, кусая губы, напряжённо размышляла, как бы покрасочнее всё расписать, чтобы Олега убедить принять какие-нибудь радикальные меры. Вскоре Олег тихо подошёл сзади и обнял её. Лера повернулась и прижалась к нему.

– Я устала, – прошептала она, вдыхая любимый запах волос.

– От чего?

– Ото всего этого, от этих прятков, лжи.

– Я понимаю, милая, – ответил Олег, поглаживая её шею.

– Ну а когда мы всё расскажем? – жалобно спросила Лера, высвободившись из объятий. – Мы любим друг друга и должны быть вместе.

– Мы не можем рассказать, – сказал Олег, сел на забор и закурил.

– Почему?

– Ещё не время.

– Какое время? Что ты несёшь?

– Настя такое устроит!

– Настя и потом устроит такое же, – сказала Лера и вдруг жутко изумилась, поняв что-то. – Так ты боишься, что Настя устроит скандал! В этом всё дело!?

– Ну не только, – поспешил оправдаться Олег.

– Какой ещё веский аргумент ты предоставишь?

– А как же Саша?

– А что Саша?

– Если вы расстанетесь, его папа не поможет поступить тебе в Москву.

– Мне на это наплевать. Я тебя люблю и хочу быть с тобой, – сказала Лера, ликуя в душе от такого самопожертвования. Гордость за себя так и заиграла в душе.

– Правда? – не поверил Олег.

– Абсолютная, – заверила Лера, обвив руками его шею.

– Ты уверена, что нужно рассказать?

– Уверена. И мы сделаем это прямо завтра у меня.

– Может, попозже?

– Хватит трусить!

– Я не трушу. Просто... это всё так неприятно. Там все будут.

В глубине души такое откровенное нытьё Олега Леру просто поразило, неприятно, естественно.

– Я лично хочу, чтобы все знали, что мы любим друг друга. Неужели ты этого стесняешься? Или ты всё-таки Насти боишься?

Олег поспешил вовсе замять эту тему, которая так неблагоприятно развивалась для него, он улыбнулся и обнял свою любимую:

– Конечно, наша любовь это самое главное.

– Ну что, куда пойдём?

– Может, прогуляемся? Погода классная.

– Может, в бар?

– Пойдём, если хочешь, – нехотя согласился Олег.

Последнее время все его карманные расходы уходили на походы в бар и на дискотеку. Он давно задумал купить себе сотовый, но из-за значительных трат денег Лерой собрать нужную сумму всё как-то не получалось. Между

тем сотовый был ему просто необходим – все друзья уже давно его себе приобрели. И Олег «ударял лицом в грязь» тем, что у него до сих пор нет сотового телефона.

В баре Лера напилась так, что позволила себе разбить несколько стаканов и пару тарелок, запустить бутылкой в парня, который ей не понравился, и устроить стриптиз. Обрато Олег тащил её на себе... Она тем временем постоянно спотыкалась, громко ругалась матом, причём красноречивые ругательства адресовались лучшей подруге Насте, и почти непрерывно смеялась. Из-за её состояния Олегу пришлось добираться закоулками до дома друга, с которым он договорился о ночёвке с Лерой. Но Лера внезапно расхотела к другу и, по-пьяному смелая, увидев очередной подъезд дома, потащила Олега туда.

– Пойдём, – икнув, сказала она и схватила его за куртку.

– Куда?

– Туда, – кивнув в сторону подъезда, пробормотала Лера и потянула его за собой.

– Зачем?

Лера вдруг прижалась к нему, обняла и зашептала:

– Я хочу тебя, – она поцеловала его в губы, обдав его алкогольно-угарным дыханием. – Я тебя очень хочу, прямо сейчас и прямо здесь. То есть в подъезде. Пойдём.

– Лер, не тормози.

– Ну пойдём. Это так круто – заниматься любовью в подъезде. Завтра всем расскажем.

Спорить с ней в таком состоянии было бесперспективным занятием, при том она обещала заорать на весь двор, если Олег не согласится, и она бы заорала. И они пошли в подъезд.

– Кому мы расскажем? Ты больная? Никто о нас не знает, – по пути говорил Олег.

– Ничего. Завтра узнают, – пожала плечами Лера.
– Смотри, какой чистый, уютный, широкий подоконник,
– она многозначительно улыбнулась, уселась на подоконник и притянула Олега к себе.

Настя звонила Лере уже пять раз за утро, но тщетно. Сначала её мама сказала, что Лера спит, потом – она в ванне, потом запуталась и снова сказала, что «она спит... то есть ушла».

– Куда она ушла? – ничего не понимая, спросила Настя. – Мы с ней договорились...

– В магазин, – ответила мама, но довольно неубедительно.

– Ладно, извините, – недовольно попрощалась Настя и повесила трубку.

Настроение катастрофически портилось и она надеялась его исправить, позвонив Олегу. Настроение испортилось ещё больше, потому что и его не было, более того, вреднящая, по мнению Насти, младшая сестра Олега Жанна заявила: «Твой красавчик, Анастасия, не ночевал дома».

– Никогда не смей называть меня Анастасия! – сквозь зубы процедила Настя и грохнула трубкой о телефон. Настроение и вовсе прокисло.

– Не ночевал дома? – чуть успокоившись, неизвестно кого спросила она.

И тут раздался звонок в дверь. Настя растерянно пошла открывать, по дороге ещё раз спросив:

– Не ночевал дома?

Она распахнула дверь, надеясь, что это пришёл Олег. На пороге стояла Лера в сногшибательном виде: мятые грязные джинсы, мятый шот с большим пятном на

груди, творческий беспорядок на голове, чёрные синяки под глазами, незавязанные длиннющие шнурки мотались в разные стороны. В довершение к этому от неё жутко разило перегаром, Настя даже покачнулась от его мощности. Лера стояла, прислонившись головой к соседней двери с закрытыми глазами, и держала во рту неприкуренную сигарету фильтром наружу.

– Лера, ты ошиблась, – улыбнулась Настя, – вырезатель отсюда через два квартала.

Лера с трудом открыла глаза, отлепила голову от двери и, поморщившись от головной боли, проковыляла в квартиру. Рюкзак на её спине мотался вверх ногами.

– Я сейчас умру, – простонала Лера. – Дай зажигалку.

Настя нашла зажигалку, перевернула ей сигарету и дала прикурить.

– Бурная ночь? – спросила она.

– Расскажу, если добудешь мне пива, – растянувшись на диване, сказала Лера.

Настя ходила на кухню, и, вернувшись с бутылкой пива, вручила её Лере и ответила:

– По дороге расскажешь.

– По какой такой дороге? – испугалась Лера.

– По дороге в ГУМ. Мы договорились.

– Я ничего не подписывала.

– На словах подписалась.

– У меня и денег-то нет, – затаившись, сказала Лера.

– Это не проблема. Я тебе одолжу.

– Я не могу, мне плохо, – заныла Лера. – К тому же я не могу идти в таком виде. Мне...

– Нужно принять ванну и выпить чашечку кофе?

– Да, – обрадовалась Лера.

– Вместо ванны – пиво, кофе попьем в кафе, а из одежды я тебе что-нибудь подыщу, – распланировала Настя. – Вот, подойдёт?

Настя кинула ей на диван пёстрый свитер с горлышком и коричневую юбку.

– Пойдёт, – горестно ответила Лера, у которой на возражения сил не осталось.

Вскоре девчонки заходили в ГУМ. В отделе одежды Настя стала рассматривать шот, а Лера, попивая пиво, облокотилась на стойку с одеждой и стала мечтать о постели с большой мягкой подушкой. И тут налетел ураган в виде двух девчонок. Они сначала проходили мимо, затем вернулись в этот отдел и стали вести себя просто возмутительно, невоспитанно и бестактно. Причём одна из них с чёрно-синими волосами, увидев их, начала плевать, а другая очень странно и внимательно уставилась на Леру. «Расхлябанно одетые, неаккуратные» девчонки громко смеялись и орала, затем стали, мягко говоря, критиковать ту одежду, которую только что рассматривала Настя. Ко всему прочему они сосали чупс, о чём Лера шепнула подружке:

– Они чё, дуры, с чупсом ходят?

Две странные особы громко возмущались, ругались, а в конце концов заявили одновременно: «Пошли в сэконд!» и ушли. Настя и Лера дружно с отвращением выдохнули: «В сэконд?!»

Они хоть и сделали вид, что не обратили никакого внимания на «двух невоспитанных девиц», но покупать ничего не стали. В самую глубину души всё-таки закралось сомнение, нормальна ли эта одежда.

Решено было пойти в летнее кафе, которые до сих пор работали по причине великолепной осенней погоды.

– Ненавижу таких! – возмутилась Настя, сидя за столиком с сигаретой. – Вот что они выпендриваются? Смотреть противно!

– Лишь бы все обратили на них внимание, – подержала Лера.

– Такая невоспитанность! А как они одеты! Дурдом!

– Ну, одеты они кстати ничего, – сказала Лера и Настя тут же согласилась:

– Ну да, вообще, одеты действительно ничего. Но так неопрятно! Как шпана из подворотни. Но как они себя вели! – Настя просто негодовала. Так сильно старалась, что выглядела глупо.

– Да чего ты завелась? Может, они тебе понравились? – сделав плоток кофе, хитро улыбнулась Лера.

– Понравились?! Ты рухнула с большого дуба? Они меня взбесили. Уж точно, они даже такого слова не знают: интеллигенция. А что-то там строят из себя. Я таких просто ненавижу! Интересно, у них есть смысл в жизни? По виду не скажешь.

– Ой, куда тебя понесло, – издевательски произнесла Лера. – Можно подумать, у тебя он есть.

– У меня? Конечно, есть! – возмущённо ответила Настя.

– И какой же?

– Добиться благоустроенной жизни: престижная работа, шикарный дом, семья, – не задумываясь, словно заученный текст выпалила она.

– Да-а-а, – задумчиво протянула Лера. – Ты считаешь, это смысл? Ты путаешь его с целью, при том не со своей, а с родительской.

Настя заметно смешалась, но ненадолго:

– Конечно, они мне немного помогут, но...

– Ладно, – устало махнула рукой Лера, много раз слышавшая занимательно-пустые речи подруги. – А, может, они хорошие люди. Откуда ты знаешь?

– Они хорошие? – округлила глаза Настя, как будто Лера ляпнула великую глупость. – Да они не могут быть хорошими с таким поведением. Уж я-то знаю таких. Они тупые, невоспитанные малолетки!

– Как бы я хотела узнать: права ты или нет.

– Конечно, права, – пожав плечами, ответила Настя. – Ну, ладно, рассказывай, что там у тебя ночью было?

Лера растерялась, потому что не придумала ещё правдоподобную историю прошлой ночи.

– Ты с бабушкой, что ли, напилась? – хохотнула Настя.

– С какой бабушкой? – не поняла Лера.

– Ты вчера к бабушке собиралась.

– А, ну да. Я шла к бабушке и встретила знакомых.

Они меня на вечеринку пригласили.

– А ночевала ты где?

– Там же.

– А мне мама твоя сказала, что ты дома была, – непонимающе уставилась на неё Настя.

Лера поняла, что попала не туда, и принялась выкручиваться:

– Да мама вечно плетёт, не знаю, что. Может, она не знала, что я ночевала не дома?

– Слушай, ты не натворила глупостей?

– Не помню.

– Ой, Лерка, смотри, – предостерегла Настя. – Представляешь, Олег тоже дома не ночевал. Я даже не знаю, где он мог быть.

Леру вдруг взбесила эта тупость её подруги, полная и беспросветная. Невозможно не увидеть таких оче-

видных вещей. Но, подумав, она поняла, что сказать ей нечего, и она стала нервно стучать ложкой по стенке чашки с кофе.

– Настя, он тебе изменяет. Неужели ты не видишь? – не выдержала она. И тут её понесло.

– Чего? – не поняла Настя и посмотрела на подругу с отвращением, как на противное насекомое.

– Ты дура, что ли? Всё ясно до предела и видно с первого взгляда.

– Да ты что! Он на это не способен!

– А ты вообще знаешь, на что он способен или не способен? – засмеялась Лера. – Ты его не знаешь совсем, потому что тебе это не надо.

– Да он меня любит! – уверенно заявила Настя.

– Ты точно знаешь? – с ухмылкой уточнила Лера.

– Да, любит, – повторила Настя, но уверенности в её тоне поубавилось, точнее, её вообще не стало. Это прозвучало скорее уныло.

– Когда он тебе в любви признавался последний раз?

Настя задумалась и, похоже, надолго. Она ужасно не хотела честно признаться себе, что ей трудно вспомнить, когда она слышала слова любви, если вообще когда-нибудь слышала. Ей они были как-то без надобности. Олег постоянно находился рядом, и этого было достаточно. Настя довольствовалась тем, что все подруги ей завидуют. И она почему-то слепо верила, что Олег её безумно любит, а как может быть по-другому?

Да, Олег очень влюблён, любовь сияет в его глазах. Но Настя никогда бы не догадалась, что любовь эта принадлежит не ей.

– Я не помню, – после долгого молчания, уже совсем сникнув, тихо ответила Настя... – Но неужели это

служит доказательством? – в душе появилась крошечная надежда.

– Да ты посмотри со стороны на вас, – безжалостно продолжала Лера. Она обрадовалась возможности подготовить подругу к страшному признанию, которое её ожидало. Она вдохновенно и с усердием принялась за это дело и была уверена, что поступает очень гуманно, поступает, как настоящая подруга. – У вас отношения сейчас ни к чёрту. Вы общаетесь только в институте, дай Бог, часа два или три. И большую часть орёте друг на друга.

Настя постепенно сползала со стула и смотрела на Леру жалобными глазами, готовая разреветься в любой момент.

– Настя, так не ведёт себя парень, который любит. Да и ты тоже не особо демонстрируешь свою любовь. Просто никакой любви и нет.

– Ну, хватит, – попросила Настя. – Я не хочу в это верить.

– Мне трудно тебе всё это говорить. Но ты сама никогда в жизни не призналась бы себе. Я открываю тебе глаза. Поверь мне, всё это правда. Уж я психолог лучше, чем ты. Честно говоря, ты психолог – никакой. Тебе в жизни придётся нелегко.

Настя захлюпала носом. Он сразу же покраснел и распух. Из-за этого Настя старалась не плакать на людях, потому что в норму её нос приходил не скоро. Но сейчас почему-то было плевать на нос. Стало так жалко себя, что слёзы полились сами собой, никого не спрашивая.

– Настён, ну не надо, – тоном помягче сказала Лера, сев на корточки перед подругой. – Не надо плакать заранее. Ещё ничего не известно. А психологи, даже очень хорошие, тоже иногда ошибаются.

– Что-то мне подсказывает, что ты права, – вздох-

нула Настя, встала и, сняв сумку, висевшую на стуле, сказала: – Извини, мне нужно побыть одной.

Настя уходила прочь совершенно подавленная, опустив взгляд вниз, а Лера села на место и продолжила пить свой кофе, думая о том, что подруге, должно быть, теперь легче будет услышать признание Олега.

Настя переживала недолго. «Если всё так, как предсказала Лера, и Олег действительно мне изменяет, это ничего, – размышляла она. – Я ведь тоже провинилась. Мы друг другу исповедуемся и всё будет замечательно». С этими мыслями Настя зашла в ГУМ и с вдохновением купила себе ботинки, по счёту пятые в свою коллекцию.

Она только отдала деньги, как в сумке запищал её сотовый.

– Слушаю? – ответила она и услышала Олега, который, забыв поздороваться, серьёзно сказал:

– Нам нужно поговорить. Я должен тебе кое-что сказать.

– Да, милый, – проворковала Настя. Мне тоже нужно тебе кое-что сказать.

– Приезжай ко мне.

– Лечу, любимый. – Она взяла пакет с ботинками и пошла к Олегу, по дороге придумывая, в каких словах лучше преподнести ему свою историю, чтобы всё выглядело как можно невиннее. Пришла даже такая мысль – сказать, что она была без сознания, а Дима воспользовался этим и изнасиловал её. Но Настя, правда, быстро отказалась от этой идеи, потому как предельно ясно представляла, что сделает с ней Дима после этого.

Подойдя к дому Олега, она увидела его, стоящего на балконе. Он хмуро смотрел вниз и курил. Настя изобразила на лице широкую улыбку и весело помахала ему. Олег пухнул сигарету и, никак не прореагировав, ушёл с

балкона. «С чего это его так разбирает?» – подумала Настя и зашла в подъезд. В лифте она думала о том, какие классные ботинки она себе приобрела.

– Привет, – ласково поздоровалась она, войдя к нему в квартиру. Настя приблизила к нему своё лицо с намерением поцеловать, но Олег отстранился и холодно сказал:

– Привет. Проходи.

– В чём дело? – не поняла Настя, пройдя в зал. – Я опять что-то сделала не так?

– Всё нормально.

– Если это нормально, то что, по-твоему, тогда ненормально? – спросила Настя, сев на кресло и закинув ноги на столик.

– Я принесу сигареты. – Он хотел выйти, но Настя вскочила, схватила его за рукав и повернула к себе, обняв его за талию.

– Милый, ну что такое?

– Настён, я должен тебе кое-что сказать.

– Я тоже. Давай, ты первый, – с лёгкостью сказала она, как будто они играли в игру, кто кого ласковой назовёт.

– Это очень важно и очень серьёзно, – предупредил Олег.

– Я знаю.

Олег мялся, не находил себе места. Сначала сел в кресло, встал, сел на диван, потом снова встал. Настя наблюдала за его перемещениями, затем спросила:

– Чего ты мечешься? Рассказывай.

– Настя... У нас с тобой было много классных моментов. Поэтому я хочу быть с тобой абсолютно честным.

Настя уже точно знала – Лера права, и Олег ей изменяет, но она была совершенно спокойна, будучи уверенной, что это поправимо. Но спокойствие сохранялось

лишь до того момента, когда она узнала, с кем он ей изменяет.

– Ну? – нетерпеливо спросила Настя.

– Понимаешь, когда мы были на море, там кое-что случилось. Понимаешь?

– Нет.

– Понимаешь, мне хочется, чтобы ты об этом знала, потому что у нас с тобой было много классных моментов.

– Это я уже слышала.

– Так вот. Понимаешь...

– Давай без «понимаешь»! – не выдержав, прервала его Настя. – Или это у тебя эффект волнения?

– Да... Нет... то есть... Не перебивай меня, пожалуйста.

– Хорошо, я слушаю.

– Так вот. В общем... короче... одним словом... я тебе изменил, Настя, вот. – Олег выполнил свою миссию и облегчённо вздохнул.

– Я знаю. Ну и что? – спокойно ответила Настя, чего-то выжидая.

Олег просто обалдел, что он всё ещё жив, а Настя сидит и так разумно на него смотрит. И не собирается запульить в него стулом.

– Откуда ты знаешь? – ошарашенно спросил Олег.

– Олег, я же девушка, у меня есть интуиция. Это ты уверен, что я бесчувственная и тупая. – Она сделала мудро-грустный вид и опустила глаза вниз.

– Настя, я... нет, я так не думаю. Настя, я так рад... то есть... Я рад, что ты так это восприняла. Мы же разумные люди.

– Ну и как это случилось? Ты не хочешь рассказать?

– Ты хочешь это знать?

– Конечно.

– Как я уже сказал, это случилось на море. Помнишь ту ночь, когда мы с тобой и с Димкой обкурились на пляже? – Настя кивнула. – Так вот, я от вас ушёл тогда и встретил Леру и... Получилось так, что мы переспали.

Настя понимала только одно – что ничего не понимала. Её мудрая грусть или грустная мудрость вмиг испарилась, а на смену пришло выражение, не предвещавшее ничего хорошего.

– С Лерой? – ошарашенно переспросила она и медленно опустилась на край кресла. – Ну... всё понятно, вы же ничего не соображали.

– В том-то и дело, что нет. Мы всё прекрасно соображали, – говорил уже начавший трусить Олег, потому что он не подозревал, что Настя знает не всё. – Просто... я люблю её уже давно, очень сильно люблю. В ту ночь она мне призналась, что тоже меня любит.

Настя часто задышала и завертела головой, отказываясь верить во всё это.

– И всё это время... – вопросительно посмотрев на Олега, сказала она.

– Да, мы встречались всё это время.

– И всё это время ты мне изменял, – поняла Настя. В её душе начиналась буря. Олег это почувствовал и приготовился к худшему.

– Извини, пожалуйста.

– Извини?! – взорвалась Настя и вскочила, заметавшись туда-сюда. Она уже не собиралась рассказывать Олегу, что тоже виновата перед ним. И совсем не из-за того, что она об этом забыла. Напротив, она хорошо про это помнила. Но ведь подвернулся такой случай, когда она может выставить себя перед всеми такой хорошей, обиженной и вдоволь обругать своих бывших уже друзей, так жестоко

её обманувших. Ей так захотелось, чтобы её пожалели, а все шишки посыпались на Олега с Лерой. Настя просто не могла упустить такого случая. – Ты мне изменил и теперь так спокойно говоришь «извини»? Как вы могли?!

– Я просто не хотел испытывать вот такой скандал. Потому что нормальные люди всё решают спокойно. А ты к ним не относишься.

– Да? А что ты хотел испытать? Моё благословение? Таким тварям, как вы? Какая сука – это Лера! «Ты знаешь, мне кажется, он тебе изменяет», – передразнила Настя. – Это что, она меня подготавливала?

– Нет, просто намекала.

– Ты думаешь, я не догадалась? Я знала с самого начала, – соврала она.

– Ой, хватит свистеть, – отмахнулся Олег. – Ты дальше своего носа не видишь! Зачем ты всё время врешь?

– Это я вру? – взбесилась Настя, вскочила с места, подлетела к Олегу и залепила ему мощную пощёчину. Олег даже не пошевелился, он знал сценарий Насти наизусть. Он лишь устало вздохнул и закурил:

– Легче стало?

– Легче будет, когда я изобью твою дуру! Ладно, и что теперь будет?

– Я буду с Лерой.

– Давайте-давайте, – засмеялась Настя. – Я устрою вам веселенькую жизнь. Вы тысячу раз пожалеете о том, что сделали.

– Ты считаешь это нормальным?

– А ты считаешь нормальным трахаться за моей спиной с кем попало?

Одним словом, весь разговор, вернее, вся их пустая перепалка проходила в таком обычном, банально-примитивном стиле. Под конец Олег спросил:

– Ты, конечно, не пойдёшь сегодня к Лере?

– Нет, почему же? Я пойду, потому что очень хочется разукрасить физиономию этой шалаве и сказать, что я больше не намерена оставаться в вашей паршивой, придурошной компании!

Настя пошла к двери.

– Ты тоже хотела что-то сказать, – напомнил Олег.

– Я хотела сказать, что вы сволочи.

Все собрались. Не хватало лишь Насти. Олег не решился объявить друзьям свою новость без неё. Это для неё – лишний повод поорать. А ему уже порядком надоело её «тявканье». Друзья ждали Настю больше часа и, потеряв уже всякое терпение, немножко выпили. «Немножко» не подействовало, они выпили ещё немножко и, чуть разогревшись, стали крыть Настю трёхэтажным матом. Олег был уверен, что она сидит сейчас в каком-нибудь баре, утешается алкогольными напитками, рыдает и приходит не собирается. Но, неожиданно для него, она вскоре пришла, точнее, влетела, словно фурия и, к удивлению Олега, совершенно трезвая. Она оттолкнула открывшего ей Сашу и кинулась на Леру. Она схватила её за волосы и решила долбануть её головой об стену. Это и случилось бы, если бы Олег всё-таки не вышел из столбнякового состояния и не освободил Леру, пока Вадим с Сашей оттягивали от неё Настю. Та кричала своим звонким голосом так, что хотелось заткнуть уши и не слышать этого пронзительного ора, который состоял к тому же преимущественно из мата.

Настю удалось оттянуть от Леры, но та ещё продолжала ругаться.

– Как ты посмела? Тварь! Шалава! Какое ты имела право?

– Настя, прекрати! – попробовал остановить её Олег, в душе понимая, что это невозможно.

– Пошёл ты! Не смей со мной разговаривать! Паршивый предатель! Я вам этого никогда не прощу!

– Да что у вас произошло? Вы скажете наконец? – не выдержала Вика.

Ты не хотел, чтобы все знали всю правду до конца? – с издевательской улыбкой обратилась Настя к Олегу. – Так вот, знайте, – она обвела всех взглядом, – Олег и Лерочка тайно встречались, начиная с моря.

– Ты это хотел нам рассказать? – уточнил Вадим. Саша стоял в прострации, от растерянности отпустив руку Насти.

– Я хотел рассказать, – устало вздохнул Олег, – что мы с Лерой давно любим друг друга и хотим быть вместе. Вернее, мы теперь точно будем вместе.

Он говорил это, глядя только на Сашу, на одном дыхании, желая только одного – чтобы всё это поскорее закончилось. Хотелось убежать, спрятаться от проблем и забыть, что они есть.

– Но ты действительно хотел опустить тот момент, что вы тайком встречались всё это время? – спросил Вадим.

– Какое это теперь имеет значение?

– Ни фиги себе! – засмеялась Настя. – Ты это серьёзно?

– Заткнись хоть ненадолго, – поморщилась Лера.

Настя снова разозлилась и, вырвавшись от Вадима, опять ринулась к Лере. Она снова схватила её за волосы и на этот раз успела залепить ей пощёчину.

– Я тебя ненавижу! – прорычала Настя, когда её оттаскивали Олег и Вадим. Саша сидел, глядя Лере в глаза и, казалось, ничего не соображал. Он пытался понять, что он сейчас чувствует.

Саша всегда был тихим, податливым парнем, не имеющим своего мнения. Он всегда придерживался соображений друзей и очень легко поддавался влиянию. Его девиз: «Я никого не трогаю и меня пусть никто не трогает». В простонародье таких людей называют «тряпкой». Но безвольный Саша был точно уверен в одном – он жутко любил Леру, его радость, его солнышко, он любил её самозабвенно, не представляя без неё жизни. А также был уверен в том, что она тоже его любит, по крайней мере, уверяла она его в этом очень натурально.

В жизни Саша несмотря на свои двадцать лет оставался ребёнком, как большинство парней в этом возрасте. Он сидел сейчас на стуле и искренне ничего не понимал. Как это могло получиться? Ведь Лера его любит! Лера увидела его взгляд и поспешно отвела глаза.

Да, она любила его, сначала. Как-то в ходе разговора его отец обмолвился что, мол, декан московского института, в который мечтала поступить Лера, его хороший старый друг. И пусть она считает, что она там уже числится. Лера тогда пропустила это мимо ушей, потому что казалось неважным. Она же его очень любила. Вскоре его податливость стала ей надоедать, любовь незаметно испарилась, получила новую жизнь, но уже для Олега. И вот тогда-то вспомнились слова Сашиного папы. Ни в коем случае нельзя было разрывать отношения с Сашей, он ей ещё пригодится. Гордость не давала Лере признаться Олегу, что он прав. Пока Лера не устала.

Всё это время Дима наблюдал за происходящим с выражением отвращения ко всему и ко всем, находящимся здесь. Вскоре у него возникло желание уйти. Вернее, он и приходиться-то не хотел, но он считал нужным кое-что сделать. Будучи полностью уверенным в том, что Настя во всём призналась Олегу, Дима встал и подошёл к нему.

– Олег, я хотел у тебя прощения попросить. Я надеюсь, ты всё понимаешь, – сказал Дима и протянул ему руку. Насте очень захотелось испариться, она примолкла и села в угол на стул с надеждой, что её не заметят.

Олег смотрел на него, ничего не понимая.

– Ты о чём? Что я должен простить?

Дима глянул на Настю со стыдливо опущенной головой и, всё поняв, просто взбесился.

– Ах, так! – глядя на неё, воскликнул он. – Хорошо, я тебя предупреждал. Олег, в ту злосчастную ночь произошло ещё кое-что, о чём Настя уже должна была тебе сказать. Мы с ней тоже переспали. Правда, мы в отличие от вас ничего не соображали. И всё это произошло чисто от травы и алкоголя.

В комнате повисла ошарашенная пауза. Все замерли. Олег, отлично зная Настю, всё быстро понял и рассвирепел:

– Вот же ты мерзость! – процедил он, с ненавистью глядя на неё.

– Это я мерзость? – вспыхнула Настя. – Это разве я изменяла тебе почти месяц?

– Ты должна была рассказать мне правду!

– Я забыла совсем об этом, – соврала она.

– Слушай, хватит! Ты намеренно это скрыла! – орал Олег. – Мол, мы такие плохие, а ты – невинная и хорошая, пожалейте её!

Дима почувствовал, что, если побудет в этом обществе ещё хоть несколько секунд, его просто вырвет. Он вышел на балкон и закурил. Факт о том, что они с Настей переспали, уже не казался столь кошунственным, как её проделка, мягко говоря. Он до сих пор поражался, что в людях может быть столько дерьма.

Он очень любил своих друзей сначала, он ими вос-

хищался: такие крутые, стильные, они всё знают – сколько что стоит, где что купить, что сейчас модно. Он жаждал быть похожим на них, он хотел быть в их числе. Вскоре ему это удалось, он сменил свой классический стиль на «неформальный» и уже не отличался от своих обожаемых друзей, он стал одним из них, он стал членом их «крутой» компании. Но через некоторое время он стал осознавать, что ему неуютно с ними. Сначала он думал, что тема денег, одежды и всего материального – это ОДНА из тем, на которую говорят его друзья. И тут Дима понимает, что это ЕДИНСТВЕННАЯ тема, их интересующая. Дима также понимает, что крутизна и деньги – это единственное, чем они богаты, да и крутизна эта ненастоящая, напыщенная. Оказалось, они в большинстве своём злые и бесчувственные, они могли орать друг на друга часами, не видя в этом ничего необычного. Оказалось, что их взгляды по направлению к жизни совершенно не совпадают с его собственными, а их ценности его глубоко изумили, если вообще можно сказать, что они у них имелись.

А наряду с этим оказалось, что покинуть их ему трудно, потому что Дима искренне считал этих людей своими единственными, настоящими друзьями. И он решил попытаться изменить своих друзей. Упорные прямые попытки ни к чему не привели. Всякий раз, когда он заводил разговор о душе или смысле жизни, – о чём-либо, кроме денег, он слышал одну и ту же фразу со множеством вариаций: «Иди ты в ж... со своими заумностями. Нам не до этого». Сначала Дима даже комплексовал. По той причине, что считал своих друзей совершенными, а если взгляды у них не совпадали, то несомненно правы они, это в нём, Диме, что-то не так. И он старался помалкивать, чтобы не быть посланным за свою тупость. Но постепенно он всё же начал понимать, а сейчас и вовсе был уверен,

что вся проблема и невероятная глупость сосредоточена как раз в его друзьях. Диму осенило в один прекрасный момент и он долго смеялся над тем, что когда-то горячо верил в идеальность этих людей.

Но ко всему этому Дима понял, что разубедить, а тем более изменить их ему не удастся. По крайней мере, до сих пор все его намёки тщетно бились о стену грубости и недалёковидности. Хотя, возможно, думал он, «я делаю что-то не так».

Одним словом, он стал отчаиваться. Но открыть им глаза на их идиотскую пустую жизнь было просто необходимо. Причём, в первую очередь, для них самих. Так думал Дима. Но как? Одному очень тяжело справиться с шестью упрямыми людьми, которые к тому же не воспринимают тебя всерьёз. «Вот если бы встретить кого-нибудь похожего...»

Всё то время, что Дима курил на балконе, созерцая, как мир готовится стать чёрным, все находящиеся в комнате, непрерывно друг на друга орали. Переругались все. Дима дождался момента, когда они выдохлись и устали надирать голосовые связки, и зашёл. Все сидели уплывшись каждый в свою точку и молчали.

– Разобрались? – осведомился он.

– А что тут разбираться? – незамедлительно откликнулась Настя. – Кругом одни сволочи.

– Тыходишь в их число, – ответила Лера.

– Слушай, молчи, а? Моё желание врезать тебе ещё не пропало.

– Ой, у тебя это всё только на словах, – поморщилась Лера. – Вот и заткнись.

– Я просто страшно устала. И трепать свои нервы

из-за такой мрази, как ты, у меня нет никакого желания, – с небрежностью кинув на стол хлеб, ответила Настя.

– Вот и я о том, – кивнула Лера, как бы в чём-то убедившись.

– Это ты на что намекаешь?

– На то, что слабо тебе!

– Заткнитесь, пожалуйста! – рявкнула Вика. – Задолбали уже!

Но девчонки не унимались.

– Я вообще не понимаю, чего ты ко мне прицепилась, – сказала Лера. – Что за наезды? Сама с Димкой трахнулась, это нормально? А теперь что-то из себя строит.

– Димка свободный.

– Зато ты несвободная.

– Уже свободная, – невозмутимо ответила Настя.

– Ты чё, дура?

– Всё! – встрял Олег. – Прекратите свою содержательную беседу! Курицы!

– Кто? – в один голос воскликнули Настя и Лера.

– Курицы, – повторил Олег.

Девчонки на удивление замолчали. В комнате снова повисла тишина, тяжкая, тёмная, злая. Дима стоял у окна, глядя на небо. Вадим держал в руках Лериного чёрного персидского кота, которому было глубоко наплевать на всех в этой комнате, он думал о своей кошачьей жизни. Вика нетерпеливо ёрзала на стуле и кусала губы, выжидательно глядя на всех по очереди. Больше всего её интересовало, чем закончится вся эта история, и кто с кем останется. Настя дотянулась до стола, взяла бутылку с рюмкой и, налив себе одной, собралась выпить. Лера курила, напряжённо глядя в стену. Между Настей и Лерой сидел Олег и тоже задумчиво курил. Саша всё так же сидел напротив Леры с видом невменяемого. За всё последнее вре-

мя он не произнёс ни слова, ни разу не шевельнулся. Как сидел, так и продолжал сидеть, жалобно глядя на Леру. Она не выдержала:

– Ну что ты на меня уставился? Хватит уже! Что ты нюни распустил? Я от них устала! Ты собираешься наконец стать мужчиной? Смелым, решительным. Знаешь, что я думаю? Тебе это не дано!

Саша опустил глаза.

– Ага, поплачь ещё! – издевательски засмеялась Лера. – Тебе это пойдёт! Размазня!

– Лер, прекрати, – попросил Олег.

– А что? Ему неплохо было бы принять эту новость как настоящему мужчине. Пора бы уже.

– И набить Олегу морду, – хохотнула Настя.

– Тебя заклинило на членовредительстве? – спросил Вадим. – Долбанись о стену головой сама. Всё пройдёт.

– Как вы представляете себе нашу дальнейшую жизнь? – вдруг спросил Дима, по-прежнему глядя в окно.

Этот вопрос всех застал врасплох и загнал в тупик, потому что представить дальнейшую жизнь оказалось невозможным. Подолгу размышлять над трудностями, копаться в себе и других эти люди не привыкли. С определённой стороны, это неплохо – так легче жить. Но и развития никакого не происходит. Трудности здесь обычно решались так: все проорутся, выскажут всё, что думают, не задумываясь, а есть ли в этом смысл, затем всё незаметно забывается и жизнь становится прежней, если не считать некоторой опустыленности друг к другу, как стоячее болото. А иногда достаточно было спросить совета у родителей и всё решено.

Но сейчас ситуация сложилась иначе, оказалась самой серьёзной из всех, что были раньше. И все интуитивно почувствовали, что одними криками сейчас ничего

не изменишь. Нужно что-то сделать, чтобы дальше жить нормально. Было ясно ощутимо – требуется большая, коренная перемена. А вот в чём? И что нужно сделать?

Комнату снова наполнила давящая тишина. Стало понятно, что, как это ни странно, что-то сегодня крепко сплотило этих людей. Ближе друг к другу, чем сейчас, они ещё не были. Очень быстро тишину нарушила уже чересчур разошедшаяся Настя, которой хотелось поболтать и сделать ещё какую-нибудь пакость.

– Сашка! – завопила она. – Чего ты раскис? Ты думаешь, ты много потерял? Ни фигя подобного! Она ж тебя никогда не любила! А ты знаешь, что она с тобой встречалась только из-за того, что твой отец обещал помочь ей с поступлением? – довольно заявила Настя и опрокинула ещё одну рюмку.

Об этом знали все, кроме Саши. Поэтому и обалдели. Никому не приходило в голову рассказать ему об этом. Это личное дело Леры и вмешиваться не за чем, чтобы не получить от неё по голове. При том было ясно, что Саше будет жутко больно. Но была ещё одна причина – все одобряли Леру, считая, что сейчас такое время, что все способны приветствуются. Расчётливость поощряется.

В сотый раз в комнате повисла ошарашенная пауза. Все испуганно посмотрели на Сашу, который стал переводить взгляд с одного на другого, как будто в поисках подсказки, что ему теперь делать и как реагировать.

Вот стервоза! – процедил Дима. – Ну куда ты всё время лезешь? Лишь бы нагадить!

– А что тут такого? – заржала Настя. – Я сказала правду. Меня обвиняли во лжи. Вот я и искупила свою вину, – она снова захохотала. Из её рук выпала рюмка и разбилась. – Ой! Это к твоему счастью, Лерочка. Но оно недолгим будет. Я постараюсь.

– Пошла ты! – огрызнулась Лера.

– Ты свои силы на меня не трать. Ты их лучше вложи в утешение своего Александра. А то он один не справится.

Саша совершил своё первое действие за несколько часов: встал и закурил.

– Может, скажешь что-нибудь? – требовательно спросила Лера. – Или наори, что ли. Что ты как бесхребетный? Как меня это достало! Скажешь что-нибудь?

Саша опустил глаза. Он просто не знал, что нужно делать в таких ситуациях, что говорить. Ему требовалась помощь. Его уже не столько занимало то, что произошло, а то, что нужно что-то сделать и сказать. А он не знал, что.

– Отстань от человека, – буркнул Дима.

– Да ему всё безразлично, – сказала Лера. – Ты что, не видишь? Люди разве так себя ведут в таких случаях.

– Все люди ведут себя по-разному, – зло ответил Дима. – Какие же вы все тупые! – поразился он и устало вздохнул.

Друзья сидели в этой комнате ещё часа два. То перетякивались и пререкались, то надолго замолкали и тогда казалось, что они сближаются, благодаря немой грусти. Стало темно, но свет никто не включал, так было спокойней и не видно глаз. Уже ничего не было видно. Лишь на лица Димы и Вики падал свет от фонарей. С темнотой стало ещё грустней, совсем как-то безысходно. Жутко захотелось какой-то радикальной перемены или маленькой подсказки, что делать? Души всех заволокли чёрные тучи, в груди было так тяжело и душно от зла и этой тишины, что скоро стало просто невыносимо оставлять всё так, как есть.

– Пойдёмте погуляем, – тихо предложил Дима. Все мысленно облегчённо вздохнули. – На Набережную.

Часть 5

По дороге к Набережной друзья шли, как всегда вызывающе-весело. Юля шла между Женей и Пашей, взяв их за руки. Света рассказывала им, что произошло у них с Сильфом. Марина с Антоном гонялись вокруг них, точнее, Антон гонялся за Мариной и кричал: «Как ты могла назвать меня бульдозером?», а в это время ещё периодически останавливался и пытался завязать мотающиеся шнурки, которые могли стать причиной его падения. Марина отвечала ему смеющимся криком: «Не бульдозером, а экскаватором!» «Какая разница?» Сильф шёл впереди, держа магнитофон и громко распевая:

– Зе руф, зе руф, зе руф из он файер... Как там дальше? Борн, мазафака борн...

Жизнь продолжалась. Да, произошли кое-какие изменения, но главное то, что в отношении друг к другу ничего не изменилось. Изменилась форма, а качество осталось прежним. Хотя, конечно, рано было об этом говорить. Но, как показывала насыщенная жизнь друзей, неприятности и беды лишь «слепляли» крепче их души, дарили стимул к положительному и каждый раз доказывали, что самое главное – это хранить и лелеять в своей душе доброту, что бы ни случилось.

– Вот чёрт! – ошарашенно изумился Антон и резко остановился. Об него лбом тюкнулась Света.

– Ты чего? – недовольно спросила она и заметила, то Антон увлечённо куда-то смотрит. Даже не увлечённо, а зачарованно просто.

Все тоже остановились и посмотрели туда, куда с открытым ртом смотрел Антон, и их лица тут же приобрели то же самое выражение невероятного изумления.

Это была потрясающая картина неба, которое, видимо, с самого утра напряжённо готовилось сотворить это гениальное произведение своего искусства, которое стало апофеозом всего дня. Весь день стояла ясная погода, а к вечеру небо стали затягивать тучи, сначала серые, затем они приобрели необычный сине-фиолетовый цвет. Именно в него сейчас было ровно окрашено всё небо. Но не только это привело в восторг друзей. Самые интересные вещи творились на горизонте. Тучи не успели ещё затянуть собой всё небо, на горизонте осталась «неприкрытой» неширокая полоса – там, где садилось солнце. И вся эта полоса сияла ярко-буйно-оранжевым цветом, создавалось ощущение, что небо треснуло, и в образовавшуюся трещину пробивается огонь, лава и стремится вылиться оттуда. Полоса медленно сужалась, будто кто-то пытался скрыть этот секрет, который никто не должен был видеть.

– Ни фига себе, – еле выговорил Сильф. – Вы когда-нибудь такое видели? Я – нет.

– Потрясающе, – восхищённой улыбкой прошептала Юля.

Остальные высказались нецензурно, что как нельзя лучше выразило крайнюю степень их восхищения.

– На ад похоже, – с благоговением шепнула Света, – словно кто-то могущественный мог на неё разозлиться. – Я даже котлы вижу.

– А я вижу борьбу, – сказал Антон. – Чистоты и порока...

– Разума и души, – поддержала Юля.

– Холода и жары, – прибавил Женя.

Друзья очень долго стояли так и смотрели на этот безумный горизонт, остро чувствуя эту безумную красоту и впитывая её в себя, чтобы после вложить частичку

её в своё творчество, в музыку и попытаться донести это до кого-то ещё. Они глубоко и остро пережили подобные увиденные вещи, восхищались силой природы и её красоты, преклонялись перед невидимыми силами добра, к которым обычно обращаются, подняв лицо к небу... Они преклонялись перед всем, что принадлежит вечности...

Прохожие с недоумением оглядывались на семерых человек, стоявших с выпученными глазами и смотревших в одном направлении. Их заинтересовало то, что увидели эти люди, они смотрели в направлении их взглядов, но не видели ничего сверхъестественного и, не понимая, что так заворожило этих семерых людей, шли дальше, пожимая плечами и продолжая думать, что бы приготовить сегодня на ужин и что интересного сегодня по телевизору.

Друзья простояли так минут двадцать и, когда небо, наконец, закрыло эту бурю оранжевых эмоций и страстей, восхищённые музыканты с отпечатком этой потрясающей сцены в их чутких душах пошли дальше.

– Небо кричит о вечности... – проронил Антон. – Как его можно не заметить? Оно же оглушительно кричит: «Посмотрите на меня! Полюбуйтесь! Подумайте! Посмотрите, какая красота!» Ни фига, не замечают, – вздохнул он. – Главное – видеть в радиусе метра вокруг себя.

Несмотря на абстрактность его отчаянных высказываний, друзья прекрасно все поняли, просто потому что чувствовали также. Дальше брели молча и задумчиво.

Друзья расположились на травке около реки под изысканно-корявым деревом с красными листьями. Сначала просто молча уселись, глядели на противоположный берег, на реку, на тёмно-голубое небо с красивыми,

чуть тёмными тучами, на людей, проходивших мимо них, и чувствовали в своих сердцах любовь ко всему, что их окружает. Они жили и любили всё то, что им дали, с благодарностью пользуясь этими дарами, не требуя ничего большего и ничего меньшего. А ещё они были вместе, а это было самым главным. В их подсознании непрерывно текла беззвучная молитва со словами благодарности за это. Они сильны, когда вместе, но они сильны и вдали друг от друга, потому что знают – их любят.

Тишина продлилась недолго, Сильфу не терпелось выпить.

– Передайте мне бутылочку, – в пятый раз попросил он.

– Насладись последними мгновениями ясного, трезвого ума, – посоветовала Юля. – Опьянение надолго, а трезвость у нас долгой не бывает.

– Да ну её! – отмахнулся Сильф. и схватился наконец за долгожданную бутылку. За рекордно короткий срок он её откупорил и разлил чудодейственную жидкость в семь пластиковых стаканчиков.

– Как тебя припёрло, – посочувствовал Женя.

– Ну, что? – торжественно подняв свой «бокал» и обведя всех радостным и торопящим взглядом, сказал Сильф, – За нас?

– Сильф, подожди, – остановила его Юля. – Я понимаю, когда очень хочется выпить, тут уж не до тостов, но я бы хотела кое-что сказать.

– О чём речь, Юль! Только недолго.

– Я очень хочу нам пожелать, чтобы наши новые перемены несли энергию со знаком «плюс». Какую энергию они несут, это будет видно потом. А сейчас этот период нужно перетерпеть, потому что дискомфорт присутствует в душах не некоторых людей, абсолютно, а у всех,

в большей или меньшей степени, – Юля со значением посмотрела на Пашу, тот глядел на реку. – Я не знаю, ошибку мы совершили или, наоборот, всё правильно сделали, не знаю. Могу только надеяться, что всё будет хорошо. В любом случае, к ошибкам нам не привыкать. – Юля улыбнулась, а Света согласилась: «Это точно». – Ошибки прибавляют нам ума. Я хочу пожелать нам силы. Мы многое можем выдержать, были бы силы. Нам очень нужна эта полезная штука сила, нам ещё многое нужно сделать. Пусть у нас будет сила, чтобы мы смогли уберечь и сохранить нашу любовь, которая держит нас вокруг себя на семи ниточках.

– За любовь и семь ниточек? – спросила Марина, ласково улыбнувшись.

– Да, за любовь и семь ниточек, – кивнула Юля.

Вместо звона стекла получилось шуршание. Друзья выпили.

– А из закуски у нас что? – деловито осведомился Антон.

– Йогурт, – ответила Света.

– Йогурт?! – испуганно воскликнули все хором.

– Да, йогурт, – невозмутимо подтвердила Света. – Вас что-то не устраивает? Вы хотите солёных огурчиков? Это же банально!

– Зато более удобоваримо, – обиженно сказал Антон, открывая баночку с йогуртом.

Сильф поменял кассету в магнитофоне и поставил музыку Рахманинова. Она подходит к любому моменту жизни. Что бы ни происходило, в этой бездонной музыке всегда можно найти то, что требует душа. В ней вся жизнь, в ней есть всё, поэтому так сильно трогает её мощь, её трагическая мощь.

Все замолчали, надобность в словах исчезла. Сло-

ва пустые, они не имеют значения, а сейчас они стали ещё более никчёмными. Вокруг спокойствие, божественно красивая, осенне-горящая природа с её мудрым молчанием, любимые родные люди рядом и неземная музыка. Это был один из тех моментов, когда хочется ловить каждый миг, брать его с трепетом и осторожно положить в душу, чтобы потом он согревал своей незабываемой красотой и теплом.

Друзья улеглись на траву, положив голову на живот друг другу, тем самым образовав круг, в середине которого стоял магнитофон.

Все ощущали какое-то щемящее блаженство, когда хорошо до слёз, и понимали, что это один из лучших моментов их жизней. Их интуиция подводила их очень редко. Но то ли из-за хмеля, то ли из-за того же блаженства, когда не хочется думать, то ли по какой-либо другой причине, но друзья кое-что упустили. У них всё происходило одновременно, поэтому в данный момент друзья синхронно не почувствовали, что это последний лучший момент их жизней...

– Бог ты мой! – недовольно сказал Антон свою любимую фразу, – что-то увидев, и прокомментировал: – Глянув на тротуар, вы можете созерцать представителей агрессивно – прогрессивной молодёжи. Их задвинули в эту модную жизнь, утаив про выход и существование других, более прикольных вещей.

Пока Антон выдавал поток «комплиментов», все приподняли головы с травы и устремили заинтересованные взгляды туда, куда он смотрел. По тротуару брела компания из семи человек – напыщенно – стильная богатая молодёжь. Они были такими же искусственными,

как зима, когда природа на самом деле мертва и пытается скрыть этот неприглядный труп хотя бы снегом, как белой простыней. Но получается у неё неважно. Люди не подают из вежливости вида, что значит – под красивым белым снегом покоится грязь и безжизненность. Людям свойственно искать во всём хорошее, даже если они во всю рыдают. А кто будет искать, если не они? За них никто не станет заниматься этим неблагородным делом. Вот они и восхищаются каждую зиму красотой этого времени года и снегом – жалкая попытка оправдать жуткий холод, который как раз природу и убивает. А роль снега – приукрашивать, создавать иллюзию, бутафорию жизни.

Такая же роль и у одежды, когда под ней никакой красоты, никакой жизни. За красивой, модной одеждой – ничего, пустота. Яркая одежда – бутафория ярких личностей. На лицах – высокомерный взгляд, не искоренимый ничем, даже грустью, которая тоже присутствовала на лицах этих молодых людей. В результате получились глупо-капризные маски.

Они увидели компанию, лежащую на траве, и напустили в лица независимости, непонятно, правда, от чего. Юля уловила это и поняла: защищаются. Чем больше эти люди выглядели уверенными в себе, тем больше уверенности из них исчезала на самом деле. И как бы они ни притворялись взрослыми до жути людьми, в сущности они ещё незащищённые дети, боятся, что их обидят, унижат. К тому же не знают, как защищаться, кроме как непроницаемым видом и высокомерными взглядами, потому что пинали их в жизни нечасто.

Юлю позабавила эта показуха, она улыбнулась и улеглась обратно, лицом к небу. Компания в нерешительности остановилась, переглянулась друг с другом и на-

правилась к друзьям, блаженно валяющимся на траве.

Юля тем временем вертелась, лёжа у Светы на животе, как уж на сковородке, защищая несчастную Свету:

– Света, это они! Это они, Света! Те девчонки из ГУМа! Светочка, ты хоть представляешь, что это значит? Нет, ты не представляешь! Это они, это они, Светка! Ущипни меня. Ой, не надо.

Света вскрикнула, потому что Юля сама её ущипнула.

– Да угомонись ты! Больно же! Ты меня защищала всю! И живот мне отдала. Что у тебя в голове? Кирпичи?

– Нет, тяжёлые мысли. И много-ого!

– Мозги у тебя затвердевшие, много.

– Какое сексуальное слово, – промурлыкала Юля.

– Какое? «Мозги»?

– Нет, «затвердевшие».

– Ну, девочка моя, всё понятно, – протянула Света, погладив Юлю по голове. – Вы сколько времени с Женей в спальне провели?

– Часов шесть или семь. Не помню.

– Может, вам в лес сходить?

Юля больно ущипнула её за бок. А тем временем модная компания уже была среди них.

– Привет, – дружелюбно сказал Дима. – Не помещаем?

– О чём речь?! Присоединяйтесь, – гостеприимно пригласил Сильф.

Компанию явно покорило это гостеприимство, которое они приняли за неискреннее, – они украдкой переглянулись, видно, судили по себе. Несколько обескураженные (действительно, куража в них поубавилось, но ненадолго, высокомерие въедливо), они стали распола-

гаться. Парни уселись рядом на траве. Настя с Лерой, несмотря на обиду, переглянулись с одинаковым чувством недовольства. Они узнали в Юле со Светой тех «придурошных» из ГУМа и огорчились перспективе с ними пообщаться. Они остались стоять, не желая испачкать свои дорогие джинсы, с видом, что великодушно уделят всем немножко своего времени и вскоре уйдут.

– Держите! – услышали они. Юля кинула им два пакета. – Садитесь к нам.

Настя с Лерой восприняли это как очередную манерность, прикрытую искренним дружелюбием, недовольно скорчились, но всё-таки взяли пакеты с выражением одолжения на лице и сели на расстоянии десяти метров друг от друга.

Сильф без лишних слов налил новым знакомым водки, а те тут же выпили, чувствуя, что им это необходимо как никогда, и как ни с кем. Потом выпил другой мирок друзей. Всё это происходило без слов под разоблачающую музыку Рахманинова, которая разоблачает всё, что или кто её слышит. Даже подоконник, слыша её, понимает, как горька и одновременно благородна его участь. Он помогает людям, которые на нём сидят, курят и пьют крепкий чай, наслаждаясь ночью, чёрным (синим, фиолетовым) небом с точками звёзд, миров, лун и солнц. А подоконник тоже хочет летать, но его мечта растворяется в чужих полётах, и это его радует.

Музыка разоблачала сейчас этих пришедших из ниоткуда красиво одетых людей. Им поэтому и не нравилась классическая музыка. Она их РАЗОБЛАЧАЛА, лишала облаков, которые их окутывали, чтобы скрыть нечто под названием «ничего». Хотя скорее их окутывали тучи, серые, не предвещающие ничего хорошего, разве что крупный ледяной град или ливень с ветром зимой, а

не тёплый лёгкий дождик летом. Это как некоторые люди спасаются говорить с умными проницательными людьми, потому что знают – те про них всё выложат, все недостатки, которые есть, и не ошибутся. РАЗОБЛАЧАТ, одним словом. Поэтому эти «модные» люди сейчас боялись говорить с новыми знакомыми и не хотели слушать эту непонятную им классическую музыку.

Они никогда не касались облаков крыльями, потому что у них просто нет крыльев и они не знают, что к облакам можно прикоснуться, они даже не знают, что такое облака. Чувствовать и знать облака значит уметь летать и любить небо. Они рационально и, в принципе, вполне логично полагали, что облака – это скопления сгустившихся водяных паров в атмосфере.

Сейчас соприкоснулись два мира, разные по форме, по цвету, по наполнению, по энергии, разные по качествам, которые Вы, Читатель, думаю, уже прекрасно поняли. Это как своеобразная аномалия, или вполне нормальное явление, когда вдруг в космосе два мира, две планеты, две звезды, две земли, две луны, два солнца... почувствовали вдруг притяжение друг к другу и решили соприкоснуться, осторожно, знакомясь, приближаясь друг к другу и решили соприкоснуться, осторожно, знакомясь, приближаясь друг к другу, вдыхают неведомый запах, пробуют на ощупь, оглядывают ощущениями, реакциями, интуицией. Но теперь это планета и «планета», мир и «мир», звезда и «звезда»... Вам это знакомо, Читатель, я знаю. Они – это одно целое, а «они» – это каждый по отдельности.

– Не хотите рассказывать? – предложила Юля,

как будто своим хорошим, давним друзьям. На лицах же новых знакомых царила враждебность, неудовольствие от собственных проблем и неприятие к чужим людям. – По-моему, у вас что-то случилось, – закуривая, предположила Юля.

После долгого молчания, которое вызвало удивление от пронизательности Юли, Дима за всех сказал:

– Мы запутались и не знаем, как жить дальше.

– Ну это понятно, – не удивилась Юля. – Но ведь причина этого есть. Если вам не очень в лом, расскажите. Может, мы что-нибудь полезное подскажем, а может быть, вам от своего рассказа уже всё ясно станет.

Как стати мы наткнулись на психиатра, – зло иронизировал Вадим.

– Ну это ещё неясно, кто на кого наткнулся, – проворкотала Юля, наблюдая за спутавшимися паутинками дыма. Она знала, что придётся трудно. Это стена, в которой осторожно, тщательно, внимательно, упорно нужно искать легко выпадающий кирпичик, чтобы заглянуть внутрь, увидеть и подсказать, как разрушить стену. Именно изнутри. Именно им самим. – И неясно, кому больше нужен психиатр, – улыбнулась Юля. Эта фраза была понятна лишь её друзьям, которые тоже улыбнулись, – но суть сейчас не в том. Нет, я не психиатр. Я просто хорошо чувствую людей. И вы знаете, частенько это помогает. А вы хорошо чувствуете людей? Точнее, вы умеете чувствовать людей?

«Им» никогда не задавали такого вопроса. Чувствовать людей? Как собаки, что ли?

– Как собаки, – не дожидаясь ожидаемого уточнения, продолжила Юля. – Собаки всё чувствуют. Абсолютно всё. Они не говорят, потому что это по большому счёту ни к чему. Ты и без слов почувствуешь, как собака к

тебе относится. И собака тоже всё чувствует. Слова - это чаще всего очень пусто. И собака тоже всё чувствует. Слова – это чаще всего очень пусто. А собака без слов всё скажет: вилянием хвоста, преданным взглядом, радостной энергией или лаем, укусом. В этом можно быть увереннее намного больше, чем в словах. А можно наговорить кучу слов и ничего не сделать, а в итоге – пустота, одни слова, звук. Беззвучный звук. Есть звучный, а есть беззвучный, никакой.

Юля, расслабленная алкоголем, говорила, как чувствует, как со своими друзьями, но эти «новые» люди могут посчитать её душевнобольной (хотя во многом будут правы, как подумала Юля) услышав сейчас то, что она говорит. Собаки какие-то... Так оно и было.

– Какие собаки? – испуганно спросила Вика.

– Вы знаете, – словно не слыша этой реплики, продолжила Юля, – я очень часто нахожу больше понимания в глазах собак или детей, потому что...

– Какие собаки? – Какие дети? – уже взволнованно повторила Вика, искренне не понимая, что несёт эта странная девушка.

Юля поняла – необходимо притормозить. Нельзя сейчас поддаваться соблазнам алкоголя высказывать то, что чувствуешь и считаешь нужным сказать, – нужно пустить в действие чуть разума. Нельзя кунать замёрзших людей в кипяток, чтобы отогреть. От этого им будет только хуже. Нужно посадить их в прохладную воду и постепенно её подогреть.

– Собаки? Действительно, какие собаки? – поддалась Юля. – Давайте выпьем. Я, чур, йогурт, мне достаточно.

Все выпили. Юля продолжила:

Вы знаете, у вас такой вид, как будто у вас про-

изошло что-то страшное. Лично у нас именно в таких случаях подобные лица. Но я вас не знаю (могу только догадываться, не претендуя на истинную правоту) и не знаю, в каком случае вы реагируете именно так. не могу предложить, что не случилось ничего ужасного. Просто вы не привыкли к проблемам и, даже столкнувшись с простейшей, не знаете, что делать. Это так? Нет?

Дима и Настя ответили одновременно. Дима – «да», Настя – «нет».

– Нет, ты не права! – с вызовом повторила Настя, зло покосившись на Диму.

– Вполне возможно, – спокойно согласилась Юля.

– А, по-моему, Юля, ты права, – сказал Дима. – Ничего неисправимого или жуткого не произошло. Ничем не примечательная бытовая ситуация, которая случается очень часто. Просто мы действительно не привыкли преодолевать трудности сами. А сейчас получилось так, что пойти спросить совета у родителей мы не можем, и вот нам кажется, что выхода нет, и что делать – неизвестно.

– Прежде надо было мамочке жаловаться, – не церемонясь, буркнула Света. Юля с укором глянула на подругу, та шкодливо улыбнулась и поняла – лучше углубиться в поедание орешков и помолчать.

– А что из того, если с мамой доверительные отношения, и ты можешь всё ей рассказать? – на взводе спросила Настя. Ей хотелось поругаться.

– В твоём случае это не доверительные отношения, – сказала Юля, – это твоя несамостоятельность. Ты с ней делишься всеми своими проблемами лишь потому, что она может что-то посоветовать, подсказать, как поступить. А сама ты часто не в состоянии. Самостоятельный человек мало что рассказывает родителям, он пытается

решать, а потом и решает всё сам.

– Хочешь сказать, ты самостоятельная? И ты ничего не рассказываешь своей маме?

– У меня с моими родителями уже давно нет никаких отношений. Это не совсем правильно тоже. Но иначе я не стала бы той, какая я есть сейчас.

– А почему у тебя нет никаких отношений с родителями? – заинтересовался Олег.

– Это долгая история. Думаю, попозже я расскажу. Нужно стараться меньше зависеть от родителей. Естественно, многое зависит от индивидуальности человека. Вы знаете, Достоевский сказал, что даже одно глубокое переживание, которое ребёнок прочувствует и осознает сам, своей чистой душой, научит его большему, чем безоблачное, счастливое детство. Я с ним абсолютно согласна. Что может понять ребёнок, когда он защищён непробиваемой стеной семейной любви? Его ограждают от всего плохого. А между тем, жизнь трагична, о чём ребёнок пока не догадывается, но рано или поздно обязательно почувствует на себе. А пережив что-то плохое, человек начинает над чем-то задумываться, понимать что-то новое. Не замечали?

– Может, новорождённых детей нужно сразу определять в интернат? – усмехнулся Вадим.

– Конечно, нет. Ты же умный мальчик, а задаёшь такие глупые вопросы. Я говорю о том, что чрезмерная любовь родителей, бабушек и дедушек не приводит ни к чему хорошему.

Нельзя закрывать детей постоянно ото всего, как наседка своих цыплят. Пусть несколько раз стукнется лбом, в следующий раз обойдёт это место и что-то поймёт. Улавливаете? Кстати, хочу заметить, в интернате вырастает большое количество сильных личностей. Это не

призыв, это замечание, из которого можно сделать определённые выводы. Опять же всё индивидуально. То, что я сказала, не правило. На земле и в космосе вообще нет правил. Есть законы природы и заповеди Библии. Всё остальное – хрень, придуманная обществом.

– А мы не общество, мы люди, – присовокупила Света.

– Оригинально, – усмехнулся Вадим. – Странные у вас понятия.

– А по-моему, это попросту бред, – заявила Настя.

– Вполне возможно, – легко согласилась Юля. – А мы ничего и не утверждаем. У каждого свой бред. И лучше всего, когда он свой, а не чей-то, навязанный.

– Я бы не сказала, что у меня в голове бред. Я считаю, что ребёнок должен жить в семье, родители должны его любить, воспитывать и помогать ему.

– Всю жизнь? И все друг другу должны. Ты можешь мне сказать, кто всё это изобрёл?

– Так принято! – удивилась Настя.

– Кем?

– Людьми! – ещё более удивилась Настя.

– Людьми придуманы правила, по которым почему-то все обязаны жить. А природой нам дан лишь материнский инстинкт: создал ребёнка, выкормил и отпустил на все четыре стороны жить своей жизнью. А Бог заставлял почитать родителей. Всё остальное придумали люди: систему воспитания, систему образования и тому подобные дебильные системы. И всех учат одному и тому же без разбора, не взирая ни на индивидуальность, ни на характер, ни на желание. И получается инкубатор причём не лучших людей.

– Предлагаешь закрыть все школы и институты? –

ехидно поинтересовалась Лера.

– Ты же знаешь, что это невозможно, – ответила Юля. – Потому что «корочка» сейчас – это символ удачного будущего. А, в принципе, человек в состоянии обучиться всему сам.

– Ты больная, что ли? – скривилась Настя. – Так мы и в первобытное общество быстро вернёмся.

Юлю задел этот грубый выпад Насти. Но она ничего не сказала, лишь глянула на Настю настолько пронизывающе, – а это у неё превосходно получалось с её золотистыми глазами, – что та в замешательстве отвернулась, ей словно пощёчину залепили.

Юля поняла, что их полюса с Настей пока резко отталкиваются. Не стоит им пока общаться. Юля решила вообще пока помолчать, чтобы собраться с мыслями – как лучше сблизиться людям с абсолютно разным всем. Сейчас момент назывался ПОКА, момент приспособления друг к другу, прелюдия к важному действию, тоже немало важный момент. Очень важно было повести разговор и мысли в нужном направлении.

Предыдущий разговор оборвался, не завершившись ничем. Было ясно, что любая тема разговора, выбранная сейчас, неизбежно будет поставлена в тупик, потому что контакт шаткий, понимание одностороннее и враждебности много, также с одной стороны. Юля решила сделать перерыв и вдруг стала делать непонятные знаки Жене. Тот тщетно пытался что-либо понять. Юле надоело махать руками, она встала, подошла к Жене и, взяв его за руку, потащила к реке. Антон в это время лежал, положив голову Марине на колени, курил и болтал с ней. Увидев, что Юля с Женей куда-то пошли, он заорал:

– Фа-альская-а! Эй, вы! Вы куда? Поимели бы со-

весть! Вам что, дома не хватило?!

– Завидовать плохо, – пошутила Юля, оглянувшись.

Они спустились к реке.

– Мне нужно собраться с мыслями, – сказала Юля, – и не нужно больше пить.

Она зачерпнула в ладони воды, умылась и застонала от удовольствия.

– Фальская, вы это серьёзно, что ли? – услышали они голос Антона.

– Очень интересно всё это, – заметил Женя, имея ввиду новое знакомство.

– Ещё бы! Меня аж всю трясёт от эмоций. Столько мыслей! Это, знаешь, как толпа народу лезет в маленькую дверь, но никто не может выйти, потому что толпа превратилась в единое целое. Я не знаю, как лучше всё сделать, – с отчаянием в голове закончила Юля.

У нас всё получится, – улыбнулся Женя, с любовью глядя на Юлю, которая беспрерывно зачерпывала воду и умывалась.

– Думаешь? – она оторвалась от своего занятия, и её глаза заблестели от лунного света. Она встала, подошла к Жене и сильно обняла его.

– Я тебя очень люблю, – прошептали они почти одновременно.

– Для меня очень важно довести хотя бы что-нибудь до этих людей. Как-никак я с Антоном поспорила.

– Я делаю ставку на тебя, – сказал Женя и прикоснулся губами к её щеке.

Тем временем пьяный весёлый Антон жаждал творчества. Он всё также лежал на коленях Марины и ку-

рил, закинув ногу на ногу. Его поза как нельзя лучше располагала к творчеству. Все молчали.

– Сейчас я буду сочинять! – заявил Антон тоном, который доходчиво объяснял, насколько ответственен этот момент. Он взъерошил волосы, сделал вдохновенное лицо и начал декламировать:

Солнце, побаловав теплом,
Устроив взбушевавшийся закат
со страстью всей,
которая есть на всей земле,
которая есть на всей земле,
Упало вниз, за горизонт.
Ночь – это чёрная капля,
Сон – это миг,
когда и не успеешь сон запомнить.
А для кого-то там, напротив,
Через шар земли,
Бушует день,
насыщенный и громкий,
яркий, как закат,
со вкусом кофе.
Он – целый день,
когда здесь половинка-ночь.
Ты спишь, а люди смотрят, видят и живут.
Зато ты видишь сон...

Новоиспечённые знакомые находились в некотором замешательстве от этих странных, но забавных людей. Они не могли понять, что это. Выпендрёж, глупость, игра?

Вернулись Юля с Женей.

– ...короткий миг, который, может быть, действительно жизнь... – закончил сочинять Антон.

– Ты про что? – спросила Юля.

- Удачно?
- Ты про что?
- А ты про что?
- Я про тебя!
- А я про секс.
- При чём тут секс?
- А при чём тут я?
- Антон, хорош!

– Ты сама начала! «Ты про что, ты про что?» – передразнил Антон. – Я тут занимаюсь высокой поэзией, а вы там удовлетворяете животные потребности...

Юля не выдержала, взяла пакет и натянула ему на голову.

– А-а-а! – заорал Антон и стал махать руками, пытаясь зацепиться за что-то несуществующее. – Помогите! Где я? Почему всё белое и полиэтиленовое?

Эта сцена всех рассмешила. Даже Настя, сидевшая до того с каменным лицом, слегка улыбнулась. Когда все просмеялись, а Антон всё ещё махал руками и пытался выбраться из пакета, Юля сказала:

– Антон, ты что, больной, пакет натянул? Немедленно сними и будь серьёзным.

Антон перестал биться в конвульсиях, замер и медленно стащил пакет с головы, опасливо озираясь по сторонам.

– Мне там понравилось, – обиженно пожаловался он.

– Ну тогда натяни обратно и кайфуй дальше. – Марина снова вернула пакет ему на голову.

– Слушайте, уже расскажете, что у вас случилось? – спросил Сильф у новых знакомых.

– Я расскажу, – быстро пообещала Настя.

– Помолчи, пожалуйста, – вежливо обратился к

ней Дима. – По-моему, рассказать должен человек, который не участвовал во всей этой истории.

– Давайте, я расскажу – предложил Вадим и стал рассказывать. Он изложил одни факты, не высказывая своей точки зрения, – просто всё, что произошло, без утаивания и прикрас.

После завершения повествования этой «захватывающей» истории те, кто её не знал, погрузились в размышления, а те, кто в ней участвовал, ждали реакции тех, кто только что услышал, предполагая услышать подробный анализ поступков каждого. Но ожидания их не оправдались.

– Эгоисты вы, – хмуро молвила Света. – Да вы и сами это знаете, просто никогда об этом не думали. Поэтому так и оскорбились сейчас, когда я назвала вас этим обидным словом. А оскорбляться тут нечего. Оскорбляться – пустая трата времени. Это тот же эгоизм, потому что вы попросту себя жалеете...

– Слушай, девочка, ты кто такая... – взбунтовалась Настя.

– Милая Настя, давай без этих сцен у фонтана, – поморщилась Света, вынимая сигарету из пачки, – я не хочу, чтобы тебе это показалось хамством. Я и не собиралась тебе хамить. Но давайте говорить начистоту, искренне. Мы не собираемся вас осуждать, это не по нашей части, – она глянула вверх, на небо. – Мы говорим то, что думаем. А если некоторые вещи тебе не нравятся, так это не наша вина. Твоё право – сказать, что мы говорим неправду, только в таком случае, сначала подумай, а то можешь себе наврать. В очередной раз.

Света прикурила сигарету. Настя сосредоточенно что-то обдумывала.

– Я не понимаю, вы что, думаете, что вы нам не

нравитесь, и мы решили вас обо... облить грязью? Настюх, ты сама подумай, нам оно надо? Если ты не хочешь слушать нас, можешь высказаться сама, если желаешь. Только...

– Что?

– Ты не знаешь, что про нас сказать. Ты ещё не поняла, какие мы на самом деле.

– Можно подумать, вы про нас знаете всё.

– Не всё. Дело в том, что мы любим общаться с людьми, и общаемся много, поэтому намастачились быстро понимать, из чего «состоит» человек. Вот и всё.

– Вы себя слишком высоко ставите!

Света засмеялась.

– Настя, мы даже с детьми наравне общаемся. Пойми, пожалуйста, мы с тобой не соперники. Мы сейчас говорим не о том, кто круче и кто выше. Мы просто разговариваем. никто не выше и не ниже, мы на равных. Хотя ты сама хочешь быть выше нас всех, вместе взятых. Ты именно так и думаешь.

– Ладно, я поняла, – прервала её Настя. – Но нафиг называть нас эгоистами? Ведь все люди...

– Настя, я знаю, что все люди эгоисты в той или иной степени. Только некоторые люди непрерывно борются с этой хренью, а некоторые повторяют эту тупую фразу о том, что все люди эгоисты, успокаиваются, смиряются и становятся ещё большими эгоистами. Последний вариант можно наблюдать на примере вашей компании и этой курортной истории. Каждый из вас боялся только за себя и выгораживал только себя. Каждый пытался сделать так, чтобы причинить себе наименьший ущерб. Разве что вот Дима симпатичен мне из всех больше всего.

– Может, проведёшь более подробный анализ?
– зло спросила Настя, хотя чувствовалось, что ей дей-

ствительно хотелось услышать точку зрения Светы. – Я смотрю, вы все в этом деле профи.

– Ничего я тебе по полочкам раскладывать не буду. Это будет слишком удобно для вас. Я сделаю вот что. С нами произошла подобная история, только все повели себя несколько иначе. Я расскажу вам эту историю, а вы сами найдёте энное количество различий и сделаете вывод.

Вдруг Юля непонятно с чего завопила. Она вскочила и принялась прыгать всё с тем же воплем. На самом деле причина её неадекватного поведения была проста. Юля порадовалась задумке Светы. Всё это время она мучительно размышляла о том, как бы расшевелить этих людей, чтобы они начали думать о чём-то ещё, кроме материальных вещей. И вот теперь что-то сдвинулось с места, начало положено. Она напрыгалась, наоралась и как ни в чём не бывало села на своё место. Сама же ещё при этом и удивилась непонимающим взглядам, устремлённых на неё.

– Ты сегодня немногословна, Юлия, – заметил Сильф. – За последние полчаса ты издала лишь этот вопль. Только мы не поняли, что ты этим хотела сказать.

– Что я вас люблю, – сказала Юля и, многозначительно глянув на бутылку водки, дала понять, что есть повод выпить.

– Всё ясно, – солидарно улыбнулся Сильф и схватился за бутылку. Пока он наполнял стаканы, Света начала рассказывать. Она также, как Вадим, изложила голые факты.

Юля встречалась с Пашей, познакомилась с Женей, который в это время встречался со Светой. Через некоторое время Юля и Женя поняли, что любят друг друга. Об этом, кроме них, знал лишь Сильф, но преданно хранил эту тайну. Очень долго они скрывали свою любовь,

хотя им приходилось очень тяжело. Но так как они дорожили своими друзьями и дружбой с ними, они не могли позволить себе причинить боль своим друзьям, предпочитая страдать одни. И всё же, в один прекрасный момент, носить в себе скрытое стало просто невыносимым, и они решились рассказать друзьям правду.

– При чём, – заметила Света, – они хотели оставить всё, как есть, то есть Юля всё же останется с Пашей, а я с Женей. Они просто решили рассказать правду, потому что посчитали нечестным скрывать и дальше. После того, как все всё узнали, произошло следующее. Все друг друга поняли, стали просить друг у друга прощения, Пашка вообще стал винить во всём себя.

И вот мы здесь, в очередной раз пьём за нашу любовь и дружбу. Всё. Если есть вопросы, можете задавать.

– Неужели вас не задело то, что вам так долго врать? – спросила Настя.

Света посмотрела на неё так, словно говорила: «Уж только не тебе, Настя, задавать этот вопрос», но вслух не сказала.

– Первые секунды три я понегодовала, но потом ясно поняла, что поступила бы точно также. Они боялись причинить нам боль, вот и всё. Это вполне можно понять. К тому же радость за то, что они полюбили друг друга, перевешивает всё остальное. Ну а различия-то вы заметили?

Ответом было молчание. Настя судорожно пыталась найти какую-нибудь деталь, чтобы обвинить кого-либо.

– А по-моему, всё равно это подло – скрывать и врать так долго, – снова высказалась она.

– Они не врать, они просто ничего не говорили. У них не было повода выкручиваться и врать, потому что

между ними ничего не было, – ответила Света, пронзительно глянув на Леру и Олега. – Короче, одно самое главное различие между вашей и нашей историей, это то, что у нас всё построено на мыслях прежде всего о других, а у вас – на мыслях о себе самом. А все остальные различия вытекают из этого. И даже сейчас, Настя, ты пытаешься себя выгородить, потому что никак не можешь и не хочешь признать свою вину.

– Хочешь сказать, я одна во всём виновата.

– Нет, конечно. Виноваты все, в той или иной степени. Но при чём тут все, когда тебе с самой собой нужно сначала разобраться? Перестань винить всех окружающих. Покопайся в себе и ты поймёшь, что тебе нужно многое в себе изменить. Причём самостоятельно. Только не подумай, что этим собираюсь заниматься я, или мы.

– Слушай, хватит на меня наезжать! – не выдержала Настя обильный поток критики в свой адрес. – Кто ты такая? Мне лучше знать, в чём я виновата, а в чём нет!

– Да ради Бога! – Света махнула рукой, не желая больше прилагать усилия, для того, чтобы эта упрямая девушка что-нибудь услышала. Света не обладала таким запасом терпения, как Юля, поэтому решила заняться чем-нибудь другим, например, выпить пива. Юля улыбнулась, глядя на Свету, нашла среди кучи яств банку пива и протянула подруге.

В разговоре снова возникла пауза. Это было похоже на некую грань, разделяющую различные этапы. После очередной темы, обычно незавершённой, воцарялось молчание, а следующая попытка разговора становилась совершенно иной, чем прежде, и проходила на каком-то другом уровне, при чём с большей эмоциональностью.

До этого момента в беседе участвовали немногие. Юля всё ещё продолжала играть роль наблюдателя, чув-

ствуя, что её время не пришло. Сильф уловил все манипуляции, которые происходили в душе и голове Юли, и решил помочь. При чём все друзья также мгновенно поняли, что происходит и что приблизительно нужно говорить и делать. Но несмотря на это все действия и слова отнюдь не стали наигранными и спланированными. Все просто уловили суть и нужный путь, но действовали и говорили они совершенно интуитивно.

– А где вы учитесь? – резко переменял тему Сильф.

– В ТИХМе, – ответил Вадим.

– А вы? – с пренебрежением спросила Настя.

– А мы в Музыкальном институте.

– Где? – ужаснулась она.

– В музыкальном институте имени Рахманинова.

– В этом клоповнике?

Сильф опустил глаза, пытаясь с собой совладать. Всякий раз, когда он такое слышал, – а слышал он это не редко, – ему хотелось набить морду человеку, который так говорит. Понятно, что это эмоции, и он быстро брал себя в руки, но всякий раз у него было чувство, что оскверняют что-то святое и неприкосновенное.

– Для меня это лучший институт в этом городе, – терпеливо объяснил Сильф.

– Ну и какие перспективы у тебя в твоём лучшем институте? – насмешливо спросил Влад.

– Ты знаешь, я об этом даже не думал. И не собираюсь. Потому что главное для меня то, что мне нравится, чему меня там учат. Потому что для меня главное – музыка.

– И что? – не поняла Настя. – И куда ты с этой музыкой?

– Мне очень жаль, что ты не знаешь, что такое музыка.

– Ты что, больной? Я знаю, что такое музыка. Ну что из этого?

– Ты дышишь воздухом, так? А мы дышим музыкой. Это одна из причин нашей жизни. Понимаешь? Я знаю, тебе это кажется абсурдом. По той причине, что тебе это кажется очень мелкой причиной, практически ничего незначащей, так? Как это можно жить ради музыки, да?

– Ну да, – с мыслительным процессом на лице выдавила из себя Настя.

– А всё именно из-за того, что ты не знаешь, что такое музыка. Это не то частное, что ты слушаешь по радио, в плеере или на центре. Музыка вообще. Музыка в принципе. Самое лучшее выражение истинной музыки – это классическая музыка.

– Я её не понимаю.

– Я знаю. Ты и не пыталась. Но это возможно. Начать хотя бы с того, что вслушаться. Каждое произведение – это отдельная история, отдельный человек со своим внутренним миром, со своей трагедией, со своим счастьем. Каждое произведение – это чья-то жизнь. И если вслушаться, ты можешь услышать рассказ, который тебя обязательно тронет. Это целая жизнь с присущими ей муками, страданиями, радостью. Слушай.

Сильф сделал погромче. Из магнитофона лилась музыка второй части Второго концерта Рахманинова. Настя, словно загипнотизированная, смотрела на колонку магнитофона, в таком же состоянии находились все её друзья. Возможно, их просто заворожила красивая музыка, возможно, они пытались услышать, но пока не слышали в ней какой-либо жизни. Но человеку изначально свойственна тяга к прекрасному, поэтому они вслушались.

И это было первой маленькой победой. Сильф подмигнул Юле, а та послала ему воздушный поцелуй. Дима

выглядел невероятно счастливым, он с восхищением смотрел на новых знакомых и чувствовал, что встретил тех людей, которые могут помочь его друзьям и ему самому.

– Ну и что дальше? – вызывающе спросила Вика. – Ну вслушались и что?

Сильф посмотрел на Юлю, как бы говоря: «А никто и не говорил, что будет легко», и продолжил:

– Тебе нравится?

– Ну...красиво, – неуверенно ответила Вика. Вызов слез с её лица.

– Вы понимаете, я не хочу вам что-то доказывать. Спрячьте вы ваши шипы. Что вы смотрите на нас, как на врагов? Мы не желаем вам ничего плохого. Мы просто хотим узнать вас получше. Я думаю, где-то в глубине души вы тоже хотите что-то о нас узнать, например, чем мы живём. Разве не так? А в глубине души – потому что вы не хотите себе в этом признаться, считая, что тем самым вы унижитесь...

– Сильф, мы о музыке, – улыбнувшись, напомнила Юля. Пришла очередь останавливать Сильфа. У всех было желание высказать все, что есть в душе, но такое обрушивание обильного потока важной информации ни к чему бы не привело.

– Да, мы о музыке. Спасибо, Юль, – они обменялись многозначительными взглядами. – Понимаете, как бы я сейчас ни расхваливал эту самую музыку, как бы ни распрягался, я не смогу вас убедить. Да это и ни к чему. Для начала нужно понять и почувствовать её сущность. А для этого её нужно просто внимательно послушать. И послушать именно душой, надеюсь, вы меня понимаете. И если в вас есть хоть мизерная доля чуткости, вас зацепит. А когда вы поймёте её сущность, вам уже ничего не нужно будет объяснять. Только на это нужно очень много

времени. Нам потребовалось минимум шесть лет и тем не менее мы поняли лишь небольшую часть всего, что можно понять. Мы до сих пор неизменно находим в музыке что-нибудь новое.

– Ну а перспективы-то какие? – не унималась Настя. – Ведь это не престижно.

– Настя, во-первых, хотя бы из того, что... Ответь, тебе нравится учиться в ТИХМе? Просто вот рано вставать, переться на учёбу, сдавать сессию?

Настя с удовольствием сейчас соврала бы, но все её друзья прекрасно знали, насколько она ненавидит место своей учёбы.

– Нет, – недовольно ответила она.

– Что и требовалось доказать. А нам нравится. Нам просто нравится там учиться, нам нравится зависать там целыми днями. Просто там очень

На этом рукопись обрывается.

Кристина Скопинцева

БЕЗЫМЯННЫЙ РОМАН
(«Сильф»)

Роман

Печатается в авторской редакции

Вёрстка Ксении Поповой

Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 12.56. Тираж 100 экз. Заказ №13

Студия печати Галины Золотовой

studiapechati@bk.ru